Моя тайная война

Ким Филби

SHOUT
SHARE IT

- Ким Филби.
  -
  -
- Предисловие
  -
  - От автора
  - Пролог. На волосок от гибели.
  - Глава I.
  - Глава II.
  - Глава III.
  - Глава IV.
  - Глава V.
  - Глава VI.
  - Глава VII.
  - Глава VIII.
  - Глава IX.
  - Глава X.
  - Глава XI.
  - Глава XII.
  - Глава XIII.
  - Приложение.

Ким Филби.
Моя тайная война.

Предисловие

Автор книги "Моя тайная война", выдающийся советский разведчик-интернационалист Ким Филби, посвятил всю свою сознательную жизнь делу коммунизма, делу защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, разоблачению агрессивных планов империалистических держав и подрывной деятельности их спецслужб, направленной против Советского государства, против мира и социального прогресса.

Имя Кима Филби по праву стоит в одном ряду со славными именами таких советских разведчиков, как Рудольф Иванович Абель, Конон Трофимович Молодый, Николай Иванович Кузнецов, Лев Ефимович Маневич, Рихард Зорге, чье высочайшее мужество, идейная убежденность, обостренная ответственность за порученное дело легендарны. Разведчиками, как и солдатами, не рождаются - ими становятся. И все перечисленные выше стали ими, хотя каждый шел в разведку своим путем и судьбы у них сложились по-разному.

Ким Филби уже в молодые годы выбрал свой путь - путь борьбы против фашизма, за торжество идей марксизма-ленинизма, социальную справедливость и прогресс. Горячее сердце и осознание необходимости принять личное участие в этой борьбе привели его в ряды советской разведки, где он овладел всеми методами и приемами работы, закалил характер и волю, рискуя жизнью, в течение долгих лет сражался на переднем крае невидимого фронта. Глубокая убежденность в правоте дела, которому он посвятил жизнь, верность социалистическим идеалам, готовность к самопожертвованию и несгибаемая воля позволили Киму Филби успешно выдержать все выпавшие на его долю испытания, с честью выполнить долг советского разведчика-интернационалиста.

Многогранный и обширный по географии подвиг ветерана советской разведки совершался им на территории ряда европейских государств и США, стран Ближнего и Среднего Востока. На его долю выпало немало испытаний, связанных с характером работы разведчика, особенно после того, как Филби был зачислен в кадры английской разведки. И обо всем этом достоверно рассказывается в этой книге.

Ким Филби родился в 1912 году в семье чиновника английской колониальной администрации в Индии. Впоследствии его отец увлекся исследованием арабского Востока и стал видным ученым-востоковедом. Являясь долгое время советником короля Саудовской Аравии Ибн-Сауда, Филби-

старший поддерживал тесные связи с консервативно настроенными аристократическими кругами, финансистами и парламентариями Великобритании и ряда других западноевропейских государств.

Отец Филби прекрасно понимал: чтобы завоевать положение среди британской элиты, необходимо кроме происхождения и воспитания получить соответствующее господствующим в этих кругах представлениям образование, и поэтому определил сына в Кембридж.

После успешного окончания Кембриджского университета Ким Филби получил возможность занять престижное место в правительственном аппарате, и он воспользовался этой возможностью, но не ради карьеры, а для того, чтобы выполнять задания советской разведки.

Еще в университете наряду с обязательными дисциплинами Филби занялся изучением научного социализма и под влиянием этого передового учения стал глубже осмысливать окружавшую его буржуазную действительность. Пытливый ум, наблюдательность, критическая оценка развернувшихся в 30-е годы классовых битв привели к тому, что Филби решительно порвал со своим классом и стал в ряды борцов за коммунизм.

"Мое решение занять активную позицию в борьбе против реакции не было результатом внезапного обращения в другую веру, - писал Ким Филби в предисловии к английскому изданию своей книги. - Самые ранние мои политические раздумья шли в русле лейбористского движения... Много читая, я постепенно начал замечать, что британская лейбористская партия стоит далеко в стороне от основного потока мирового развития левых сил. Однако настоящий переворот в моем мышлении произошел после... катастрофического поражения лейбористской партии в 1931 году. Казалось невероятным, что партия может проявить подобную беспомощность перед лицом реакции, продемонстрировавшей способность к мобилизации своих резервов в случае кризиса. Более того, восприимчивость, казалось бы, просвещенного избирателя к циничной пропаганде того времени ставила под сомнение сами посылки, лежащие в основе парламентской демократии в целом... Все это сблизило меня с левым крылом общественного мнения, критически настроенным по отношению к лейбористской партии, и особенно с коммунистами. Интенсивное изучение политической литературы и классиков европейского социализма перемежалось с активными, иногда накаленными дебатами на собраниях...

Прошло два года, прежде чем я перешел от социалистического к коммунистическому мировоззрению...

Университет я покинул с дипломом в кармане и убеждением, что моя жизнь должна быть отдана коммунизму".

Эта вера в торжество идей марксизма-ленинизма помогала Киму Филби выстоять в тяжкие годы сталинских репрессий, когда бесследно исчезали его советские коллеги, еще недавно работавшие рядом. "Открывшийся мне путь, - писал Филби, - требовал сжать зубы и твердо верить, что идеалы революции переживут заблуждения, даже самые огромные, отдельных личностей".

Без этой веры была бы невозможна работа в неимоверно сложной международной обстановке тех лет. Ведь не успели отгреметь последние залпы первой мировой войны, просохнуть слезы вдов и матерей, а над миром уже начали сгущаться зловещие тучи новой войны. В Западной Европе поднимал голову фашизм, агрессивный и антисоветский по своей сущности. Осуществив захват Маньчжурии, к восточным границам Советского Союза выдвинулась милитаристская Япония.

В этой сложной для Советского Союза международной обстановке и приступил Ким Филби к работе в советской разведке, которая стала смыслом всей его последующей жизни.

Киму Филби было совершенно очевидно, что для успешной работы в разведке недостаточно университетского образования и знаний иностранных языков. Под руководством своего советского коллеги он начинает овладевать искусством разведки, расширяет свои связи в кругах, заинтересованных в достижении договоренности с нацистами и готовых во имя удовлетворения имперских амбиций Британии признать "особые интересы" фашистской Германии в Восточной Европе.

Вспоминая те далекие годы, Филби рассказывал: "...Затем наступила пора профессиональной подготовки... Мой советский коллега провел скрупулезную работу, основанную на продуманном сочетании теории и примеров из практики...

Должен признаться, что порой многое казалось мне нудным повторением. Однажды я заявил, что данный вопрос мы уже отрабатывали десятки раз, и усомнился, нужно ли повторять его снова и снова. "Что? - воскликнул он. - Только десять раз?! Вам придется выслушать это сто раз, прежде чем мы покончим с этим вопросом".

Я глубоко благодарен ему за его настойчивость. Когда я приступил к настоящей работе в нацистской Германии и фашистской Испании, я был буквально напичкан идеями безопасности и конспирации. В значительной мере благодаря этому мне удалось выжить и стать ветераном".

Умело используя знакомства в пронацистски настроенных

кругах, Ким Филби вышел на высокопоставленных чиновников государственного аппарата Германии, даже удостоился личных встреч и бесед с Риббентропом.

Этому в немалой степени способствовало знакомство Филби через отца с известным английским разведчиком Локкартом, а через последнего с издателем немецкого фашистского журнала "Геополитик" генералом Хаусхофером.

Начав в 1935 году работать в качестве сотрудника в журнале "Ревью оф ревью", Филби принял затем предложение Локкарта и перешел в редактируемую им газету "Ивнинг стандард".

Выдавая себя за сторонника сближения между Англией и Германией, Филби вступил в члены англо-германского общества, был замечен генералом Хаусхофером и по его рекомендации совершил несколько поездок в нацистскую Германию в качестве корреспондента "Ивнинг стандард" и представителя "Геополитик". Эти поездки позволили Киму Филби получить полезную информацию о политических и военных устремлениях нацистских главарей и ближе познакомиться с интересовавшими советскую разведку лицами.

Вспоминая о том трудном периоде вживания в чуждую среду ради достижения поставленной цели, Филби в беседе с молодыми чекистами в 1985 году сказал: "...Моей задачей было вылепить из себя не образ нациста, а образ независимо мыслящего англичанина, воспринимающего гитлеровскую Германию как фактор европейской жизни середины 30-х годов и пытающегося извлечь из этого как экономические, так и культурные выгоды для своей страны. Эта линия была выработана мною с моим советским коллегой. При этом мы предусматривали все возможные в будущем перемены, в том числе, конечно, и разгром гитлеровской Германий. Зарекомендовать себя откровенным нацистом я просто не имел права, и наши предположения оправдались.

Насколько дальновиден и предусмотрителен был советский коллега, я убедился позднее, когда бывший редактор издававшейся в Англии пронацистской газеты Кэррол, стопроцентный нацист, после начала войны между Англией и гитлеровской Германией был арестован и всю войну провел в тюрьме. Представляете, как много "пользы" я бы принес, если бы мне пришлось всю войну просидеть в тюрьме".

Когда после фашистского мятежа в республиканской Испании встал вопрос о направлении на захваченную фалангистами территорию советского разведчика, Филби не только был готов профессионально выполнить это серьезное задание, но и, что не менее важно, смог запастись множеством рекомендаций от

сотрудников германского посольства в Лондоне, из Берлина и от британских магнатов к их коллегам в Испании.

Ким Филби успешно выполнил задание, сумел утвердиться в интересующих в то время советскую разведку кругах и даже получил от Франко орден за выдающиеся заслуги.

Франкистский посол в Англии герцог Альба, которому лорд Крэмборн пожаловался, что Франко плохо относится к английским журналистам, заверил его, что после того, как газета "Таймс" прислала такого блестящего молодого журналиста, как Ким Филби, этого не повторится.

Можно себе представить, как нелегко приходилось Филби, который, сочувствуя всем сердцем республиканцам, был вынужден, чтобы не выдать себя, в своих статьях оставаться беспристрастным. "Я старался сообщать только сухую информацию, - писал он. - Но за всю мою жизнь это был, очевидно, один из самых страшных периодов. Я приходил на поле боя, видел убитых товарищей, ради которых я отдал бы всего себя, но вынужден был ходить среди них как представитель "победителей".

Сколько горечи и скорби в этих словах! Какого нервного напряжения потребовало это от Филби и сколько невидимых рубцов отложилось на его сердце!

Этот богатый событиями отрезок своей жизни, названный испанским периодом, автор с присущей ему скромностью коротко изложил в прологе к книге, сопроводив заголовком "На волосок от гибели". Основную же часть своей книги он посвятил работе в английской разведке (СИС), постепенно, шаг за шагом знакомя читателя со структурой, кадрами и направлением деятельности СИС на разных этапах. С твердых марксистских позиций Ким Филби показал не столько неспособность, сколько нежелание правящих кругов Англии использовать аппарат разведки для развертывания активной борьбы против фашистской Германии, особенно на оккупированных ею территориях западноевропейских государств.

"...Англичане просто хотят восстановления статус-кво, существовавшего до Гитлера: возврата к Европе, где будут спокойно господствовать Англия и Франция при помощи реакционных правительств, достаточно сильных, чтобы поддерживать порядок среди своих народов и служить "санитарным кордоном" против Советского Союза, - пишет Ким Филби. - Такая точка зрения, однако, исключала само существование управления специальных операций, целью которого, говоря словами Черчилля, было зажечь пожар в Европе. А этого нельзя было добиться, призывая народ к сотрудничеству в

восстановлении непопулярного, дискредитировавшего себя старого порядка..."

Отдельные зарисовки Филби о кадрах и системе подготовки в диверсионной школе, о некоторых коллегах по СИС не лишены свойственного автору тонкого юмора и наблюдательности.

На богатом фактическом материале он знакомит читателя с антисоветской направленностью подрывной деятельности английских и американских секретных служб в послевоенный период, основы которой закладывались в то время, когда Великобритания и США являлись союзниками СССР по антигитлеровской коалиции.

Итак, цель, которая была поставлена перед Филби в начале его разведывательной карьеры, была достигнута - он стал кадровым сотрудником английской разведки. И это явилось не игрой случая, а закономерным результатом кропотливой планомерной работы по достижению поставленной цели. Много лет спустя, вспоминая первые годы работы в советской разведке, Филби с большой теплотой отзывался о своем первом руководителе, его прозорливости, умении выделить главное: "...Когда он говорил со мной о перспективах будущей работы и упоминал о возможности моего поступления в британскую секретную службу, я думал, что он фантазирует. Возможно, так оно и было. Однако его фантазия стала реальностью. Я часто задавался вопросом, узнал ли он об этом до своей безвременной гибели от рук фашистских агрессоров..."

Нельзя без восхищения думать об идейной стойкости и профессиональном мастерстве Филби, железной выдержке и хладнокровии, когда читаешь главы о его работе в английской разведке.

Начиная с 1940 года Ким Филби занимался операциями, направленными против специальных служб фашистской Германии и ее сателлитов, внося тем самым вклад в борьбу антигитлеровской коалиции против коричневой чумы. Его опыт сотрудника советской разведки помогал ему в решении профессиональных задач и как сотруднику СИС, что в определенной степени способствовало его быстрому продвижению по служебной лестнице.

Занимая ответственные посты в центральном аппарате английской разведки и ее представительствах за границей, Ким Филби вел активную разведывательную работу в интересах СССР. "Я рассматривал все занимаемые мною посты в СИС исключительно как прикрытие своей основной деятельности, а мое стремление к компетентному выполнению своих служебных обязанностей диктовалось стремлением занять те должности, на

которых я мог принести максимальную пользу Советскому Союзу", - написал он в 1968 году в своем обращении к английскому читателю.

Даже не искушенному в делах разведки человеку не составит особого труда догадаться, какую ценность для органов государственной безопасности СССР представляла поступавшая от Филби информация, благодаря которой удалось сорвать или предупредить многие замыслы и подрывные акции спецслужб США, Великобритании и их сателлитов, обезвредить забрасываемых агентов и диверсантов. Очень точно сказал об этом бывший сотрудник СИС, ныне известный писатель Грэм Грин: "Когда Филби достиг вершины своей карьеры, любая инициатива разведок Запада была заранее обречена".

Вместе с тем занимаемое Филби в английской разведке положение требовало от него поистине филигранной точности действий, тщательной соразмерности каждого принимаемого им решения.

Филби постоянно стоял перед дилеммой: - если бы все проводимые им по линии спецслужб противника операции оканчивались неудачей, то его бы в лучшем случае уволили; - если бы они были слишком успешными, то наносили бы ущерб Советскому Союзу и коммунистическому движению.

В этих условиях Филби приходилось планировать и проводить каждую из операций, направленных против интересов СССР, таким образом, чтобы они либо самым "естественным" путем проваливались, либо имели ограниченный успех и находились под контролем органов госбезопасности СССР. Это были годы колоссального нервного напряжения, требовавшие полной отдачи духовных и физических сил, постоянного поиска оптимальных решений. И Ким Филби ни разу не допустил ошибки.

Ким Филби, несомненно, был не только одаренной, но и сильной личностью. Получив в 1951 году информацию об угрозе ареста, нависшей над его единомышленниками Дональдом Маклином и Гаем Берджессом, занимавшими ответственные посты в министерстве иностранных дел Англии, Ким Филби, сознавая опасность, предпринял все возможное для их спасения. Начались годы тяжелой, изнурительной борьбы, когда Киму Филби в полной мере пришлось на себе испытать коварство и изощренность английских спецслужб, действовавших в ходе расследования методом "кнута и пряника".

Свое положение после первых допросов Филби охарактеризовал следующим образом: "Допрос потряс меня, однако мелькнул и луч надежды. Стало ясно, что, хотя на бумаге

дело против меня выглядит очень серьезно, тем не менее доказательств у них нет.

Я был достаточно опытным в подобных делах и знал, что за отсутствием доказательств они могут вести дело против меня только в том случае, если я сам во всем признаюсь. Поэтому все, Что я должен был сделать, - и это твердо стоять на позиции непризнания, а также не допускать противоречивых показаний".

Прекрасное знание противника и его приемов, высокие морально-волевые качества, выдержка и самообладание позволили Филби достойно выдержать продолжавшееся почти пять лет неравное противоборство.

Английским властям трудно было поверить, что талантливый разведчик Ким Филби, награжденный за особые заслуги орденом Британской империи, не их человек.

В 1955 году, когда вновь началось разбирательство, министр иностранных дел Англии Макмиллан во время дебатов в парламенте был вынужден публично снять все обвинения с Кима Филби.

Тонкий психолог, человек высокого интеллекта, понимающий и умеющий вовремя раскусить собеседника и его уловки, прекрасно анализировать складывающуюся обстановку и точно рассчитывать момент перехода от обороны к наступлению - таким предстает перед нами Ким Филби в этом поединке.

Несмотря на то что английская контрразведка (МИ-5) продолжала подозревать, что Филби причастен к делу Маклина-Берджесса, он, проявляя свои лучшие бойцовские качества, вновь активно включился в борьбу с происками американской и английской спецслужб против СССР с территории государств Ближнего Востока. Зная о подозрениях МИ-5, советская разведка принимала особые меры по обеспечению его личной безопасности. И когда в 1963 году поступила информация о нависшей над ним новой угрозе, Центр организовал выезд Кима Филби из Бейрута в СССР - страну, ставшую для него подлинной Родиной, которую он беспредельно любил и в которой обрел настоящее счастье. После короткого отдыха Ким Филби вновь включился в активную чекистскую работу, вносил большой вклад в дело обеспечения мира во всем мире, содействовал росту авторитета Советского Союза в глазах всего человечества.

Ким Филби прожил счастливую жизнь. Выступая перед коллективом чекистов на собрании, посвященном 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского, он имел полное право сказать: "Большая часть моей жизни позади. Оглядываясь на прошедшие годы, я думаю, что прожил их не зря. Мне хочется от себя повторить слова рыцаря революции Феликса Дзержинского: "Если

бы мне предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы ее так, как начал..." Об этом же он говорил в своем последнем интервью английскому журналисту Филипу Найтли, опубликованном в лондонской газете "Санди таймс" весной 1988 года.

За выдающиеся заслуги перед Советским государством Ким Филби был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, знаком "Почетный сотрудник госбезопасности".

Книга Кима Филби "Моя тайная война" имеет большую познавательную ценность, на конкретном достоверном материале раскрывает подрывную деятельность империалистических разведок против СССР и стран социалистического содружества.

С. Громов.

От автора

Предлагая советскому читателю эту небольшую книгу, я считаю необходимым дать некоторые пояснения.

Насколько мне известно, каждый факт, изложенный здесь, бесспорен. Но разумный читатель поймет, что я описываю события, происходившие двадцать, тридцать или сорок лет назад, и что память подчас может подвести. Учитывая это, я проверил и перепроверил мой материал и убедился, что если и есть в нем некоторые погрешности, то лишь самые незначительные, не влияющие на ход повествования и не искажающие картины деятельности английских, американских и других разведывательных служб, с которыми у меня были самые тесные отношения. Было бы полезно, конечно, если бы я вел дневник моей деятельности, но об этом, разумеется, не могло быть и речи. Наличие такого компрометирующего материала привело бы кратчайшим путем к разоблачению, аресту и другим чрезвычайно неприятным последствиям.

К тому же, хотя эта книга строго придерживается правды, тем не менее она не претендует на всю правду. Любой, кто надеется найти здесь информацию о советской разведке, будет разочарован. Несомненно, разведывательные службы противника способны составить себе общее представление о моей деятельности как советского разведчика. Однако существует масса информации, которой они не знают, а также есть сферы, где их попытки докопаться до истины весьма сомнительны. Но не мне, советскому разведчику, снабжать противника информацией или рассеивать его мучительные сомнения, поэтому я умышленно почти не упоминаю о моей работе с советскими товарищами...

Это обидно, потому что описание моей работы в советской разведке было бы, наверное, самой интересной частью моей истории. Но до тех пор пока идет тайная война с непримиримым противником, основные принципы нашей деятельности сохраняют свою первостепенную важность. Первый из этих принципов, грубо говоря: держи язык за зубами! Возможно, некоторые из моих более молодых читателей в отдаленном будущем увидят в открытой публикации подробное описание работы разведывательной организации, членом которой я был, но что касается меня, то я очень сомневаюсь, что доживу до этого времени.

Жены большинства разведчиков несут бремя особого рода: они не имеют возможности ни участвовать в работе своих мужей, ни даже знать о ней.

Всем таким женам посвящается эта книга, и особенно моей жене - Руфе.

Пролог. На волосок от гибели.

Однажды, в самом начале своей деятельности в качестве сотрудника советской разведки, я впервые подвергся серьезной опасности и буквально чудом избежал смерти. Шел апрель 1937 года. Местом моей резиденция в то время была расположенная на юге Испании Севилья. Мое основное задание состояло в том, чтобы из первых рук собирать сведения обо всех сторонах военной деятельности фашистов. Полученную информацию я должен был по договоренности лично передавать советским друзьям во Франции или при случае - в Англии. Для срочной связи у меня был код и несколько секретных адресов за пределами Испании.

Перед выездом из Англии мне вручили инструкцию по пользованию кодом, написанную на крошечном клочке материала, напоминающего рисовую бумагу. Инструкцию я обычно хранил в кармане для часов, и вот именно этот клочок чуть было не поставил меня под дула винтовок фалангистов.

После нескольких недель, проведенных в делах и заботах в Севилье и ее окрестностях, я случайно обратил внимание на объявление о предстоящем в следующее воскресенье в Кордове бое быков. В то время линия фронта проходила в 25 милях к востоку от Кордовы, между Монторо и Андухаром, и идея взглянуть на бой быков в непосредственной близости от фронта, где я еще не побывал, оказалась слишком заманчивой. Я решил провести весь конец недели в Кордове, включив в свою программу и воскресную корриду. Я отправился в военную комендатуру Севильи - капитанию, чтобы получить необходимый пропуск, но приветливый майор отмахнулся от меня. По его словам, для посещения Кордовы специального пропуска не требовалось. Все, что нужно сделать, - это сесть на поезд и отправиться в путь.

В пятницу я сел в утренний поезд в Севилье и оказался в одном купе с группой итальянских пехотных офицеров. Чувствуя себя, как говорится, всегда на работе, я пригласил их на обед в Кордове, но они вежливо отказались из-за отсутствия свободного времени: накануне отправки на фронт они будут слишком заняты в публичных домах.

Я снял номер в отеле "Дель Гран Капитан" и, пообедав в одиночестве, отправился на прогулку по благоухающим улицам Кордовы. Побродив в состоянии счастливой беззаботности до полуночи, я вернулся в отель и лег спать.

Мой сон был прерван оглушительным стуком в дверь. Я открыл. В комнату ввалились два человека в форме гражданской

гвардии, выполнявшей функции военной жандармерии. Они приказали мне быстро собрать вещи и отправиться в комендатуру. На мой вопрос: "Зачем?" - старший из них, в чине капрала, коротко бросил: "Приказ!"

В те дни я спал очень крепко. Не в мою пользу было и то, что я стоял в пижаме перед двумя гвардейцами в тяжелых башмаках и вооруженных винтовками и револьверами. Я еще не проснулся до конца и был растерян, так что мой мозг работал отнюдь не со скоростью света. Меня сверлила одна мысль: как избавиться от предательской бумажки в кармане брюк? Подумал о ванной комнате, но мой номер был без ванны. Пока я одевался и собирал вещи, гвардейцы перерыли мою постель. Может, удастся как-нибудь освободиться от этого клочка бумаги по дороге из отеля в комендатуру?

Когда мы вышли на улицу, я убедился, что сделать это нелегко. У меня была лишь одна свободная рука, в другой я нес чемодан. Позади твердо шагали, по всей видимости, хорошо вымуштрованные конвоиры, которые следили за мной, как ястребы. Так что, когда меня ввели в здание комендатуры, компрометирующая бумажка все еще находилась при мне. Помещение было освещено одной лампой без абажура, бросающей яркий свет на большой полированный стол. Я предстал перед низкорослым, уже немолодым, лысым и угрюмым майором гражданской гвардии. Не поднимая глаз от стола, он рассеянно выслушал рапорт конвоировавшего меня капрала.

После тщательной проверки моего паспорта майор спросил: "Где ваше разрешение на въезд в Кордову?" Я повторил ему то, что мне сказали в севильской капитании, но он не принял моих слов во внимание. "Неправда, - заявил он тоном, не терпящим возражений. - Всем известно, что для приезда в Кордову требуется особое разрешение". Что привело меня в Кордову? Желание посмотреть бой быков? Где же мой билет? Ах, у меня его нет? Я только что приехал и собирался купить билет утром? "Правдоподобная" история! И так далее. По мере нарастания скептицизма в словах майора я все больше убеждался, что майор - ярый англофоб. В те дни было много англофобов по обе стороны фронта в Испании. Мой мозг заработал с лихорадочной быстротой в поисках выхода из создавшегося положения.

Майор и два арестовавших меня гвардейца с подозрительностью приступили к осмотру моего чемодана, но прежде они поразили меня неожиданной деликатностью, надев перчатки. Содержимое чемодана тщательно просматривалось, прощупывалось пальцами и разглядывалось на свет. Не найдя ничего предосудительного в моем нижнем белье, они стали

тщательно замерять наружные и внутренние размеры чемодана, простукивая его поверхность. Когда "невинность" содержимого" чемодана оказалась вне всяких сомнений, гвардейцы даже вздохнули. У меня появилась надежда, что это конец моих испытаний и что мне теперь прикажут с первым же поездом убираться из города, но этого не случилось.

"А теперь, - неприятным тоном сказал майор, - как насчет вас?" И предложил мне вывернуть карманы. Нужно было действовать немедленно. Я быстро вытащил свой бумажник и резким движением швырнул его на полированный стол. Бумажник, закрутившись, полетел в дальний угол стола. Как я и предполагал, все трое бросились за бумажником, стараясь дотянуться до него через стол. В тот момент, когда передо мной торчали три пары ягодиц, я выхватил из кармана брюк злополучный клочок бумаги, смял его и быстро проглотил. Теперь с легким сердцем я выворачивал все карманы. Майор не стал подвергать меня неприятной процедуре телесного осмотра. Вместо этого он прочел мне сухую короткую лекцию о коммунистах, заправляющих в английском правительстве, и приказал убираться из Кордовы на следующий же день.

Утром, когда я расплачивался за номер в отеле, из дальнего угла холла появились оба моих "приятеля" из гражданской гвардии и попросили подвезти их до станции на заказанном мною такси. Садясь в поезд, идущий в Севилью, я подарил им пачку английских сигарет, и они радостно замахали вслед уходящему составу.

Это не был героический эпизод. Если бы даже инструкцию по пользованию кодом обнаружили, мой английский паспорт, вероятно, спас бы меня от смертного приговора. Однако в будущем у меня будет немало возможностей убедиться в том, что операции, связанные с настоящим риском, не всегда влекут за собой наибольшую опасность, так как можно заблаговременно определить действительную степень риска и принять соответствующие меры предосторожности. А вот незначительные случаи, подобные только что описанному, часто подвергают человека смертельной опасности.

Глава I.
Секретная служба принимает меня на работу.

Насколько мне помнится, впервые я установил контакт с английской секретной службой летом 1940 года. Это дело интересовало меня в течение ряда лет. Еще в нацистской Германии и позже в Испании, где я работал корреспондентом "Таймс" при вооруженных силах генерала Франко, я питал некоторую надежду на то, что ко мне постараются "подобрать ключи". Я был уверен, что сразу узнаю "своего" человека, как только он начнет осторожно зондировать меня. Он представлялся мне худощавым, загорелым, конечно, с подстриженными усиками, немногословным и, вероятно, ограниченным. Он, конечно, предложит мне работать во имя родины и сурово нахмурится при упоминании об оплате. Но увы! Ничего подобного не произошло. Единственным офицером разведки, который проявил ко мне какой-то интерес в Испании, был немец, некий майор фон дер Остен, он же дон Хулио. Он погиб в начале второй мировой войны в автомобильной катастрофе в Нью-Йорке. Дон Хулио обычно привозил меня в помещение абвера в Конвенто де лас Эсклавас в Бургосе и давал пояснения по большим картам, висевшим на стене и утыканным обычными цветными булавками. Целый год он время от времени угощал меня обедами и вином, и контакт казался полезным. Однако в конечном счете выяснилось, что он интересовался мной лишь с одной целью - чтобы я представил его знакомой мне даме. Когда я оказал ему эту услугу, майор сразу же предложил ей работать на немецкую разведку и выполнять обязанности иного рода. Дама с возмущением отвергла его но всем статьям, и он отдалился от меня.

Когда разразилась вторая мировая война, "Таймс" направила меня в Аррас своим корреспондентом, аккредитованным при штабе британской армии. К июню 1940 года я вернулся в Англию, будучи дважды эвакуирован - из Булони и Бреста. В Лондоне я написал для "Таймс" две-три статьи, в которых подвел итоги кампании и указал на ее различные моральные аспекты. Не помню, что я тогда писал. Прочитав недавно едкие замечания об этой кампании в мемуарах Лиддела Гарта, я испытал лишь чувство облегчения за провал в памяти. Должно быть, я написал ужасную чепуху. Итак, к концу июня я оказался без дела. "Таймс"

не проявляла намерения ни отделаться от меня, ни перегружать работой. Таким образом, я располагал свободным временем, чтобы спланировать свое будущее. Главное, нужно было определить ту основу, на которой его следовало строить.

Я решил покинуть "Таймс", хотя ко мне там всегда хорошо относились. Но полевая армейская цензура убила во мне всякий интерес к военной корреспонденции. Попытайтесь написать сообщение с фронта, не упомянув ни названий населенных пунктов, ни номера части, и вы поймете, что я имею в виду. Позже английская военная цензура стала более либеральной, но в период странной войны тупые ограничения цензуры сравнивались (не в ее пользу) с практикой цензоров генерала Франко, подвергшейся в свое время резкой критике.

Однако, решив покинуть "Таймс", я не должен был забывать, что приближается срок моего призыва в армию. У меня не было никакого желания полностью потерять контроль над своей судьбой, и поэтому я с возрастающим беспокойством колдовал над тем "железом", которое ковал для себя, стараясь его не перекалить. У меня состоялась одна многообещающая встреча с Фрэнком Берчем, которую организовал наш общий друг. Берч был ведущей фигурой в государственной школе кодирования и шифровального дела - криптографическом учреждении, которое занималось раскрытием кодов противника (и друзей). Однако Берч, в конце концов, отверг меня на том издевательском основании, что не может предложить мне жалованье, достойное моего труда. Огорченный, я отправился в Холлоуэй на медицинский осмотр.

Через несколько дней меня вызвал к себе в кабинет редактор иностранного отдела "Таймс" Ральф Дикин. Он вытаращил на меня глаза, надул щеки и сморщил лоб, что обычно делал, когда бывал расстроен. Некий капитан Лесли Шеридан из военного министерства позвонил ему и спросил, свободен ли я для военной работы. Шеридан не произвел впечатления на Дикина, хотя и представился как журналист, поскольку в прошлом был связан с "Дейли миррор". Короче говоря, Дикин не хотел участвовать в этом деле и убеждал меня отказаться. К сожалению, мне пришлось его разочаровать. Я никогда не слышал о Шеридане, но решил ковать железо, пока горячо. И я немедленно откликнулся на запрос.

Вскоре на внешнем дворе гостиницы "Сент Эрмин", вблизи станции "Сент-Джеймс-парк", у меня состоялась встреча с госпожой Марджори Мэкси. Это была очень приятная пожилая дама. Я не имел никакого представления, да и до сих пор не имею, какое именно положение она занимала в государственной

системе. Но госпожа Мэкси говорила авторитетно и, очевидно, имела право по крайней мере рекомендовать меня на "интересную" работу. В начале нашей беседы она затронула вопрос о возможности политической работы против немцев в Европе. В течение десяти лет я серьезно интересовался международной политикой, объездил многие страны Европы, у меня уже сложились более или менее зрелые представления о подрывной деятельности нацистского режима, поэтому я был достаточно хорошо подготовлен для беседы с госпожой Мэкси на эту тему. Кстати, в тот период в Англии лишь очень немногие серьезно задумывались над этим вопросом, так что и представления самой госпожи Мэкси были далеко не ясными.

Я выдержал первый экзамен. Госпожа Мэкси попросила меня встретиться с нею еще раз на том же самом месте через несколько дней. На вторую встречу она явилась в сопровождении Гая Берджесса, которого я хорошо знал. Мне опять устроили испытание. Вдохновленный присутствием Гая, я старался показать себя в выгодном свете, бесцеремонно бросаясь именами, как будто давал интервью. Мои собеседники время от времени обменивались взглядами. Гай важно и одобрительно покачивал головой. Оказалось, что я попусту тратил время, поскольку решение уже было принято. При прощании госпожа Мэкси сказала, что в случае моего согласия я должен порвать связи с "Таймс" и прибыть в распоряжение Гая Берджесса на Кэкстон-стрит, в том же квартале, что и гостиница "Сент Эрмин".

"Таймс" не доставила мне хлопот. Дикин надулся, повздыхал немного, но он не мог предложить мне ничего интересного. Итак, я без фанфар покинул Принтинг-Хаус-сквер. Мне казалось, меня ждала новая секретная и важная карьера. Я решил, что мой долг - воспользоваться опытом единственного знакомого мне сотрудника секретной службы. Поэтому я весь уик-энд веселился с Гаем Берджессом. В следующий понедельник я официально доложил ему о прибытии на службу.

Учреждение, с которым я связал себя, называлось Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС). Оно широко известно также под названием МИ-6, хотя непосвященная публика называет его просто секретной службой. Я удивился, с какой легкостью меня приняли на службу. Позже выяснилось, что единственным запросом о моем прошлом была обычная проверка в МИ-5 (контрразведке), где проверили мою фамилию по учетным данным и дали лаконичное заключение: "Ничего компрометирующего не имеется". Теперь каждый новый скандал со шпионами в Англии порождает поток рассуждений о "позитивной проверке" (подробное исследование всех материалов,

относящихся к прошлому проверяемого и связанных с ним лиц. - Прим. авт.) Но тогда, в счастливом эдеме, о "позитивной проверке" и не слышали. В первые недели мне даже казалось, что я, может, вовсе и не туда попал (на эту мысль навел меня коллега из Москвы. Мои первые сообщения заставили его серьезно подумать, что я попал в какую-то другую организацию. - Прим. авт.), что где-то есть другая служба, скрытая в тени, действительно секретная и действительно могущественная, способная на такие закулисные махинации, которые оправдывают вечную подозрительность, например, французов. Скоро, однако, стало ясно, что такой организации не существует. Это было концом иллюзий, но их утрата не причинила мне боли.

Сначала Гай повел меня в предназначавшийся мне кабинет. Это была маленькая комната со столом, креслом и телефоном. Раздраженно фыркнув, Гай вышел в коридор и вскоре вернулся с пачкой бумаги, которую положил на стол. Удовлетворенный тем, что я теперь полностью вооружен для выполнения своих обязанностей, он сообщил, что мое жалованье будет таким же, как и у него, - 600 фунтов стерлингов в год. Деньги выплачиваются наличными ежемесячно и без вздорных притязаний со стороны налогового управления. Нечего совать нос в каждый секретный шиллинг! Фактически же за секретностью жалованья скрывалось грубое неравенство. Каждый контакт между начальником и подчиненным теоретически являлся частным, секретным договором, и если начальник мог заполучить работника А дешевле, чем Б, то, каковы бы ни были их достоинства, начальник поступил бы глупо, не сделав этого. Однако меня вполне устраивали предложенные условия, и вскоре меня представили некоторым моим будущим коллегам.

Подразделение СИС, куда я попал, было известно под названием секции "Д" (диверсии). Я никогда не видел ее устава, если он вообще существовал. Из разговоров с коллегами я понял, что задача секции - содействовать поражению противника путем организации активного сопротивления и путем уничтожения невоенными средствами источников его мощи. Начальником секции был полковник Лоуренс Гранд. Меня представили ему через несколько дней после зачисления в штат. Высокий и худой, он поразительно напоминал человека, которого я рисовал в своем воображении, находясь в Германии или Испании. Разница заключалась в том, что его никак нельзя было назвать человеком ограниченного ума. Он свободно и быстро ориентировался во всех вопросах, входивших в круг его страшных обязанностей, и никогда не пасовал перед идеей, какой бы значительной и даже дикой она ни казалась.

В то время много внимания уделяли идее взрыва Железных ворот на Дунае с целью прервать поставку немцам румынской нефти. Мне приходилось видеть Железные ворота, поэтому меня поражало то хладнокровие, с каким мои коллеги говорили о взрыве ворот, словно речь шла о разрушении шлюзовых ворот на Риджентс-кэнэл. Такая акция никак не соответствовала скудным ресурсам секции "Д" в 1940 году. И когда эту попытку все же предприняли, югославская полиция сразу раскрыла и уничтожила ее в самом зародыше, поставив английское правительство в неловкое положение.

Таким же несоответствием между целями и средствами отличались предложения нарушить снабжение немцев нефтью путем "вывода из строя бакинских нефтяных промыслов". Впоследствии мне довелось увидеть бакинские нефтяные промыслы, и меня позабавила мысль о том, как бы англичане приступили к выполнению такого задания, допустим, начав действовать с базы в Каире. Даже в 1940 году я счел бы такие разговоры пустой фантазией, если бы лично не присутствовал на пресс-конференции в Аррасе, которую созвал генерал Паунелл, бывший в то время начальником штаба у лорда Горта. Генерал Паунелл тогда заявил, что, учитывая мощь линии Зигфрида, лучшие перспективы может открыть удар через Кавказ (речь идет о планах нападения на Советский Союз, которые вынашивали в то время правящие круги Великобритании под лицемерным предлогом нанесения удара по Германии с востока. - Прим. авт.). В случае успеха такой удар взломает "слабую восточную систему обороны Германии" и откроет путь англо-французскому наступлению.

У полковника Гранда никогда не было средств для осуществления своих идей, хотя их щедро предоставляли его преемникам. Его лондонский штат легко мог разместиться в большой гостиной. Так оно и бывало, когда мы регулярно собирались по воскресеньям в его загородной вилле, где неиссякаемыми темами для дискуссий были планы, планы и планы. В разведке Гранду доставались чуть ли не одни объедки. Старейшие и более прочно обосновавшиеся подразделения разведки с неодобрением встречали попытки добиться большего куска от "секретного" пирога. Исходя из обоснованной предпосылки, что саботаж и подрывная деятельность сами по себе небезопасны (виновников взрывов нетрудно установить), работники разведки с удовольствием спешили сделать необоснованный вывод: взрывы - это, мол, напрасная трата времени и денег, так пусть лучше все средства идут на "тихий" шпионаж. Поэтому требования Гранда к казначейству и

вооруженным силам нередко замораживались в самой разведывательной службе. В лучшем случае Гранду оказывалась прохладная поддержка.

По части политической диверсии возникали еще большие трудности, потому что здесь затрагивались основные аспекты британской политики. Английское правительство привыкло поддерживать монархов и олигархов в Европе и было настроено против любых форм подрывной деятельности. Единственно, кто мог оказывать Гитлеру какое-то сопротивление, были представители левого движения - крестьянские партии, социал-демократы и коммунисты. Только они были способны, рискуя жизнью, бороться против оккупантов. Но было мало вероятно, чтобы они стали стараться ради английского правительства, упорно продолжавшего заигрывать с королями каролями и принцами павлами, которые систематически преследовали всех левых в период между войнами.

Таким образом, в Англии идеологи подрывной деятельности начали свою работу в условиях серьезных препятствий, воздвигаемых министерством иностранных дел, которые слишком поздно поняли, что, каков бы ни был исход войны, солнце их любимых марионеток закатилось навсегда. Неудивительно поэтому, что в самый решительный момент движения Сопротивления стали тяготеть к Советскому Союзу и что сбалансировать влияние СССР во Франции, Италии и Греции удалось только присутствием многочисленных англо-американских вооруженных сил.

В целях конспирации и для удобства всем офицерам СИС давались условные обозначения, которые применялись в корреспонденции и при разговорах. Гранд, естественно, обозначался буквой "Д". Начальники подсекций были известны как "ДА", "ДБ" и т. д., а их помощникам добавлялись цифры, например "ДА-1". Гай имел обозначение "ДУ". По установленному порядку я должен был бы обозначаться как "ДУ-1", но Гай деликатно объяснил, что условное обозначение "ДУ-1" подразумевает определенную подчиненность ему, а он хочет, чтобы нас считали равноправными. Гай разрешил эту дилемму: вместо цифры к моему обозначению он прибавил букву "Д". Так передо мной открылась карьера работника секретной службы, условно обозначенного "ДУД" (английское слово "dud" означает "неудачник". - Прим. пер.).

Подсекция "ДУ" не была идеальным отправным пунктом для моей карьеры. Мне хотелось найти в службе свое собственное место, а для этого прежде всего необходимо было выяснить, как она организована и чем занимается. Гай же превратил свою

подсекцию в своего рода фабрику идей. Он считал себя колесом, которое, вращаясь, высекает идеи, словно искры. Куда падали эти искры, его, по-видимому, не интересовало. Он проводил массу времени в кабинетах других сотрудников, где предлагал свои идеи. Когда он воодушевлялся, в коридоре то и дело раздавался его смех. После трудового утра, заполненного разговорами, Гай обычно врывался ко мне в кабинет и предлагал выпить.

Однажды в июле Гай вошел ко мне, против обыкновения, с какими-то бумагами. Это были страницы написанной им докладной записки. Гранд в основном одобрил ее содержание, но предложил глубже изучить и подработать вопрос. Для этого Гаю и понадобилась моя помощь. Я страшно обрадовался. По долгому опыту я знал, что "помогать" Гаю значило освободить его от всякой работы. Но поскольку я целые две недели буквально ничего не делал, я был рад любой работе. Я взял документы, а Гай уселся на край моего стола, стараясь уловить на моем лице признаки одобрения.

Это была характерная для него продукция - масса здравого смысла, затерянного в цветистых оборотах и сомнительных цитатах. (Гай располагал цитатами чуть ли не на каждый случай жизни, но никогда не утруждал себя их выверкой.) Он предлагал создать школу для обучения агентов методам подпольной работы. Предложение поражало не тем, что его внесли, а тем, что до сих пор его никто не сделал. Школы такого рода еще не существовало. Гай доказывал необходимость этого дела, общепризнанного теперь, но нового в то время. Он наметил программу обучения. В заключение Гай предлагал назвать школу колледжем Гая Фокса в память о неудачливом заговорщике, "планы которого раскрыла бдительная елизаветинская СИС". Не мог же он предложить название "Колледж Гая Берджесса"!

Наконец-то у меня появилось какое-то дело. Я разбил вопрос на составные части: программа, отбор слушателей, конспирация, размещение и т. д. - и по каждой подготовил докладные записки. Засыпав меня своими предложениями, Гай, казалось, потерял всякий интерес к последней вспышке своих идей, но это было не так. Он знал, что Гранд прочитал мои документы и создал комиссии для их обсуждения. Меня лично и тогда, и позже не привлекала работа в комиссиях. В каждой комиссии обычно есть свое пугало. Моим пугалом в комиссии по вопросам обучения стал некий полковник Чидсон. Он сыграл большую роль в спасении от Гитлера значительного количества промышленных алмазов в Голландии, но для меня он был просто надоедливым человеком. Ему чудилось, что Европу охватывает анархия, и он отчаянно сопротивлялся идее позволить массе головорезов

свободно расхаживать по континенту. Однажды я увидел его идущим мне навстречу по Лоуэр-Риджентс-стрит. Минутой позже он тоже заметил меня и застыл на месте. Затем быстро поднял воротник и нырнул в переулок. Необходимость нашей школы стала очевидной.

В то время Гай неизменно повторял: "Надо, чтобы за эту идею ухватились". В какой-то степени это удалось. Вскоре я, к своему удивлению, узнал, что для использования в учебных целях уже приобрели Брикендонбери-холл, бывшее школьное здание, расположенное на просторном участке неподалеку от Хартфорда. Меня представили капитану 3 ранга Питерсу, которого назначили начальником школы. Он часто приглашал нас с Гаем на обед в "Хангерию", чтобы послушать, что мы думаем о новом деле. У него были мечтательные голубые глаза и очаровательная мягкая улыбка. Несмотря на резкое различие характеров, он сильно привязался к Гаю, который бесцеремонно таскал у него со стола сигареты. К сожалению, его сотрудничество с нами оказалось недолгим. Впоследствии его посмертно наградили крестом Виктории, вероятно, за ненужную храбрость, проявленную в Оранской гавани. Услышав о его награждении, я взгрустнул при мысли, что Питерс никогда об этом не узнает. Он был человеком сентиментального склада и заплакал бы от такой чести. Наши слушатели обожали его.

Среди преподавательского состава были разные люди. Был весельчак Джордж Хилл (сотрудничал с Брюсом Локкартом, одним из английских тайных агентов в России после революции 1917 года, а также был другом Сиднея Рейли. Во время второй мировой войны занимал высокий пост в УСО и был послан Черчиллем в Москву в качестве представителя УСО/СИС. - Прим. авт.) - автор книг о своих таинственных приключениях в Советской России, один из немногих оставшихся в живых англичан, которые действительно засыпали "песок в буксы". С большим брюшком, Хилл скорее походил на опереточного короля с лысой макушкой вместо короны. Позже его назначили руководителем миссии управления специальных операций (Управление специальных операций было создано по распоряжению Черчилля в 1940 году и руководило всеми тайными действиями против стран оси, особенно саботажем и диверсиями. - Прим. авт.) в Москве. Мои друзья в СССР приняли это с восторгом: они знали о Хилле все.

Был еще специалист по взрывчатым веществам - Кларк. Он отличался неуемным чувством юмора. Когда однажды его попросили организовать показ своих методов для начальника чешской военной разведки и его аппарата, Кларк расставил мины-

ловушки в рощице, через которую шла дорога на полигон. Кларк предполагал, что чехи пойдут через рощу гуськом. Они же, напротив, пошли шеренгой, и офицеры, шедшие по краям, перенесли тяжелое потрясение. Лишь по счастливой случайности никто не пострадал.

Был также меланхоличный чех. Его рекомендовали как печатника, работавшего в подпольной типографии в Праге. Это был бледный, приземистый толстяк.

Другой печальной фигурой был австрийский социал-демократ Вернер. Его готовили на роль руководителя слушателей-австрийцев, которых мы могли получить, однако такие слушатели не появились. Вернер говорил только по-немецки, и мне приходилось тратить немало времени, чтобы все ему объяснить. В конце концов он подал в отставку и получил другое назначение. Подводную лодку, перевозившую его в Египет, потопили в Средиземном море пикирующие бомбардировщики.

Выдающейся личностью среди нас был, несомненно, Томми Харрис, известный торговец произведениями искусства. Его взяли по предложению Гая в качестве своего рода домоправителя и главным образом потому, что Харрис и его супруга были вдохновенными кулинарами. Он оказался единственным среди нас человеком, который в первые же недели установил тесный личный контакт со слушателями. Работа в школе была совершенно недостойной Харриса, необразованного, но обладавшего блестящим природным умом. Томми вскоре переманила МИ-5, где он стал впоследствии инициатором и руководителем одной из самых изобретательных разведывательных операций того времени. Для меня, как увидим, дни, проведенные в Брикендонбери, были беспросветным мраком. Их скрашивала лишь зародившаяся и высоко мною ценимая дружба с Томми Харрисом.

Слушателей оказалось у нас мало - две небольшие группки бельгийцев и норвежцев и несколько большая группа испанцев. В целом их насчитывалось около 25 человек. Возможно, они и получили что-то полезное в Брикендонбери, хотя я в этом сомневаюсь. Мы не имели представления о задачах, которые им предстояло выполнять, и ни Гаю, ни мне не удалось раздобыть необходимых сведений у руководства в Лондоне. Иначе говоря, нам почти нечем было заниматься, и мы только и делали, что беседовали с Питерсом да помогали ему составлять докладные записки для руководства, которые редко удостаивались ответа. Было ясно одно: мы мало чему могли научить испанцев, большинство которых были подрывниками из Астурии (в прошлом шахтеры). "Все инструкторы похожи друг на друга, -

сказал как-то один испанец, парень лет восемнадцати. - Они говорят нам, сколько надо отрезать бикфордова шнура, мы же для безопасности увеличиваем длину вдвое. Вот почему мы пока еще живы".

Англичане могли бы извлечь полезный урок из области конспирации, если бы разбирались в ее правилах. Это выявилось только через несколько лет. Поскольку предполагалось, что мы имеем дело с агентами, которые будут засылаться на территорию противника, где их, весьма вероятно, могут схватить, было решено подлинные имена и фамилии офицеров из преподавательского состава скрыть под кличками. Питерс стал Торнли, Хилл - Дейлом и так далее. Гай, дав волю своему мальчишескому воображению, за моей спиной убедил Питерса навязать мне такую неприличную кличку, что я даже не решаюсь ее назвать. Единственное исключение составил Томми Харрис, которому, по непонятным мне причинам, разрешили оставить его собственное имя.

Как-то после войны Томми случайно встретил руководителя нашей бельгийской группы, человека неприятного, постоянно кичившегося своим аристократическим происхождением. Томми зашел с ним выпить чаю. Вспоминая Брикендонбери, бельгиец заметил, что слушатели раскрыли все наши клички, за исключением одной. Томми проверил его и выяснил, что тот действительно знает все наши имена. Он спросил тогда, кто же составил исключение. "Речь идет о вас", - ответил бельгиец.

Скоро с этих страниц на время исчезнет имя Гая Берджесса, поэтому мне, надеюсь, простят, если я расскажу о пристрастии Гая к невинным проделкам. Однажды летним вечером Питерс лежал в постели с острым приступом экземы. Чтобы скрыть ее, он отращивал бороду. Около его кровати сидел, потягивая из рюмки портвейн, приезжий инструктор, назвавший себя Хэзлиттом. Внезапно из сада раздался крик, а за ним послышались разноязыкие возгласы. В дом ввалились слушатели. Каждый из них утверждал, что видел кто троих, кто десяток и даже более парашютистов, выбросившихся поблизости. Услышав это сообщение, Питерс приказал бельгийцам надеть форму и установить пулеметы в окнах. Это обеспечивало хороший сектор обстрела через школьные спортивные площадки. Не знаю, что случилось бы, если б противник вошел через парадную дверь. "Раз немцы высадились, - сказал Питерс Хэзлитту, - придется встать".

Потом он допустил роковую ошибку, приказав Гаю установить точные данные о происшествии и сообщить о результатах дежурному офицеру в Лондон. Гай приступил к делу с напускной добросовестностью. Я слышал урывками его доклад

по телефону. "Нет, мне нечего добавить к тому, что я сказал... Не хотите же вы, чтобы я фальсифицировал показания, не правда ли? Повторить?.. В районе Хартфорда видели спускающиеся парашюты в количестве от восьмидесяти до нуля... Нет, я не могу определить достоверности сообщений разных свидетелей. От восьмидесяти до нуля. Вы поняли? Я позвоню вам еще раз, если понадобится. До свидания". Торжествуя, Гай пошел докладывать. "Не знаю, что я смогу сделать, если поднимусь, - сказал Питерс, - но я, конечно, должен взять командование на себя".

Прошел час или два, но больше ничего не случилось. Бельгийцы печально разобрали свои "льюисы", и мы пошли спать. Все следующее утро Гай висел на телефоне, распространяя веселые новости. Оказывается, дежурный офицер поднял своего начальника, а тот связался с военным министерством. Восточный военный округ был поднят на ноги, и на рассвете его бронечасти заняли позиции по боевому расписанию. Гай высказал ряд предположений относительно того, во что все это обошлось. Следует заметить, что цифру "нуль" назвал ему накануне вечером я, цифра же "восемьдесят" исходила, по-видимому, от самого Гая. Мы оба ошиблись. Сбросили всего один парашют. Прикрепленный к мине, он безобидно повис на дереве, и мина не взорвалась. Быстро летели летние дни, а каких-либо четких директив из Лондона не поступало. Капитан 3 ранга все больше мрачнел и стал еще более неразговорчивым и скрытным. Сначала я думал, что его беспокоит экзема, но потом до меня стали доходить слухи о переменах, о которых официально нам так и не объявили. А произошло вот что. Секцию "Д" выделили из СИС и реорганизовали, передав в ведение министра по вопросам экономической войны доктора Дальтона. Гранд ушел, его место занял Фрэнк Нельсон, бизнесмен, лишенный чувства юмора, чьи способности мне так и не представилось возможности оценить. После посещения Брикендонбери Колином Габбинсом (в 1939 году был помощником начальника разведывательного управления военного министерства. - Прим. авт.) и группой свежевыбритых офицеров, которые лаяли друг на друга и на нас, Питерс впал в глубокую депрессию. Мы не удивились, когда однажды утром он вызвал Гая и меня и сообщил, что провел весь прошлый вечер за составлением рапорта об отставке. Он говорил это с печалью в голосе, как бы сознавая свое поражение и проявленное к нему невнимание. Затем, воспрянув духом, он заговорил увереннее, и впервые за многие дни его лицо озарила очаровательная улыбка. Он был явно счастлив вернуться к своим суденышкам после короткого крещения политическим огнем. Отставку Питерса приняли без осложнений. Мы начали равнодушно

расформировывать наше заведение. Шаги, предпринятые в целях конспирации, сохранились в моей памяти смутно. Мы должны были запрятать наших слушателей куда-нибудь подальше для использования в будущем. Позже я узнал, что, кроме Вернера, по меньшей мере еще двое из них погибли. Одного милого радиста-норвежца немцы поймали и расстреляли сразу же после его возвращения в Норвегию. Другого, лучшего слушателя из бельгийской группы, сбросили на парашюте в Бельгии. Парашют зацепился за шасси самолета, и на огромной скорости бельгиец потерял сознание и задохнулся.

Томми Харрис покинул нас, глубоко возмущенный. Вскоре он нашел свое настоящее место и стал ценным сотрудником в МИ-5. Мы с Гаем прибыли в новый центр управления специальных операций на Бейкер-стрит, 64. Позже он стал известен (или печально известен, в зависимости от точки зрения) просто как Бейкер-стрит. В связи с новыми задачами появилось много новых лиц. Людей набирали среди банкиров, юристов и крупных бизнесменов. Угнетающе ощущалось отсутствие прежних коллег. Нельсон проводил чистку весьма тщательно. Ему охотно помогали некоторые старшие сотрудники СИС, особенно Клод Дэнси и Дэвид Бойл, о которых речь пойдет позже. Они были полны решимости "изжить", не только Гранда, но и всех его ближайших соратников.

Чистка подошла вплотную и ко мне, но на мне и прекратилась. Навестив меня однажды вечером, Гай был необычно молчалив. В конце концов выяснилось, что он пал "жертвой бюрократической интриги". Его уволили. Естественно было предположить, что мои собственные дни, а может, и часы тоже сочтены, и Гай, очевидно, ожидал меня в товарищи по несчастью. Но па следующий месяц и месяц спустя я по-прежнему получал конверты с жалованьем. Управление специальных операций, видимо, во мне нуждалось, а возможно, я был слишком незначительной фигурой, чтобы почтить меня увольнением. Гай не унывал. Он вскоре нашел желанное убежище в министерстве информации и даже начал с презрением поговаривать о моей затянувшейся связи с "выгребной ямой" (начальные буквы английского выражения "Slop and offal", означавшего "выгребная яма", совпадают с начальными буквами английского названия УСО - Special Operations . - Прим. пер.).

Глава II.
Работа в управлении специальных операций.

Провал нашего первого учебного заведения подействовал на меня угнетающе, но это принесло мне известную выгоду, поскольку я вернулся в Лондон, где почувствовал себя, по крайней мере, ближе к коридорам власти и источникам больших решений. Практически же непосредственной пользы от этого мне было мало. У меня не оказалось никаких конкретных обязанностей, и потому я не мог претендовать на рабочее место. Я слонялся по учреждению на Бейкер-стрит, стараясь запомнить новые лица и сколько-нибудь связно представить себе организационную структуру УСО. Это было самой трудной задачей в то время. Все казались очень занятыми, даже если только передвигали мебель. В обстановке столь бурной деятельности меня тяготило безделье. Такая ситуация напоминала мне прием с коктейлем, где все друг друга знают, а ты - никого.

В то время это казалось неправдоподобным, но фактически я был свидетелем родовых мук будущей внушительной организации. И если я описал первые дни ее существования так, как воспринимал все это тогда, в несколько легкомысленном стиле, то, по-видимому, такой стиль объясним. В период между войнами разведывательная служба пользовалась мифическим престижем, однако этот миф не имел реального основания. К такому заявлению многие могут отнестись с недоверием, тем более что на этот счет не опубликовано никаких материалов. Но разве это более невероятно, чем известный случай, когда британский флот, тоже пользовавшийся престижем, будучи послан в Александрию, чтобы отпугнуть Муссолини от Абиссинии, оказался не в состоянии что-либо сделать, потому что не имел снарядов? А правда заключалась в том, что секретная служба, так же как и вооруженные силы Англии, потихоньку увядала. Помимо финансовых проблем мало внимания уделялось укомплектованию службы и ее организации. Если в армии задавали тон офицеры, которые спустя двадцать с лишним лет после сражения при Камбре (в сражении при Камбре 20-30 ноября 1917 года впервые в истории в массовом количестве были применены танки. - Прим. авт.) все еще считали конницу главной ударной силой, то в секретной службе (лишь потому, что ее

начальником был адмирал) оказалось полно людей, просто-напросто не нужных флоту. Нельзя особенно осуждать за это адмирала Синклера (начальник разведки ВМС до 1921 года. Начальник СИС с 1936 года и до своей смерти в ноябре 1939 года. - Прим. авт.), так как, вынужденный рассчитывать только на свои весьма скромные ресурсы, он, естественно, подбирал подчиненных из тех кругов, которые знал лучше.

Что касается системы и организации, то их фактически не было. Когда под влиянием страхов, навеянных "пятой колонной" в Испании, понимание потенциального значения тайных операций начало проникать и в так называемую британскую военную мысль, результатом явилась лишь жалкая импровизация. Скептически настроенной СИС была придана секция "Д", в задачу которой входило планировать шумные акты отчаянной храбрости. В то же время тема "черной пропаганды" (подпольная, или подрывная, пропаганда. - Прим. авт.) стала игрушкой в руках ряда смежных государственных организаций, которые метались в потемках, мешая друг другу. Неудивительно поэтому, что в первые годы войны результаты были минимальными. Дабы не подумали, что я преувеличиваю, приведу выдержку из книги полковника Бикэма Суит-Эскота, одного из самых способных и восприимчивых офицеров, прослужившего в УСО всю войну.

"Перечень наших достижений (летом 1940 года) был невнушительным. На нашем счету было всего лишь несколько успешных операций. Была у нас даже некоторая, с позволения сказать, организация на Балканах, но даже там нам не удалось достичь чего-либо выдающегося... Попытки подрывных действий на Балканах вызывали лишь раздражение у нашего министерства иностранных дел. Что касается Западной Европы, то в силу ряда объективных причин наши успехи были просто плачевными, так как между Балканами и Ла-Маншем мы не имели ни одного агента. Странно, но факт".

Таков был фон, на котором происходили перемены, описанные в предыдущей главе. Впрочем, это была лишь малая частица обширной программы реформ. В июле 1940 года Черчилль предложил министру экономической войны доктору Дальтону взять на себя ответственность за все тайные операции против врага. Реализуя это поручение, Дальтон создал организацию, которую назвал управлением специальных операций. Первоначально оно было разделено на три отдела: СО-1 - для "черной пропаганды", СО-2 - для саботажа и диверсий и СО-3 - для планирования. СО-1 впоследствии переименовали в управление политической войны, а СО-2 получил название, принадлежавшее первоначально всей организации, то есть УСО.

Для краткости я буду называть их в дальнейшем УПВ и УСО, хотя некоторые описываемые события происходили до изменения наименований. СО-3 можно больше не упоминать, поскольку эта организация очень скоро потонула в бумагах собственного производства и бесславно закончила свое существование.

Я уже начал было удивляться, сколько же можно получать деньги не работая, как вдруг меня вызвал к себе Колин Габбинс. Наряду с другими обязанностями ему поручили подготовить учебную программу. Он, видимо, слышал мою фамилию в связи с неудавшимся опытом в Брикендонбери. Габбинс к концу войны стал весьма известной личностью, и мне приятно думать, что на той первой беседе я распознал в нем человека с будущим. Все в его кабинете свидетельствовало об энергии хозяина. Говорил Габбинс кратко, дружеским, благожелательным тоном. Один мой друг прозвал Габбинса Вилли Вихрь - по имени героя популярного комикса того времени.

Габбинс начал с того, что спросил, разбираюсь ли я в политической пропаганде. Догадываясь, что Габбинс любит односложные ответы, я ответил: "Да". Затем он сообщил, что намечается создать новое учебное заведение большого масштаба. Там будут организованы курсы для подрывников, радистов и так далее. Кроме того, Габбинс собирался создать центральные курсы для обучения общим методам саботажа и подрывной деятельности. Одним из таких методов являлась подрывная пропаганда, и Габбинс подыскивал подходящего преподавателя. Габбинс предложил мне подготовить проект программы по этому предмету. Проводив меня до двери, он сказал: "Сделайте ее покороче".

Приступив к составлению программы, я понял, что мои познания в области подрывной пропаганды оставляют желать много лучшего. У меня не было непосредственного опыта работы в современной рекламе, и я не знал ее методов, которые широко применяются в пропаганде. За несколько лет журналистской деятельности я научился лишь сообщать о происходящем, а это нередко роковая ошибка в работе пропагандиста, задача которого - убеждать. Я пытался утешить себя мыслью о том, что мир видел немало хороших пропагандистов, которые ровно ничего не смыслили в методах рекламы, скажем, таких товаров, как мыло. Однако все это было неубедительно, ж я взял на себя труд проконсультироваться с некоторыми своими друзьями из мира рекламы. Вскоре я набрался столько знаний об основных принципах рекламы, что мог бы прочитать об этом несколько лекций. А главное, я установил, что на работников рекламы можно полагаться лишь в двух вопросах: во-первых, когда они

предостерегают вас от этого занятия и, во-вторых, когда они самым подробным образом распространяются о грязных методах своей работы.

Через несколько дней у меня в руках оказалось достаточно материала, чтобы приступить к составлению проекта программы, нужной Габбинсу. Для большей убедительности я решил привести примеры из области европейской политики, и в особенности политики фашизма. Я сжал проект до полутора страниц обыкновенной писчей бумаги и доложил Габбинсу по телефону, что документ готов. Через пять минут он позвонил мне сам, сообщив, что в тот же вечер созывает совещание в кабинете у Чарльза Хэмбро (во время войны Черчилль назначал своих друзей из Сити на высокие посты в УСО и СИС, в том числе он не забыл и своего банкира Чарльза Хэмбро, который возглавлял УСО в 1942-1943 годах. - Прим. авт.) для обсуждения проекта. Это было для меня первое реальное дело в английской разведке после падения Франции.

Габбинс привел на совещание нескольких сотрудников из своего аппарата. Хэмбро приветствовал нас в свойственной ему располагающей манере, так что мы почувствовали себя непринужденно. Он взял составленную мною бумагу и зачитал ее вслух, медленно и вдумчиво. Закончив, заметил, что это разумный документ. Сотрудники Габбинса, как по команде, с серьезным видом закивали в знак согласия. У них был вид привыкших к беспрекословному повиновению военных. К моему удивлению, Габбинс весело улыбнулся. "Именно то, что я хотел, - сказал он, подчеркивая слова. - Именно то... Что вы скажете, Чарльз?" Хэмбро ничего конкретного не ответил: возможно, он думал совсем о другом. "Вот и составьте эту программу",- предложил мне Габбинс. На этом совещание закончилось.

Теперь у меня были конкретные обязанности, что давало мне право на рабочее место в учреждении Габбинса. Я стал работать не в доме номер 64, а выше по Бейкер-стрит, в сторону Риджентс-парка. Я приступил к составлению программы, расширяя свои черновые наброски до объема полных лекций. И все же я не был счастлив. Новую школу предполагалось разместить в Бьюли в Хэмпшире, далеко от Лондона. Такое расстояние очень мешало бы реализации других моих целей. Порой хотелось бросить все это дело, но меня останавливали два соображения. Во-первых, необходимо было сохранить свое положение в секретном мире, куда я получил доступ. Глупо было бы увольняться, пока не появилась ясная перспектива другой работы в этом же мире. Во-вторых, лишние знания никогда не помешают, и я ничего не потеряю, если узнаю, что делается в широко разветвленной сети

учебных заведений управления специальных операций. Я решил остаться, пока не подвернется что-нибудь более стоящее.

Я не сомневался, что руководство учебных заведений отпустит меня, когда я захочу. Я знал, что лектор из меня получится никудышный. Дело в том, что с четырехлетнего возраста у меня появилось заикание, иногда я мог с ним справиться, иногда нет. Кроме того, меня мучили сомнения относительно содержания моего лекционного курса. Перспектива говорить о политической подрывной деятельности меня не пугала. В Англии в то время было мало людей, которые сколько-нибудь разбирались в этом деле, а я все же имел небольшой опыт в этой области. Беспокоило меня крайне поверхностное знакомство с методами пропаганды. Правда, мне приходилось сочинять листовки, но я понятия не имел о том, как они печатаются.

До сбора в Бьюли еще оставалось некоторое время, и я решил восполнить пробелы в своих знаниях. Я старался как можно чаще посещать Уоуберн-Эбби, где всегда вялый Липер председательствовал на заседаниях сотрудников "черной пропаганды" в управлении политической войны. (За четыре с лишним года Липер мало изменился. Я встретил его летом 1945 года. Он апатично бил мух в английском посольстве в Афинах, когда Греция уже начинала бурлить.) Я с удивлением отметил, что Липер способен раздражаться. Поговаривали, что у него были частые стычки с доктором Дальтоном и что добрейший доктор не раз страдал от Липера. Это отчасти подтверждается и в мемуарах самого Дальтона.

Если новая Бейкер-стрит стала вотчиной дельцов банковского дела, большого бизнеса и юстиции, то Уоуберн осаждали работники рекламы. За пределами собственного убежища Липера это учреждение напоминало филиал рекламной фирмы. Были, конечно, исключения, такие, как Дик Кроссмен, Кон О'Нейл, Сефтон Делмер и Валентайн Уильямс, но большинство сотрудников, как мне казалось, имели именно тот опыт, в котором я больше всего нуждался.

Сначала они отнеслись ко мне несколько сдержанно. Как и во всех учреждениях, особенно новых, в Уоуберне остерегались посторонних людей. Вскоре, однако, убедившись в моей искренности и готовности принимать их советы, они изменили ко мне отношение. Очевидно, что тайные агенты в Европе будут заниматься пропагандой, хотим мы этого или нет. В этой ситуации мне представлялось разумным "просунуть ногу в дверь" Уоуберна - органа, ответственного за "черную пропаганду", в качестве полезного ему инструктора. После нескольких визитов я

удостоился чести позавтракать с Липером. Присутствовавший на завтраке Валентайн Уильямс предложил подвезти меня в Лондон в служебном "роллс-ройсе". Я хотел поболтать с ним хотя бы о Клабфуте (главное действующее лицо серии шпионских романов, написанных Валентайном Уильямсом. - Прим. авт.), однако после хорошего завтрака он всю дорогу проспал.

В то время я занимался также и другой, пожалуй более важной, областью моих исследований. Преподавать агентам методы пропаганды - дело хорошее, но не менее важно содержание пропаганды. Рано или поздно агенты начнут получать конкретные задания, и необходимо заранее подготовить их к характеру предстоящих действий. Все это требовало определенной политической обработки агентов, с тем чтобы они прибыли на место деятельности, имея хотя бы какое-то общее представление о планах английского правительства. В Уоуберне же получить ответы на такие вопросы нечего было и надеяться. Липер и его сотрудники сами жаловались на недостаточное политическое руководство из Лондона.

С этой целью я обратился к Хью Гейтскелу, которого немного знал еще до войны, когда мы обсуждали проблемы Австрии. В то время Гейтскел был главным личным секретарем у Дальтона, получал все сведения, что называется, из первых рук. Гейтскел поддерживал тесную связь с Глэдвином Джеббом, на которого Дальтон возложил ответственность за деятельность на Бейкер-стрит. Гейтскел обычно предлагал встретиться за обедом в дешевом ресторане недалеко от Беркли-сквер, и, как правило, мы обсуждали мои проблемы за сосисками с картофельным пюре. Иногда после обеда мы шли к Гейтскелу на работу и консультировались с Джеббом или даже с самим доктором. Последний всегда был готов нас принять и угостить виски с содовой. (Я уже хвастался тем, что распознал в Габбинсе человека большого масштаба. Справедливости ради должен признать, что в Гейтскеле я никогда не замечал способностей первоклассного лидера "переднескамеечников" (на передних скамьях в английском парламенте располагаются представители правящей партии. - Прим. авт.), которые выявились впоследствии.)

В целом результаты этих встреч меня разочаровали. У Дальтона были свои неприятности с министерством иностранных дел. Тогда, как и теперь, легко было говорить о точке зрения министерства, но на самом деле там уйма народу и немало разных точек зрения. Когда же принимались во внимание все возражения против того или иного курса действий, итог обычно не вызывал энтузиазма. Чаще оказывалось, что англичане просто хотят восстановления статус-кво, существовавшего до Гитлера:

возврата к Европе, где будут спокойно господствовать Англия и Франция при помощи реакционных правительств, достаточно сильных, чтобы поддерживать порядок среди своих народов и служить "санитарным кордоном" против Советского Союза.

Такая точка зрения, однако, исключала само существование управления специальных операций, целью которого, говоря словами Черчилля, было зажечь пожар в Европе. А этого нельзя было добиться, призывая народ к сотрудничеству в восстановлении непопулярного и дискредитировавшего себя старого порядка. Невыполнима эта задача была и потому, что настроения данного момента в значительной степени определялись победоносным шествием Гитлера по Европе. УСО могло действовать эффективно, только заранее предусмотрев перелом в настроениях в Европе, после нескольких лет войны, когда нацистское господство ожесточит людей и заставит взять свое будущее в собственные руки. Эти настроения, без сомнения, должны были стать революционными и покончить с Европой 20-х и 30-х годов.

Дальтон и Гейтскел видели, конечно, противоречия между задачами УСО и точкой зрения министерства иностранных дел, но им приходилось действовать осторожно, ибо у них самих не имелось четкой альтернативы. Оба, как добропорядочные социалисты, надеялись, что один из важнейших ключей к решению проблемы находится в руках европейских профсоюзов. Однако было сомнительно, чтобы профсоюзы пошли на риск по велению английского правительства, если даже в него входят Эттли, Бевин, Дальтон и другие социалисты. Многим казалось, что Англия военного времени резко отличается от Англии Болдуина и Чемберлена, но разве это не была просто другая маска, за которой скрывался предатель Абиссинии, Испании и Чехословакии? Неспособность английских лидеров развернуть настоящую революционную пропаганду только подтверждала это, и Англия всю войну страдала из-за отсутствия должного политического руководства. Все организации Сопротивления брали у Англии деньги и снаряжение, но очень немногие прислушивались к голосу Лондона. Организации Сопротивления возникали потому, что люди видели собственный путь к будущему, и это не был путь, предусмотренный для них английским правительством. Таким образом, относительный успех управления специальных операций в области материальных разрушений и беспокоящих действий сопровождался относительным провалом в политической области.

Здесь не место обсуждать ограничения в деятельности УСО, как навязанные извне, так и скрытые в его собственной слабости.

Об этих проблемах я упоминаю лишь затем, чтобы показать, какие сомнения одолевали меня после назначения преподавателем в Бьюли. Это в какой-то мере объясняет, почему, несмотря на наличие хороших коллег, которых я встретил в школе, мое пребывание там не приносило мне почти никакого удовлетворения. Личные недостатки и вынужденное забвение моих главных интересов значительно содействовали неудачному состоянию моих дел. При всяком удобном случае я уезжал в Лондон, обычно под предлогом посещения Уоуберна для переговоров по техническим вопросам.

Как я уже сказал, эта неудовлетворенность никоим образом не была связана с моими коллегами в Бьюли. С ними мне как раз повезло. Начальник школы Джон Манн, молодой полковник, не принадлежал ни к службистам, ни к сверхскрытным, ни просто к глупцам. Это был здравомыслящий офицер. Он не рявкал на подчиненных, но и не проповедовал учение йогов. Благодаря личному авторитету Джон Мани сумел сплотить довольно пестрый состав сотрудников. С ними он обращался как старший, а к начальству относился хотя и лояльно, но критически. Начальником штаба у него был пожилой мужчина, который служил еще в первую мировую войну. Он любил называть себя разведчиком до мозга костей, но похоже, что мозгов у него в костях было маловато. Впрочем, он лишь изредка докучал нам деловыми вопросами, а к тому же неплохо играл на рояле.

Старший преподаватель Билл Брукер был яркой фигурой и впоследствии сделал блестящую карьеру в филиале школы, открытой в Канаде. Он умел подать товар лицом, обладал неистощимым запасом острот и анекдотов, в том числе знал серию анекдотов на великолепном марсельском арго. Насколько мне известно, у него не было опыта подпольной работы, однако стоило ему немного изучить дело, как он мог говорить со слушателями так, будто ничем другим, кроме этого, и не занимался. Жалкое подобие Брукера, его помощник представлялся как бизнесмен.

Работал в школе и бывший сотрудник фирмы "Веджвуд", производившей фаянсовые изделия. Бледный, с диким взглядом, он обычно нарушал долгое молчание неожиданными и уничтожающими репликами. Был также Тревор-Уилсон. Позже он стал известен как специалист французского и китайского языков и оказался бесценным сотрудником в Ханое. Из Бьюли он частенько ездил в Саутгемптон по личным делам, по поводу которых смачно улыбался, но ничего не рассказывал. Однажды ему отказали в служебном транспорте для такой поездки, и он прошагал пешком весь путь туда и обратно - пятнадцать или

двадцать миль. Я никогда не встречал более самоотверженного проявления галантности. Резкой противоположностью Тревора-Уилсона был один букменист (Фрэнк Натан Дэниел Букмен - американский евангелист и миссионер, основатель оксфордской группы. В 1939 году он проводил широкую кампанию за моральное разоружение Великобритании. - Прим. авт.), который, к несчастью, избрал меня в собеседники. Однажды он изложил мне свои взгляды на половые отношения, и я сказал, что мне жаль его жену. После этого мы встречались лишь за пинг-понгом, в который он играл с такой ловкостью, что я невольно вспоминал о происхождении человека от обезьяны.

Душой всего коллектива был Поль Ден. Никто лучше его не умел разогнать тоску и всех развлечь. Он доказал, что глубокие воды не обязательно должны быть спокойными. В глубине души это был серьезный человек, склонный к романтизму. Внешне же он весь кипел и бурлил, как горный поток. Его дурачества за пианино помогали сотрудникам школы коротать длинные летние вечера.

Ден нечасто бывал в школе, так как работал офицером связи между школой и учреждением на Бейкер-стрит. Одной из главных его обязанностей было добывать у руководства материалы, которые могли пригодиться преподавательскому составу. Поскольку эти потребности на той ранней стадии не имели границ, Дену предоставлялось довольно широкое поле деятельности. Я страшно завидовал ему, так как его работа устроила бы меня гораздо больше моей.

Другим, кто добился наибольшего общественного признания после войны, следует назвать Харди Эймиза, который стал личным портным королевы. Эймиз был первым и единственным человеком этой профессии, с которым мне довелось столкнуться. Он выделялся своей большой и элегантной зеленой пилоткой, какие носили офицеры разведывательной службы вооруженных сил.

Главное, чем отличался я от коллег, было то, что никто, кроме меня, не имел опыта тайной работы. Никому из них тогда и не приходило в голову понижать голос, проходя мимо полицейского. Однако последующий опыт работы убедил меня, что в той ситуации подбор неопытных преподавателей оказался мудрым. Опытных работников секретной службы не хватало. Практически их можно было заполучить только из СИС. И конечно, если бы обратились к СИС и попросили выделить инструкторов, то СИС, следуя проверенной временем практике, просто избавилась бы от собственных никчемных работников (если даже таковыми можно было тогда пожертвовать). Страшно

подумать, что случилось бы со слушателями, если бы они попали в руки подобных людей. Надо сказать, что преподаватели школы хотя и отличались более чем посредственным интеллектом и воображением, но в сравнении с ними некоторые бывалые разведчики выглядели тогда вообще слабоумными. Это подтвердил и опыт. УСО много критиковали за планирование работы и за отдельные операции, за недостаточное сохранение тайны, но нападок на его учебные заведения было сравнительно немного.

Второе, чем я отличался от коллег в Бьюли, - это костюм. Все они носили военную форму. Питерс и Габбинс не раз поговаривали, что было бы желательно и мне вступить в армию. Но, как я уже сказал выше, такой шаг мог серьезно ограничить свободу моего передвижения, не предоставив взамен никаких преимуществ. Я пришел к выводу, что для сохранения моего необычного статуса лучше всего не соглашаться и не отказываться. Постепенно об этом забыли. Позже, еще задолго до конца войны, я понял, насколько удачным было мое решение. Мне не мешали ни мечты о продвижении по службе, ни зависть сослуживцев, и ко мне никогда не придирались старшие офицеры других служб.

Разница между Бьюли и Брикендонбери заключалась в том, что в Бьюли действительно учили людей. Школа стала настоящим учебным заведением. Там, например, занималась группа норвежцев, которые проявили замечательные способности к диверсионным операциям. Так, во время одного ночного учения, всего после нескольких недель подготовки, эта группа сумела в полном составе добраться до намеченной цели в верхнем этаже здания в Сэндрингеме. Норвежцы прошли густую рощу, усеянную сигнальными устройствами и ловушками, которые расставил руководитель учения, и, незамеченные, миновали сад, усердно патрулируемый инструкторами. Я сам находился в патруле и мог поклясться, что ни один человек не проходил.

В Бьюли учились и мои старые друзья-испанцы из Брикендонбери, которым наконец представилась возможность немного поработать. После первого же разговора с ними они прозвали меня "el comisario politico" (политический комиссар (исп.). - Прим. пер.). Возможно, это были те самые испанцы, которых мой старый коллега Питер Кемп встречал на берегу озера Лох-Морар, близ Арисейга. В своей поучительной книге "Без знамен и знаков отличия" Кемп писал о них: "Мерзкая шайка убийц; и мы не пытались с ними общаться" (мое мнение об Испании и испанцах, естественно, отличается от мнения Питера Кемпа, который во время гражданской войны воевал на стороне

генерала Франко, однако я полностью согласен с описанием того потрясения, которое Кемп испытал при первой встрече с начальником испанского отделения УСО Хью Куэннеллом. - Прим. авт.) -(примечательный случай интуитивного суждения).

Лично я считаю, что, после того как ими чуть ли не целый год помыкало британское правительство, они вправе были убить любого человека в форме английского офицера. Однако они проявляли сдержанность.

С чувством печали вспоминается группа голландцев, которые прошли в школе первый курс. После провала одной операции многих из них вскоре послали на верную смерть. Бывший офицер абвера Гискес написал о том, как в Голландии немцы захватили радиста УСО и заставили поддерживать связь с Англией. В результате голландцев группу за группой сбрасывали в руки, немцев. При последующем расследовании, кажется, установили, что захваченный радист успел передать Центру сигнал о том, что он находится в руках немцев. Видимо, его сообщение то ли неправильно расшифровали, то ли просто оставили без внимания.

Вскоре после открытия школы Альберто Тарчиани и его друзья прислали туда партию итальянцев-антифашистов, завербованных в лагерях для итальянских военнопленных в Индии. Им не повезло с английским офицером, которому их поручили. Он отлично владел итальянским языком и принадлежал к тем солдафонам, что любят покрикивать на подчиненных. Я без особого сочувствия к нему частенько думал, что рано или поздно он получит стилет под ребро.

Учились в Бьюли также два француза. Им поручили какое-то специальное задание, которое они тщательно скрывали. Один из них принадлежал к правым, другой - к левым, но оба питали острую ненависть к Виши. Они оказались моими лучшими учениками и через две недели выпускали превосходные листовки. Я упоминаю об этом потому, что французы были чуть ли не единственными слушателями, кто проявлял какой-то интерес к политике и политической пропаганде. Другие являлись, видимо, более подходящим материалом для УСО: храбрые, поддающиеся обработке, готовые выполнить все, что им прикажут, не переживая за будущее Европы.

Лично я представлял тоже плохой материал для УСО, поскольку меня прежде всего волновала именно судьба Европы. Военная обстановка становилась все хуже и хуже. Греческая армия в результате боев с итальянскими войсками в Албании к весне почти утратила боеспособность. За апрельской югославской революцией, которую УСО ставило себе в какой-то степени в заслугу (наши люди там были, но post hoc, ergo propter hoc -

"после этого" не означает "вследствие этого" (лат.) - Прим. авт.), сразу же последовало вторжение в Югославию и оккупация Греции. Затем случилось самое худшее - потеря Крита, для обороны которого Англии следовало бы выделить достаточные средства. Удержание залива Суда явилось бы существенной компенсацией за потерю Балкан. Однако такие вопросы трудно было обсуждать в той среде, где действительное положение вещей прикрывалось стремлением сохранить присутствие духа. Тем временем назревали более значительные события.

Однажды утром мой ординарец принес мне чашку чая и разбудил меня словами: "Он пошел на Россию, сэр". Прочитав две довольно поверхностные лекции о методах пропаганды, я вместе с другими преподавателями пошел в столовую. Всех терзали сомнения в этой запутанной ситуации. На чью сторону встать, когда Сатана пошел войной на Люцифера? "Боюсь, русским придет конец",- задумчиво сказал Манн. Многие с ним согласились, некоторые даже со злорадством. Дух добровольцев, собиравшихся в Финляндию, был еще жив. Дебаты, однако, вскоре прекратились, так как объявили, что вечером выступит Черчилль с обращением к народу. Самое разумное для рядовых англичан было подождать, пока выскажется премьер-министр.

Черчилль разрешил проблему. Когда он кончил речь, Советский Союз уже стал союзником Англии. Сотрудники школы одобрили это, и все встало на свои места. Однако через несколько дней беспокойство вновь охватило людей, так как из Лондона просачивались компетентные оценки способности Красной Армии оказать сопротивление Германии. Русский отдел разведывательного управления военного министерства, предсказывая продолжительность русской кампании Гитлера, колебался между тремя и шестью неделями. Специалисты УСО и СИС придерживались примерно такого же мнения. Наиболее оптимистичный прогноз, который я слышал в те дни, приписывали бригадиру Скейфу, работавшему тогда, по-моему, в управлении политической войны. Он сказал, что русские продержатся "по меньшей мере три месяца, а может быть, и гораздо дольше". Как написал однажды Ивлин Во, "он попал прямо в точку".

Теперь, как никогда, мне необходимо было уехать подальше от рододендронов Бьюли. Следовало как можно скорее найти подходящее место. Вскоре представилась многообещающая возможность. Во время редких поездок в Лондон я обычно навещал Томми Харриса на Честерфильд-Гарденс, где он жил, окруженный сокровищами искусства и в атмосфере haute cuisine et grand vin (изысканная кухня и дорогие вина (франц.), - Прим.

пер.). Харрис придерживался мнения, что хороший стол не портят пятна от вина. Я уже говорил, что после расформирования училища в Брикендонбери Харрис поступил в МИ-5. Как-то, по-моему в июле, он спросил, не интересует ли меня работа, для которой требуется хорошее знание франкистской Испании. Он объяснил, что работа будет не в МИ-5, а в СИС.

Чтобы понять смысл предложения Харриса, необходимо предварительно коротко изложить вопросы, которые подробно будут рассмотрены в последующих главах. СИС ведала всей секретной разведывательной работой на иностранных территориях - как шпионажем, так и контрразведкой. МИ-5 занималась вопросами контрразведки и государственной безопасности в Англии и на всех английских заморских территориях. Контрразведывательный отдел СИС, известный как пятая секция, и МИ-5 составляли фактически две стороны одной медали. Главной задачей пятой секции было заблаговременно добывать информацию о шпионских операциях против Англии, готовящихся извне. Само собой разумеется, что достоверное заблаговременное предупреждение, получаемое от пятой секции, должно было помогать МИ-5 обеспечивать безопасность страны.

По словам Харриса, пятая секция не справлялась с этой задачей. МИ-5 решительно нажимала на СИС, требуя улучшения работы пятой секции и даже угрожая заняться этими вопросами своими силами. Конечно, подобное расширение функций МИ-5 могло произвести только правительство, и некоторые должностные лица готовы были довести этот вопрос до самых верхов. СИС поэтому уступила давлению МИ-5 и значительно увеличила бюджет пятой секции для содержания дополнительного штата. Поскольку большая часть немецких разведывательных операций против Англии проводилась с Пиренейского полуострова, то наибольшее расширение штата - с двух офицеров до шести - намечалось провести в подсекции, занимавшейся Испанией и Португалией. Харрис сообщил мне, что начальник пятой секции Феликс Каугилл подыскивает человека, знающего Испанию, который возглавил бы расширенную подсекцию. Харрис сказал, что в случае моего согласия он может предложить мою кандидатуру и очень надеется на успех.

Я решил принять это предложение, но попросил у Харриса несколько дней на размышление. Могли возникнуть какие-то препятствия. Во всяком случае, решение надо было тщательно обдумать. Пятая секция находилась в Сент-Олбансе. Это было не идеальное место, но гораздо лучше, чем Бьюли. Новая работа потребует от меня установления личных контактов с другими отделами СИС и с МИ-5. Можно было предполагать, что к этому

делу проявит интерес министерство иностранных дел, не говоря уже о военных министерствах. Случайно я узнал, что архивы СИС тоже расположены в Сент-Олбансе, в соседнем с пятой секцией помещении. Оценивая отрицательные стороны этой работы, я мог отметить лишь, что она не во всех отношениях соответствует той, какую бы я выбрал сам. Испания и Португалия находились теперь далеко на флангах моих действительных интересов, однако то же самое, но в еще большей степени можно было сказать и о Бьюли.

Спустя несколько дней я сказал Харрису, что буду благодарен, если он осуществит свое предложение. Сначала Харрис заинтересовал своего шефа Дика Брумена-Уайта, который был тогда начальником пиренейского отдела МИ-5. Позже он стал моим близким другом. Я склонен полагать, что официально в пятую секцию обратился Дик Уайт, тогда ответственный работник МИ-5 и чуть ли не единственный человек, чьи личные отношения с Каугиллом оставались терпимыми (Дика Уайта, Большого Дика, не следует путать с Диком Бруменом-Уайтом, Маленьким Диком. Первый впоследствии стал начальником СИС, а последний - членом парламента от консервативной партии по Рутергленскому округу). Прошло не так много времени, и мне позвонил сам Каугилл, предложив встретиться.

Тем временем я старался как-то выбраться из Бьюли. Я нарочно неудачно провел две лекции, после чего никто не мог утверждать, что я незаменим. Манн принял мое решение уволиться сочувственно, со свойственным ему благоразумием. Он только попросил меня задержаться, пока я не найду себе замены. И мне опять посчастливилось. Тот самый Хэзлитт, который плечом к плечу с капитаном 3 ранга Питерсом храбро встретил "немецких парашютистов" в Брикендонбери, оказался не у дел.

Окончательное оформление заняло еще две-три недели. За это время я нанес визит Каугиллу в Маркейте, расположенном на отвратительном узком участке Большой Северной дороги. В те времена было меньше формальностей. Я не подавал официального заявления о приеме на работу, и поэтому Каугилл не выражал формального согласия взять меня. Тем не менее во время беседы в тот долгий вечер он рассказал мне, в чем именно будут состоять мои обязанности на фоне структуры СИС в целом. Поскольку его высказывания носили строго секретный характер, я воспринял их как официальное заявление о приеме на работу. Другими словами, я уже считал себя принятым.

Глава III.
Грязный бизнес под солидной вывеской.

Перевод или, скорее, переход из УСО в СИС завершился в сентябре 1941 года. Одна энергичная дама, которая сделала подобный шаг примерно на год позже меня, была довольна такой переменой, ибо, как она сказала: "Если уж суждено заниматься грязными делами, то лучше это делать под солидной вывеской". Я бы мог произнести то же самое раньше нее, если бы' мне пришло это в голову. Недооценивать способности новых людей, вливавшихся в УСО на Бейкер-стрит, было бы неразумно. К тому же эти люди преследовали вполне достойные цели. Покинув свои уютные кабинеты в Сити и Темпле, они привнесли дух напряженной импровизации, стремление посеять беспорядок и финансовый хаос по всей Европе, и тем самым все до одного превратились из охраняющих дичь лесников в браконьеров. Наблюдать, как бурлили идеи по коридорам, было очень забавно, но было очень трудно вымолить в министерстве авиации и в адмиралтействе лишний самолет или суденышко. УСО еще предстояло утвердить себя среди исстари консервативных английских служб.

СИС тоже претерпевала изменения, аппарат ее разрастался, но удовлетворить все увеличивающийся голод военных министерств в разведывательной информации пока не удавалось. У СИС был, однако, сложившийся опыт работы и соответствовавшая ему структура аппарата. Расширение штата мало изменило ее характер. Хотя и под давлением, но СИС принимала представителей министерства иностранных дел и военных министерств. Из них заметный след оставил лишь Патрик Рейли (в 1944 году был главным советником министерства иностранных дел при СИС, в 50-х годах - послом Англии в Москве, а затем в Париже. - Прим. авт.). Разведка выдержала даже таких пришельцев, как Грэм Грин (мне однажды пришлось защищать Грэма Грина, когда он получил нагоняй за то, что его агент, посланный на Азорские острова после захвата их Англией, не смог установить связь, в результате чего СИС оказалась в глупом положении перед МИ-5. - Прим. авт.) и Малькольм Маггеридж, которые вносили оживление в работу службы. Я наконец почувствовал твердую почву под ногами и приступил к настоящей работе.

Как известно, СИС в то время располагалась в Бродвей-билдингс, напротив станции метро "Сент-Джеймс-парк". Однако организация военного времени переросла рамки ее первоначальной резиденции. Пятую секцию и центральный архив перевели в Сент-Олбанс. Другие мелкие подразделения разбросали по Лондону и окружающим его графствам. По прибытии в Сент-Олбанс меня поселили у богатого человека по фамилии Барнет. Богатство было не единственным его пороком. Барнета ежедневно возили от дома до станции в "роллс-ройсе" с шофером, а в это время его жена запирала сахар и пересчитывала банки с вареньем, чтобы не таскали слуги. К счастью, я вскоре нашел подходящий коттедж на самой окраине города, где мне никто не мешал. Через несколько дней у одного мужчины на автобусной остановке я купил фазана. Мужчина сказал, что у него "иногда бывают и куры". С тех пор я стал питаться довольно прилично.

О СИС будет много сказано на последующих страницах, и в ходе повествования у читателя сложится общая, хотя далеко не исчерпывающая, картина ее деятельности. Сейчас же я хочу лишь сообщить основные данные о структуре и работе СИС, чтобы с самого начала помочь читателю понять мою историю. Следует учесть, что всякий общий обзор неизбежно бывает упрощенным. Если британский гений склонен к импровизации, то эту черту как нельзя лучше отражает СИС. Это учреждение напоминает старый дом, силуэт которого заслонили последующие пристройки.

СИС - единственная английская служба, уполномоченная собирать секретную информацию в иностранных государствах нелегальными средствами. На ее монополию в этом отношении иногда посягают самодеятельные энтузиасты. Однако, когда такие посягательства обнаруживаются, в лучшем случае это кончается саркастической межведомственной перепиской, а в худшем - приводит к серьезным столкновениям в Уайтхолле (улица в Лондоне, на которой находятся правительственные учреждения. Здесь - английское правительство. - Прим. пер.). Именно "нелегальными средствами" секретная служба отличается от других учреждений, занимающихся сбором информации, таких, как дипломатическая служба и пресса, хотя некоторые государства не признают этого тонкого, а иногда просто иллюзорного различия. Но каким бы туманным это различие ни было, на практике оно действительно существует. СИС - единственная организация, получающая секретные фонды, за которые подробно не отчитывается. Эти фонды используются для того, чтобы добывать в иностранных государствах такие сведения, которые нельзя получить обычными, законными средствами.

Базой для деятельности СИС служит агентурная сеть, которая состоит почти всегда из иностранных подданных. Эти агенты работают под прямым или косвенным контролем бюро СИС, известного как резидентура. Бюро СИС располагается в английском посольстве и тем самым защищено от действий местных властей дипломатической конвенцией. Мотивы у агентов бывают разные, как героические, так и самые низменные. Подавляющему большинству за работу платят, хотя и не так уж много. В общем, СИС предпочитает иметь платных агентов, так как, получая деньги, агент становится более покладистым. Неоплачиваемый агент СИС склонен вести себя независимо и может причинить большие неприятности. Такой человек почти наверняка преследует собственные политические цели, и его искренность нередко служит источником неприятностей. Так, один сотрудник СИС с отвращением отзывался о немцах - супругах Фермерен, которые в период войны перебежали к англичанам в Стамбуле: "Они такие шибко сознательные, что не угадаешь, что еще они могут выкинуть".

Собранная агентами информация попадает прямо или окольным путем в местную резидентуру СИС, которая завербовала этих агентов. Там сотрудники СИС, замаскированные под дипломатов, предварительно оценивают эту информацию с точки зрения достоверности и важности. Если информацию сочтут интересной, ее передадут с соответствующими комментариями в Лондон. Обычно информация направляется по каналам дипломатической связи, то есть по радио или дипломатической почтой, в зависимости от степени срочности. В описываемое мною время для руководителя резидентуры СИС еще широко использовалось довоенное прикрытие - должность заведующего отделом паспортного контроля посольства, хотя это выглядело уже тогда довольно прозрачно. Лицо, занимающее этот пост, имело законное право расспрашивать людей, обращающихся за визами, а, как известно, один вопрос всегда может подвести к следующему. Однако это прикрытие вскоре стало всем известно. В одной из последующих глав я остановлюсь на более поздних формах прикрытия.

Структура управления СИС в Лондоне основывалась на разделении обязанностей: одни подразделения добывали информацию, другие анализировали и оценивали ее. Те, кто добывал информацию, обязаны были представить ее сначала для объективного тщательного изучения, а затем уже материал направлялся в то или иное государственное учреждение. В соответствии с этим принципом служба подразделялась на две группы секций: "Джи" ("G") и секции, рассылающие информацию.

Секции "Джи" ведали зарубежными резидентурами и осуществляли надзор за их операциями. Каждая секция отвечала за определенный географический район. Одна занималась Испанией и Португалией, другая - Ближним Востоком, третья - Дальним Востоком и т. д. Секции, рассылающие информацию, давали оценку полученным разведывательным сведениям и отправляли их заинтересованным государственным учреждениям. Затем эти секции пересылали оценки государственных учреждений и свое собственное заключение о добытых материалах в секция "Джи". Секции, рассылающие информацию, подразделялись не по региональному признаку, а по содержанию информации. Одни из них занимались политическими вопросами, другие - военной, военно-морской, экономической и разной иной информацией.

Пятая секция, в которой я оказался, находилась во многих отношениях на особом положении. По названию это была секция, которая распределяла материалы и занималась контрразведкой. Однако, если аналогичные секции имели дело с такими обычными государственными учреждениями, как министерство иностранных дел, адмиралтейство и другие, осведомленность которых о секретных операциях была ограниченной, то главным клиентом пятой секции была МИ-5, сама являвшаяся секретной организацией. Казалось бы, это должно было содействовать взаимному пониманию и тесному сотрудничеству. На самом же деле все было наоборот, и лишь к концу войны между этими двумя организациями было достигнуто некоторое согласие. Такое прискорбное положение отчасти сложилось из-за обстоятельств личного свойства и усугубилось затруднениями военного времени, не говоря уже о военной истерии. Но была и другая причина: коренное различие во мнениях относительно размежевания сфер деятельности обеих организаций. МИ-5 утверждала, что контрразведка неделима и что поэтому МИ-5 имеет право на всю информацию пятой секции. Каугилл, выступая от имени пятой секции, отвергал такую точку зрения, заявляя, что МИ-5 имеет право лишь на ту информацию, которая непосредственно касается безопасности британской территории. Каугилл подразумевал при этом, что ему одному дано право решать, имеют ли те или иные сведения отношение к безопасности Англии. Он утверждал, по-видимому совершенно искренне, что МИ-5 намерена создать собственную контрразведывательную организацию для работы на зарубежных территориях. А МИ-5 в свою очередь подозревала Каугилла в том, что он под предлогом секретности источников СИС утаивает от нее важную информацию. Эти распри не раз ставили меня в

неловкое положение, так как мои симпатии в этом споре были обычно на стороне МИ-5. Чтобы избежать излишних осложнений, мне нередко приходилось передавать информацию МИ-5 в устной форме.

Такая нездоровая обстановка отчасти обусловила вторую особенность пятой секции. В первый период войны запросы военных министерств к СИС были очень большими и всегда срочными. Влиятельные люди в СИС считали наступательную разведку единственно серьезной формой разведки в военное время. В результате резидентуры СИС за границей все больше и больше сосредоточивали внимание на добывании информации, необходимой лишь вооруженным силам, как-то: сведения о передвижениях воинских частей, о сосредоточении военно-морских сил, военно-воздушном потенциале, вооружении и т. д. Контрразведка испытывала недостаток средств, и МИ-5 обоснованно жаловалась не только на то, что пятая секция утаивает некоторые сведения, но и на то, что СИС вообще добывает мало необходимой для контрразведки информации. Последнее обвинение Каугилл не мог игнорировать, поскольку сам придерживался того же мнения, но не в его силах было отвлечь часть средств СИС на цели контрразведки. Каугилл предпочел обойти существующий порядок и направил своих специалистов в заграничные резидентуры. Формально эти сотрудники находились под общим руководством и контролем секций "Джи", но из-за большой загруженности этих секций повседневные инструкции они получали непосредственно из пятой секции. За Испанию и Португалию отвечал некий Фенвик, занимавшийся раньше нефтяным бизнесом. Поворчав, он согласился направить наших специалистов по контрразведке в Мадрид, Лиссабон, Гибралтар и Танжер, а через несколько недель практически забыл о них. Все шло гладко, я время от времени наносил Фенвику визит вежливости, а иногда (говоря его словами) вместе с ним "жевал котлету". Вскоре пятая секция, в обязанности которой входило распределять информацию, фактически присвоила себе некоторые функции секции "Джи". Она стала гибридом, на который другие подразделения СИС смотрели косо. Однако такая ситуация вполне устраивала Каугилла, так как давала ему возможность лишний раз утверждать, что контрразведка - искусство, доступное лишь посвященным и требующее большой мудрости, каковой нет у обычных сотрудников разведки. Таким образом, Каугилл оградил себя от критики внутри СИС. К сожалению, он не мог рассчитывать на такое же уважительное отношение со стороны МИ-5. Хотя я и сказал, что СИС - единственное английское

учреждение, уполномоченное собирать информацию нелегальными средствами, из этого вовсе не следует, что она одна занимается сбором секретных разведывательных данных. Путем перехвата радиограмм можно получить огромное количество секретных разведывательных сведений, не нарушая ни национального, ни международного права. Однако любую радиограмму прежде всего нужно расшифровать. В Англии в военное время эту работу осуществляла так называемая государственная школа кодирования и шифровального дела в Блетчли. Значительную часть работы она выполняла исключительно успешно. Оставляю просвещенному мнению решать, насколько больших успехов можно было бы добиться, если бы склоки в этой школе удалось свести до минимума (то же самое можно сказать о большинстве государственных учреждений Великобритании, не говоря уже об университетах в мирное время).

Итак, какое же место в разведывательном мире занимала пятая секция? Как часть СИС, эта секция отвечала за сбор контрразведывательной информации в иностранных государствах нелегальными средствами. Больше всего в ее разведывательных данных была заинтересована МИ-5, которая отвечала за безопасность британской территории и потому остро нуждалась в заблаговременно добытых сведениях о готовящихся в других странах попытках проникнуть в государственные тайны Англии. К некоторым видам деятельности пятой секции проявляли интерес также и другие учреждения. Министерство иностранных дел, например, хотело знать, какие возможности предоставляют нейтральные государства немецким разведывательным службам.

В начале своей деятельности пятая секция использовала как дополнительное средство радиоразведку, которая перехватывала шифровки противника, а школа кодирования и шифровального дела их прочитывала. В ходе войны роли переменились: разведывательная деятельность пятой секции за границей фактически лишь заполняла пробелы в чрезвычайно широкой картине, которая вырисовывалась на основе данных радиоразведки.

Теперь пора перейти к характеристике лиц, многие из которых занимают значительное место в последующем повествовании. Начальником пятой секции, как я уже сказал, был Феликс Каугилл. Он пришел в СИС из индийской полиции незадолго до начала войны и сумел быстро сделать карьеру. Его интеллектуальные способности были скромными. Ему явно не хватало воображения, он был невнимателен к деталям и совершенно не знал мир, в котором СИС вела борьбу. Его

наиболее ярким положительным качеством помимо личного обаяния была дьявольская трудоспособность. Каждый вечер он уходил домой с набитым портфелем и просиживал за бумагами допоздна. В пятницу он, как правило, работал всю ночь напролет, а утром, усталый, но, как всегда, подтянутый, председательствовал на совещании начальников подсекций. На совещаниях Каугилл обычно курил трубку за трубкой, выколачивая ее в каменную пепельницу. Своих работников он отстаивал иногда даже с излишним рвением, в результате многие из них оставались на месте, хотя их бездеятельность или некомпетентность была очевидной. За пределами своей секции Каугилл становился подозрительным и колючим и готов был всегда усмотреть в действиях других попытки ограничить его поле деятельности или подорвать его авторитет. Ко времени моего появления в пятой секции Каугилл уже успел испортить отношения не только с МИ-5, но и со службой радиоперехвата, шифровальной школой и с рядом других отделов СИС. Дом в Сент-Олбансе, где разместилась пятая секция, вскоре оказался на осадном положении, и Каугилл упивался своей изоляцией. Он принадлежал к тем непорочным душам, кто всех своих оппонентов поносит как политиканов.

Каугилл осложнил взаимоотношения со многими выдающимися личностями. По вопросу о расшифровке перехваченных радиограмм немецкой разведки секции приходилось иметь дело главным образом с сотрудниками шифровальной школы Пейджем и Палмером - известными фигурами в Оксфорде. В службе радиоперехвата работала еще более солидная группа воспитанников Оксфорда - Тревор-Роунер, Гилберт Райл, Стюарт Хэмпшир и Чарльз Стюарт. Еще один воспитанник Оксфорда - Герберт Харт был противником Каугилла в МИ-5; впрочем, там был представлен и Кембридж в лице Виктора Ротшильда, эксперта МИ-5 по борьбе с саботажем. Все эти люди превосходили Каугилла по уму, а некоторые могли потягаться с ним и в воинственности. Тревор-Роупер, например, тоже не отличался кротким нравом. Дело дошло до того, что однажды Каугилл угрожал Тревору-Роуперу военным судом. Надо отдать должное упорству Каугилла. Он боролся с этой группой почти пять лет, не сознавая безнадежности своей борьбы. Каугилл бушевал, поносил того или иного коллегу, а потом тихо бормотал с оттенком триумфа в голосе: "А теперь продолжим борьбу против немцев!"

Основной вопрос, из-за которого разыгрывались эти баталии, был связан с контролем над материалами, получаемыми при перехвате радиограмм немецкой разведки. Когда впервые возник

этот вопрос, начальник СИС поручил контроль руководителю пятой секции. Это было обоснованное решение, и, насколько мне известно, против него никто серьезно не возражал. Возражения вызвали лишь методы Каугилла. Он же сразу понял, что ему сдали козырную карту, и с самого начала ревниво охранял ее, иногда даже придерживая ценную информацию. Недруги обвиняли его во введении жестких ограничений, а он считал их, по крайней мере потенциально, виновными в полном пренебрежении к безопасности источников информации. После одной стычки с Каугиллом Дик Уайт, бывший тогда помощником начальника разведывательного отдела МИ-5, утверждал, что ему снился кошмарный сон, будто разведывательные материалы пустили в распродажу через газетные киоски.

Отношения Каугилла с остальными подразделениями СИС создавали затруднения другого порядка. Здесь он столкнулся не то чтобы с проявлением чрезмерного интереса к его делам, а, наоборот, с опасностью полного пренебрежения к его секции. Дело в том, что во время войны наступательная разведка поглощала почти всю энергию СИС. Контрразведка с ее акцентом на оборону была низведена до положения Золушки. Это объяснялось главным образом влиянием Клода Дэнси, который был тогда помощником начальника СИС. Этот пожилой джентльмен с весьма ограниченными взглядами считал контрразведку в военное время напрасной тратой сил и не упускал удобного случая заявить об этом. Он любил безо всякой на то причины делать колкие пометки на документах, что страшно возмущало его сотрудников.

Интересы контрразведки пришлось защищать на высоком уровне, а именно заместителю начальника СИС Валентайну Вивьену. В прошлом он работал в полиции в Индии, а перед войной возглавлял пятую секцию. Однако для Вивьена давно миновала пора расцвета, если вообще таковая была. У него была тонкая, стройная фигура, тщательно уложенные завитые волосы и влажные глаза. Он только ежился от колких замечаний Дэнси и печально покачивал головой при поражениях, которые случались довольно часто. Незадолго до моего поступления в пятую секцию Каугилл вообще перестал признавать Вивьена и не скрывал своего презрительного отношения к нему. Отнюдь не благодаря Вивьену Каугилл выиграл наконец битву за увеличение ассигнований на пятую секцию. Вивьену оставалось только терзаться. Может показаться, что вряд ли нужно упоминать о переживаниях этого беспомощного человека в книге такого рода, однако впоследствии его настроениям предстояло сыграть решающую роль в моей карьере в СИС.

Прошло больше года, прежде чем на мне непосредственно сказалось соперничество на высшем уровне. Первой моей задачей было выполнять свою работу и одновременно изучать ее. Я получал очень мало полезных указаний сверху и многим стал обязан своему старшему секретарю, опытной девушке, работавшей в службе еще до войны. Только благодаря этой девушке мне удалось избежать наихудших осложнений. Объем работы оказался чудовищным. Штат на пиренейском направлении увеличили до шести человек. Раньше эту работу приходилось вести двоим. (Неудивительно, что один из них покончил жизнь самоубийством!) Нас буквально завалили входящей почтой. Подобно многим сотрудникам я обрабатывал горы бумаг и забирал домой толстый портфель для работы вечером. На другой день приходили новые телеграммы из Мадрида, Танжера и Лиссабона. К нам текли потоки документов из других отделов СИС и письма из МИ-5. Раз в неделю поступали удручающе объемистые почтовые мешки с Пиренейского полуострова, где представители СИС все еще блуждали в потемках. На каждую полезную информацию, приносившую какой-то результат, приходилось десяток таких, которые извилистыми путями заводили нас в тупик.

С одним таким запутанным делом я столкнулся в самом начале своей работы. Агент СИС в Мадриде выкрал дневник некоего Алькасара де Веласко, самого отвратительного фалангиста из испанского пресс-бюро, который за месяц или за два до этого посетил Англию. В дневнике де Веласко без обиняков говорилось, что он по поручению немецкого абвера навербовал сеть агентов, при этом указывались имена, адреса и задания агентам. Немало недель работы было потрачено впустую, прежде чем секция пришла к заключению, что дневник, хотя и являлся, несомненно, произведением самого Алькасара де Веласко, был состряпан с единственной целью - выманить деньги у немцев.

Однако кража дневника оказалась не совсем бесполезной. Английская разведка давно подозревала Луиса Кальво - испанского журналиста, работавшего в Лондоне, в том, что он пересылает в Испанию полезную для врага информацию. Кальво упоминался в дневнике как агент сети Алькасара де Веласко (хотя и эту запись мы считали ложной). Соответственно Кальво был арестован и направлен в "строгий" следственный центр на Хэм-Коммон. К нему не применялось физическое насилие. Его просто раздели догола и привели к коменданту центра Стефенсу, человеку прусского типа, с моноклем в глазу. Стефенс каждый свой вопрос сопровождал ударом стека по своему сапогу. Оценка нервного состояния Кальво оказалась правильной. Напуганный

легкомысленным предательством своего соотечественника, а также, несомненно, стеком, Кальво рассказал о своей деятельности. Этого было достаточно для того, чтобы на время войны упрятать его в тюрьму.

И еще одну полезную роль сыграл этот пресловутый дневник. Дело в том, что в нем в компрометирующем свете упоминался испанский пресс-атташе в Лондоне Бругада. Он любой ценой стремился избежать скандала и потому легко согласился сотрудничать, когда МИ-5 деликатно намекнула ему, что дневник может дать министерству иностранных дел благовидный предлог объявить его "персоной нон грата". Практически Бругада не выполнял особо серьезных шпионских заданий для МИ-5, но передавал достаточно сплетен о приезжающих в Англию испанцах.

Вскоре на долю секции выпал более крупный успех, хотя я нарушил все правила, чтобы его добиться, и вызвал страшную путаницу, в которой разобрались лишь после войны. Секция получила перехваченную телеграмму, где указывалось, что на испанском пароходе "Кабо де Орнос" абвер направляет двух агентов в Южную Америку. С беспечностью, характерной для корреспонденции абвера, имена агентов приводились полностью. Один из них, некий Леопольд Хирш, ехал вместе с женой и тещей, другой был Гилинский. Незадолго до их посадки на пароход была перехвачена вторая загадочная телеграмма - из немецкой резидентуры в Бильбао. В телеграмме подтверждалось, что Хирш и его "Orki"-спутники готовы к отплытию. Нас заинтересовало слово "Orki". Что оно могло означать? Может быть, организацию революционного коммунистического интернационала, представлявшую группу отщепенцев-троцкистов, которых поддерживали немцы в борьбе против русских союзников Англии?

Проверили по имевшимся досье весь список пассажиров "Кабо де Орнос" и нашли по крайней мере десяток людей, чья карьера подсказывала возможные связи с ренегатами. Примерно половина из них казалась негодяями, способными принять участие в махинациях абвера.

Посоветовавшись с Каугиллом, я направил офицеру службы безопасности в Тринидаде, куда должен был зайти пароход, телеграмму с распоряжением арестовать семью Хирш, Гилинского и некоторых других. Я не имел никакого права отдавать приказание об аресте этих или каких-либо других лиц. Согласно установленной процедуре мне нужно было бы внести рекомендацию в МИ-5, вторая рекомендация пошла бы из МИ-5 в министерство колонии, которое дало бы указание "о

рассмотрении на месте" губернатору Тринидада, а губернатор в свою очередь отдал бы соответствующее распоряжение местному офицеру службы безопасности. К счастью, офицер оказался энтузиастом и действовал по моему распоряжению без лишних вопросов. Еще большей удачей оказалось то, что Хирш быстро признался и заявил, можно считать правдиво, что не имел никакого намерения выполнять задание немцев, а принял его лишь с целью выбраться из Европы. В радужном настроении, вызванном таким "триумфом", мы поначалу не обратили внимания на то обстоятельство, что остальных задержанных никак не удалось заставить признаться в чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающем шпионаж. Обыск их багажа показал, что все они в большей или меньшей степени нарушили законы о контрабанде, поэтому у нас на всякий случай оказались незначительные формальные основания для их задержания.

Тайна раскрылась примерно через год. Одного из работников моего направления, отвечавшего за обработку перехваченных материалов, вдруг осенила мысль. Он связался по телефону с Палмером из шифровальной школы и попросил его проверить соответствующую радиограмму из Бильбао. Не могли ли "Orki" ошибочно стоять вместо слова "Drei" ("три")? Очень скоро Палмер дал ответ. Да, это было слово "Drei", и Палмер не мог даже понять, как у шифровальщиков получилось слово "Orki". Итак, речь шла не о Хирше и его "Orki"-спутниках, а о Хирше и его "трех спутниках", а именно о жене, теще и Гилинском. К тому времени, когда английское правительство приступило к рассмотрению претензий, выдвинутых пассажирами за ошибочный арест, я находился вне опасности, занимаясь "засылкой" английских агентов в Советский Союз и другие социалистические государства с базы в Стамбуле.

До сих пор я говорил только о перехвате радиограмм, но существовали и другие формы перехвата, хотя и менее продуктивные с точки зрения контрразведки, но все же приносящие определенные результаты. Так, например, почтовая цензура раскрыла один или два интересных случая. Применялись также изощренные методы вскрытия дипломатической почты. Эти методы невозможно было использовать непосредственно против врага, поскольку немецкая и итальянская почта не пересылалась через английскую территорию. Однако почта нейтральных государств и младших союзников, вроде поляков и чехов, стала законной добычей. Операции по вскрытию дипломатической почты были связаны с рядом сложных процедур.

Прежде всего, следовало так или иначе убедить курьера оставить свои вализы на попечение англичан. Это оказалось не

так трудно сделать, так как во многих странах курьерская служба была организована слабо, да и курьеры не отличались дисциплинированностью. В то время Великобритания была отрезана от континента, и вся дипломатическая почта пересылалась по воздуху. Задержки в вылетах самолетов считались обычным делом, поэтому всегда можно было придумать такую причину. По прибытии в аэропорт курьеру обычно сообщали плохую сводку погоды или говорили, что обнаружена техническая неисправность в самолете. И то и другое означало неопределенно долгое ожидание. Курьеру приходилось выбирать: сидеть ли на своей вализе в аэропорту или отправиться в ближайший город и терпеть неудобства провинциальной гостиницы. В этих обстоятельствах офицер службы безопасности аэропорта любезно предлагал расстроенному курьеру оставить почту в его сейфе. "Я запру его сам на ваших глазах, старина, - говорил офицер, - и все будет в порядке, когда вы вернетесь". Удивительно, сколько курьеров попадалось на эту дешевую приманку и спокойно уходило поглазеть на какой-нибудь местный талант, в чем офицер службы безопасности, конечно, с радостью оказывал содействие.

Как только курьер удалялся, офицер службы безопасности сообщал об этом ожидавшим экспертам и передавал вализы в их распоряжение. До вскрытия каждую вализу тщательно осматривали, каждый узел и каждую печать измеряли, копировали и фотографировали, а при необходимости подвергали даже химическому анализу. Затем развязывали узлы, снимали печати, извлекали документы и фотографировали. И, наконец, предстояла самая трудная задача - сложить почту точно таким образом, как она была сложена, и до мельчайших подробностей воспроизвести первоначальные узлы и печати. Русские не подвергались такому осмотру: отчасти потому, что их вализы неизменно сопровождали два курьера, один из которых всегда оставался при почте, и отчасти из-за опасения, что в почте окажется бомба, предназначенная для слишком любопытных. Зато дипломатическая корреспонденция южноамериканских государств, испанцев, португальцев, чехов, поляков, греков, югославов и многих других регулярно подвергалась досмотру.

Несмотря на исключительные меры предосторожности, иногда возникали инциденты. В одном случае красные печати на польской вализе стали после обработки фиолетовыми, и ничем нельзя было восстановить их первоначальный цвет. Пришлось с сожалением сообщить полякам, что их вализа утеряна. Такой счастливый конец оказался возможным лишь потому, что поляки доверили пересылку этой вализы англичанам, так как ее

содержимое, видимо, не представляло особой ценности. Положение было бы гораздо более неловким, если бы эту почту сопровождал польский курьер.

К началу 1942 года слабая струйка перехватываемых радиограмм абвера превратилась в поток. Это была заслуга главным образом Дилли Нокса, который сумел разгадать секреты шифровальной машины абвера. Широкая система перехвата обнаруживала иногда занимательные штрихи из жизни офицеров немецкой разведки. Было, например, "дело Акселя" - немецкой полицейской собаки. Ее перевели из Берлина в Альхесирас, по всей видимости, для охраны тамошнего филиала резидентуры абвера от английских агентов, тайно пробиравшихся через залив из Гибралтара. На последнем этапе путешествия собаки Мадрид направил предупредительную телеграмму начальнику поста абвера в Альхесирасе Альберту Карбе, он же Цезарь: "Будьте осторожны с Акселем. Он кусается". Через несколько дней Альхесирас ответил лаконичным донесением: "Цезарь в госпитале. Его укусил Аксель".

Вскоре пятая секция имела полную картину деятельности абвера на полуострове, Были известны имена, псевдонимы, адреса, функции по прикрытию я действительные функции большинства офицеров мадридской резидентуры и ее многих филиалов - в Барселоне, Бильбао, Виго, Альхесирасе и т. д. Когда накопилось уже довольно много информации, произошел безобразный случай, еще раз доказавший опасность такого положения, при котором две отдельные организации работают над одними и теми же вопросами в одном и том же районе. Я уже говорил, что существовало правило, согласно которому атташе вооруженных сил в английских посольствах за границей не занимались тайной разведывательной деятельностью. Однако из этого правила делались исключения. Так, военно-морскому атташе в Испании капитану 1 ранга Хилгарту благодаря личному знакомству с Черчиллем был выделен секретный фонд для нелегальной работы. При этом единственным человеком в СИС, с которым Хилгарту разрешалось поддерживать связь, был сам начальник СИС. Формально это делалось для сохранения тайны, так как источники Хилгарта считались особо секретными. Такое положение способствовало развитию мании величия у этого доблестного офицера. Недаром для своей корреспонденции он избрал псевдоним "Армада".

Однажды Каугилл попросил меня договориться о приеме у шефа, чтобы обсудить важное сообщение от Армады. Сообщение касалось немцев в Испании. В те дни я редко видел шефа и чувствовал себя стесненно в его присутствии, но в этот раз у него

было веселое настроение. Он сказал, что вторгся в мои "владения", занявшись немного контрразведкой в Испании, и что разрешил Армаде купить (за очень большую сумму) подробные сведения о руководящих офицерах абвера в Испании. Шеф вручил мне короткую телеграмму, содержащую с дюжину имен со скудными данными о каждом: Густав Ленц - глава резидентуры, Ганс Гуде - ответственный за военно-морскую разведку и т. д. и т. п.

Я несколько бестактно заметил, что информация, содержащаяся в донесении, соответствует действительности. Шеф поднял брови: откуда мне известно, что она соответствует действительности? Потому что у нас есть уже такая информация. А что еще мне известно? Очень многое. Почему же об этом не информировали шефа? Мы ежемесячно составляем отчет о нашей работе, а копию посылаем шефу. В этот момент шеф показал, какой он в общем порядочный человек. "Мой дорогой Филби, - сказал он со свойственной ему мимолетной улыбкой, - не думаете ли вы, что я читаю все, что кладут мне на стол?" Мы решили запросить у источника Армады дополнительные сведения, но, конечно, ничего из этого не получилось. Я пришел в ярость, когда вскоре установил, что это за ценный источник. Им оказался высокопоставленный чиновник из генерального управления безопасности Испании. Ему, должно быть, действительно очень много платили, а мне приходилось воевать за каждые лишние пять фунтов в месяц для агентов, которые давали регулярную, хотя и не такую красочную, информацию!

Одна из проблем разведки - как добыть информацию; другая, столь же важная, а иногда гораздо более трудная, - как ее реализовать. Захватывать вражеских агентов, когда они появлялись на английской территории, конечно, очень хорошо. Но как использовать с таким трудом добытые сведения об организации немцев на полуострове в целом и руководившем ею центре в Германии? Постепенно я пришел к убеждению, что широкая осведомленность требует более творческого подхода к делу, чем было раньше. Мало было просто предупреждать МИ-5 о предстоящем прибытии в Великобританию агентов абвера или изредка захватывать их в Тринидаде. Нашу осведомленность наверняка можно использовать для того, чтобы если не дезорганизовать, то, по крайней мере, серьезно затруднить действия врага на избранной им самим территории Испании. Это совпадало и с мнением моих советских коллег.

Мысли такого рода стали все больше овладевать мной по мере постепенного накопления разведывательных данных о подготовке немцами в Испании операции с использованием

новейших технических средств. Абвер дал этой операции кодовое наименование "Бодден". Бодден - название узкой полосы воды, отделяющей остров Рюген от собственно Германии, неподалеку от научно-исследовательского центра военного времени Пинемюнде. После сопоставления этих данных с дополнительными сведениями о том, что "бодденские" эксперты сосредоточиваются со своей техникой в Альхесирасе, стало достаточно ясно, что назревают какие-то события, связанные с Гибралтарским проливом. Я проконсультировался с доктором Джонсом, начальником научного отдела СИС. Джонс, изучив материалы, довольно уверенно заявил, что все это свидетельствует о намерении немцев установить приборы для обнаружения кораблей, проходящих через пролив ночью. Это грозило новыми серьезными опасностями для линий снабжения в западной части Средиземного моря, и я решил, что настало время ударить по абверу в Испании?

Еще раньше я не раз думал о том, как напустить на немцев в Испании УСО, но потом отказался от этой идеи. Если бы даже у УСО хватило средств для такой операции, я сомневался, чтобы кто-то у нас приветствовал идею двойника Джеймса Бонда, свободно действующего в Испании, где власти настроены против Англии. В конце концов, у меня сложилось мнение, что наилучшая мера - дипломатическая акция. Англичане имели законный повод выразить недовольство испанскому правительству по поводу предоставления немецкой разведке свободы действий на территории Испании. Решительный протест, основанный на подробных и убедительных доказательствах, был бы вполне уместным. Конечно, я не надеялся, что генерал Франко предпримет какие-то меры против своих немецких друзей, но нисколько не сомневался, что он по-дружески предупредит их об осведомленности английской разведки. Мне вспомнился генерал Уэстмэкотт, начальник чрезвычайного разведывательного управления из книги Комптона Маккензи "Разжижение мозгов", и его изречение: "В конце концов, весь смысл секретной службы заключается в том, что она должна быть секретной". Были все основания полагать, что Густав Ленц, начальник отделения абвера в Испании, будет страшно потрясен, если мы сумеем показать, что его секреты уже перестали быть секретами.

Прежде всего, надо было убедить Каугилла, что это стоящая и осуществимая операция. Обвинения со стороны англичан должны были строиться главным образом на информации, полученной путем радиоперехвата, а Каугилл ревностно охранял ее даже от других английских организаций. Смысл моего предложения заключался в том, чтобы вручить соответствующий документ

недружественному испанскому правительству в надежде, что оно доведет его содержание до сведения немцев. К моему величайшему облегчению, Каугилл отнесся к этому предложению благосклонно. Он понес шефу мой проект, в котором я изо всех сил старался скрыть источники нашей информации. Шеф одобрил проект. К счастью, связующим звеном между министерством иностранных дел и СИС в то время был Питер Локсли, человек столь же энергичный, сколь и обаятельный. Он с энтузиазмом поддержал проект. Вскоре сэру Сэмюелю Хору, тогдашнему английскому послу в Мадриде, направили указание выразить решительный протест генералу Франко. В подкрепление протеста посол должен был передать испанцам экземпляр моего меморандума.

Писать о сэре Сэмюеле приятные вещи трудно, но истина обязывает меня признать, что в данном случае он справился с поручением великолепно. Посол одел ответственных работников своего аппарата в парадную форму и повез их в полном составе к главе испанского государства. Что сказал тогда Франко, пока неизвестно, но результаты превзошли все ожидания. В последующие два-три дня Мадрид и Берлин обменивались паническими радиограммами. При этом немцы срочно приняли всякого рода бесполезные чрезвычайные меры. Окончательная победа пришла в форме категорического приказа из Берлина в Мадрид: "Операцию "Бодден" полностью прекратить". Англичане по-прежнему продолжали перехватывать и расшифровывать радиограммы, а это означало, что проведенная операция не скомпрометировала их главный источник.

Ободренные успехом в Испании, мы начали аналогичную акцию против немцев в Португалии, но достигли незначительных результатов. В Испании у нас была совершенно определенная задача: ведь генерал Франко сам объявил себя союзником нашего врага. За редким исключением его старшие чиновники горячо симпатизировали странам оси. В Испании мы могли быть достаточно уверены, что, где бы ни был нанесен удар, мы причиним ущерб нашим вратам. Министерство иностранных дел меньше, чем обычно, проявляло сдержанность и не опасалось погладить Франко против шерсти, если для этого были веские основания. Что касается разведки, то у СИС в Испании было так мало друзей, что не приходилось бояться репрессий со стороны противника.

В Португалии политическая обстановка сложилась иначе. Мало сказать, что она была неясной. Она была очень запутанной. Правда, доктор Салазар сочувствовал странам оси, но он был гораздо осторожнее своего коллеги - диктатора Испании и

придерживался более нейтральной позиции. Опасаясь нарушить политику равновесия Салазара, министерство иностранных дел воздерживалось от решительных действий: ведь Салазар мог изменить свою политику не в пользу Англии. У разведчиков на этот счет имелись свои, более узкие соображения. Мы знали, что несколько высших португальских чиновников получают деньги как от немцев, так и от СИС. Было трудно определить, на кого они больше работали, если вообще кто-нибудь извлекал пользу из этого запутанного положения. Но я совсем не хотел, чтобы эти чиновники пришли к нам с требованием возместить "левый" заработок, который они могли потерять в случае изгнания их немецких казначеев.

Все это обусловило как содержание протестов министерства иностранных дел, так и форму их представления. Визиты старших чиновников посольства в полной парадной форме к хитрому доктору не устраивались. Английский посол сэр Рональд Кэмпбелл обычно обсуждал эти вопросы в уютном кабинете португальского министерства иностранных дел Сампайо, который проявлял немалую дипломатическую находчивость в своих ответах. Со стороны немцев, говорил он, очень нехорошо злоупотреблять нейтралитетом португальцев, как это написано в протесте. Но уверены ли мы в своих источниках? Он сам сталкивается с большими трудностями при оценке сообщений разведки. И вообще, все это - дело чрезвычайно щекотливое и сложное. Например, он слышал, что другие государства тоже недалеко ушли от немцев в своей незаконной деятельности на португальской территории. Если португальское правительство предпримет какие-то меры против немцев, германское правительство может настаивать на подобных мерах и против других государств. Настойчивость в вопросах такого рода поставила бы португальцев перед ужасной дилеммой. Он, Сампайо, разумеется, незамедлительно передаст протест сэра Рональда доктору Салазару, но со своей стороны сомневается, что доктор предпримет какие-либо меры без самого тщательного изучения этой многосторонней проблемы. Выразив таким искусным образом свое предупреждение, Сампайо заканчивал его перлом дипломатической логики. "Зачем, - вздыхал он, - воюющие державы занимаются шпионажем? Если бы они сосредоточивали все усилия на контршпионаже, никто не стал бы возражать".

Хотя руководитель английской контрразведывательной организации в Лиссабоне был исключительно способным и тонким человеком, многие из наших португальских дел заканчивались очень неопределенно. Было, например, одно достойное сожаления дело Стилуэлла - английского коммерсанта,

прожившего много лет в Португалии. Его имя привлекло внимание СИС в тот период, когда о деятельности немецкой разведки в Португалии мы знали еще очень мало и потому были склонны считать агентов немецкой разведки, которых нам удавалось установить, более важными, чем они потом оказывались на самом деле. Среди них был некий Вельтцин - немецкий торговец, который казался нам довольно крупной фигурой. С большим трудом нам удалось выкрасть из конторы Вельтцина карточку, которая предположительно исходила из его картотеки.

Мы решили, что попали в точку. Запись на карточке прямо указывала на то, что Стилуэлл в последнее время регулярно получал деньги от Вельтцина. Однако задачу нельзя было считать решенной: ведь карточка могла оказаться поддельной. Некоторые из нас сомневались, что, добыв карточку из картотеки Вельтцина, мы сразу попали в цель. Годом или двумя позже, когда у СИС накопилось больше опыта, мы бы не спешили принимать решение, но в то время на счету англичан еще мало было шпионов, и они жаждали заполучить их побольше. К тому же этот таинственный Вельтцин так нас заинтриговал, что пятая секция готова была пойти на риск, лишь бы получить о нем полные данные.

Стилуэллу было предложено вернуться в Англию. По прибытии его арестовали и на следующее утро вызвали на допрос. На допросе он держался с достоинством и выражал свое возмущение. Вид пресловутой карточки на него не подействовал. Стилуэлл вел себя как ни в чем не виновный человек. Его освободили со стыдливыми извинениями. Нам так и не удалось раскрыть секрет карточки Стилуэлла. Тогда англичане организовали налет на контору Вельтцина, чтобы похитить всю его картотеку, однако Вельтцин не дал застать себя врасплох, и налет потерпел такое же фиаско, как и арест Стилуэлла. Вскоре увеличившийся поток серьезной разведывательной информации показал, что Вельтцин был не ключевой фигурой, а простой пешкой.

Прежде чем оставить Португалию, я должен рассказать об одном образцовом допросе. Некая дама прибыла в Англию из Португалии. Нам стало известно, что она имела связи с немцами, в том числе и с офицерами немецкой разведки. При личном обыске и осмотре ее багажа был обнаружен маленький дневник, в котором содержались записи в виде загадочных сокращений. Следователь потребовал объяснить каждую запись, но дама оказалась исключительно сообразительной и твердо отрицала, что эти записи имеют отношение к ее немецким знакомым.

Разгоряченный следователь попытался нанести последний удар: "Позвольте обратить ваше внимание, миссис... на запись от такого-то числа. Она гласит: "Провела весь день, сидя на своей fanny (игра слов: fanny - зад; Fanny - женское имя. - Прим. пер.)". После многозначительной паузы он продолжал: "Кто эта Фэнни? В каком смысле она была ваша? И почему вы сидели на ней?" Под напором такой беспросветной глупости дама "раскололась" и призналась во всем. Признания свидетельствовали, что ее отношения с немцами в Эсториле были действительно интимными, но никоим образом не наносили ущерба военным действиям Англии.

Примерно в это же время я чуть было не нажил себе серьезные неприятности. Я уже упоминал, что центральный архив, где хранились материалы СИС, находился в соседнем с Гленалмондом помещении. Билл Вудфилд, начальник архива, вскоре стал моим приятелем. У него была слабость к розовому джину, которую я разделял, и притворно стыдливое пристрастие к скабрезным анекдотам. Мы часто встречались, чтобы поболтать обо всяких служебных интригах, в чем у него был немалый опыт. Эти дружеские отношения оказались выгодными, так как я стал получать дела из архива значительно быстрее и легче, чем многие мои коллеги. В архиве совершенно не хватало работников, к тому же сотрудники зачастую оказывались недостаточно квалифицированными.

Там хранились дела, известные как книги источников. В них содержались списки и характеристики агентов СИС, действовавших за границей. Мне, естественно, хотелось иметь сведения об агентах, работавших на Пиренейском полуострове, однако изучение книг источников по Испании и Португалии только разожгло мой аппетит. Я стал упорно работать над книгами, стремясь как можно больше узнать о деятельности СИС в целом. Когда я дошел до книги источников по Советскому Союзу, выяснилось, что она состоит из двух томов. Проработав, к своему удовлетворению, оба тома, я вернул их в архив обычным порядком.

Примерно через неделю Билл позвонил и попросил у меня второй том книги русских источников. Справившись у секретаря, я позвонил и сказал, что согласно нашему журналу книгу возвратили в архив такого-то числа. После бесплодных поисков в архиве Билл усомнился в правильности нашего учета и потребовал еще раз проверить. Я перевернул все вверх дном, но безрезультатно. Мы несколько раз встречались с Биллом по вечерам за рюмкой джина, чтобы обсудить это таинственное происшествие. Билл сказал, что по существующим правилам он

должен немедленно доложить об утере книги источников начальнику службы. Мне удалось убедить Билла повременить несколько дней. Мое беспокойство росло. Я сомневался, чтобы шеф положительно оценил мое исключительное рвение по штудированию источников, тем более что это привело к утере тома, изучение которого не входило в сферу моей деятельности.

Сгущающиеся тучи внезапно рассеялись. Билл позвонил и принес мне "глубокие личные извинения". Оказалось, одна из его секретарш, занимавшаяся этими книгами, в целях экономии места на полке объединила два тома в один. Потом секретарша заболела гриппом и несколько дней отсутствовала. Когда она вышла на работу, Вудфилд спросил ее о книге, и секретарша все объяснила. Я милостиво принял извинения и предложил Биллу встретиться вечером, что мы и сделали, потопив мучительное воспоминание в потоке розового джина.

Глава IV.
Английский и союзнический разведывательный комплекс.

Каугилл любил семейную атмосферу, поэтому жизнь и работа в пятой секции протекали в теплой, даже слишком уютной обстановке. Офицеры и секретари сразу же после поступления в секцию начинали называть друг друга по имени. Порой казалось, что в один прекрасный момент все сотрудники вдруг усядутся за игру в карты. Иногда это досаждало, но здесь была и своя профессиональная выгода. Никогда не составляло труда узнать, чем заняты твои коллеги: что знал один, становилось известно всем. Такая обстановка предоставляла мне полную свободу передвижения. Каугилла не интересовало, когда и как выполнена работа. Важно, чтобы она была сделана. Он не учинял мелочных расспросов относительно количества обработанных документов, которые шли потоком. Это означало, что я практически в любое время мог отправиться в Лондон под предлогом развития контактов с секциями СИС в Бродвей-билдингс, с МИ-5 и другими государственными учреждениями, заинтересованными в нашей работе. У меня вошло в обычай совершать такие поездки раз в неделю. Я брал с собой портфель, набитый документами, и длинный список визитов. Я также добровольно соглашался на ночные дежурства в Бродвее раз или два в месяц. Это было полезное занятие, так как телеграммы, поступавшие ночью со всех уголков мира, проливали дополнительный свет на деятельность службы (одно дело, к которому имели доступ сотрудники, дежурившие ночью, было для меня особенно ценным. Оно содержало телеграммы английской военной миссии в Москве, направляемые по каналам СИС. - Прим. авт.).

Бродвей представлял собой мрачное здание со множеством деревянных перегородок и окнами с матовыми стеклами. Восемь этажей обслуживал один допотопный лифт. В один из моих первых визитов я оказался в лифте с каким-то сотрудником, с которым лифтер обращался особенно почтительно. Незнакомец бросил на меня быстрый взгляд и отвернулся. Он был хорошо сложен, хорошо одет, но больше всего меня поразила его бледность: бледное лицо, бледные глаза, серебристо-светлые, редеющие на макушке волосы. Когда он вышел на четвертом этаже, я спросил, кто это был. "Что вы, сэр? Это же шеф!" - ответил лифтер с некоторым удивлением.

В то время я очень мало знал о шефе. Его звали Стюарт Мензис (генерал-майор Стюарт Мензис - начальник СИС с 1939 по 1953 год. - Прим. авт.), звание - полковник. Его кабинет находился на четвертом этаже. Бумага, на которой он писал, была ярко-голубого цвета. Пользовался он только зелеными чернилами. Почерк у него был ужасный. До того как стать начальником СИС, он возглавлял четвертую секцию, которая занималась военной разведкой. Его официальным обозначением были буквы "CSS", но в переписке между Бродвеем и зарубежными резидентурами он мог обозначаться любыми тремя буквами в алфавитной последовательности: "ABC", "XYZ" и т. д. В правительственных кругах вне СИС его всегда называли "С". Это обозначение осталось со времен капитана 1 ранга Мэнсфилда Каммингса, первого начальника секретной службы в ее современном виде. Таков был объем моих сведений о шефе во время первой встречи с ним в лифте. В дальнейшем мне пришлось узнать его гораздо лучше. Спешу сказать, что, оглядываясь назад, я вспоминаю его с симпатией и уважением, хотя вовсе не за те качества, которыми гордился он сам.

Помимо Фенвика, приятного, но бездеятельного бизнесмена, который пассивно руководил резидентурами в Мадриде, Лиссабоне, Танжере и Гибралтаре, первым, с кем я установил контакт в Бродвее, был один из ближайших друзей шефа - Дэвид Бойл. Он ведал реализацией информации, добываемой при вскрытии дипломатической почты, и обеспечивал сохранение тайны при работе с этой информацией. Поговаривали, что Бойл очень близок к шефу и оказывает влияние на политику службы. Я был решительно настроен против него, так как наслышался о нем плохого. Его прозвали "пресмыкающимся Иисусом". Мои первые впечатления, пожалуй, подтвердили ходившие о нем слухи. Бойл в избытке обладал теми качествами, которые мне были особенно неприятны. Несправедливо называть его, однако, эгоистичным и тщеславным снобом. Бойл умел добиваться расположения ответственных работников министерства иностранных дел, чем я вскоре стал восхищаться. Кроме того, для меня имела большое значение его неспособность оценивать разведывательные материалы, которые проходили через его руки. И хотя Бойл был более чем вдвое старше меня, он все больше стал полагаться на мое мнение. В свою очередь я отвечал ему всеми внешними проявлениями уважения. Наши личные отношения, несмотря на всю их нелепость, складывались неплохо. Они оказались для меня весьма ценными, потому что среди мелочей и сплетен, заполнявших дипломатические вализы, иногда попадались настоящие перлы информации. Бойл, конечно, никогда не

претендовал на право пользоваться зелеными чернилами: он писал фиолетовыми.

Через Бойла я познакомился со знаменитым полковником Клодом Дэнси. До войны он создавал так называемую организацию "Z", задуманную для проникновения в Германию с баз в Швейцарии. После падения Франции каналы связи системы "Z" катастрофически пострадали. В Швейцарии Дэнси оставил для продолжения работы способного офицера по фамилии Ван дер Хойфел, который, как говорили, был из графского рода Священной Римской империи. Да простит он мне, если я неправильно передаю его фамилию графически и фонетически, но смею утверждать, что здесь я далеко не одинок. Когда однажды мы условились с ним пообедать в ресторане "Гаррик", портье с трудом понял, кого я хочу видеть. "О-о-о! - воскликнул он наконец. - Вы имеете в виду господина Ванувла?" И показал мне, где его найти.

Я уже говорил, что Дэнси весьма критически относился к целесообразности контрразведки и был известен своей воинственностью. Меня поэтому удивила его учтивость. Впоследствии я узнал, что Дэнси внешне всегда учтив, а свою желчность предпочитает проявлять на расстоянии - по телефону или на бумаге. Лучше всего с ним было воевать в его собственном кабинете. Личная встреча как бы охлаждала его, и с ним можно было разумно беседовать. Уловив это свойство, я перестал испытывать трудности с Дэнси, за исключением тех случаев, когда приходилось с каменным лицом слушать, как он высмеивает босса моего босса - Вивьена. К счастью, наши дороги скрещивались нечасто, поскольку он учтиво вычеркнул меня из списка своих противников.

С Вивьеном я старался видеться как можно чаще. Для непосредственных практических целей он был бесполезным человеком, так как смертельно боялся Дэнси и даже своего подчиненного - Каугилла. Вивьен, однако, был, пожалуй, умнее обоих и обладал склонностью к размышлениям, а посему пускался в долгие, пространные рассуждения об истории СИС, ее политике и личностях, а также об отношениях между СИС и МИ-5. Он был сторонником корректного стиля работы, и из ею "проповеди" я узнал гораздо больше о сложностях государственной машины, чем мог бы добиться от нетерпеливых сторонников "немедленных результатов" вроде Дэнси и Каугилла. Вначале я плохо представлял, чем мне может помочь Вивьен в моем стремлении получить один пост в СИС, которого я больше всего жаждал. Каугиллу позже пришлось горько пожалеть о своей преждевременной оценке Вивьена как ничтожества.

От Бродвей-билдингс через Сент-Джеймс-парк до помещения МИ-5 на Сент-Джеймс-стрит - рукой подать, однако разница в стиле работы была значительной. Даже вход в помещение МИ-5 производил более благоприятное впечатление, чем тусклый холл в Бродвее. Это впечатление не покидало вас и наверху. Кабинеты выглядели как кабинеты. Насколько мне известно, там не строили никаких "крольчатников", которые так изуродовали Бродвей. Столы не были завалены бумагами: несколько опрятных дел, готовых к работе, - и все. Это имело, конечно, свои недостатки. В пятой секции мы обычно жаловались на излишние подробности, которыми сотрудники МИ-5 находили время начинять свои длинные письма. По крайней мере, некоторые подробности не оправдывались содержанием документа. Тем не менее, в МИ-5 чувствовалась профессиональная компетентность, с которой Бродвей не мог сравняться. Возможно, МИ-5 и имела раздутый штат, на что часто сетовал Каугилл, но зато там большинство офицеров знало, что им надо делать и как делать, чего нельзя было сказать о многих сотрудниках в Бродвее.

Но так было не всегда. После падения Франции МИ-5 столкнулась с ситуацией, к которой оказалась совершенно неподготовленной. Речь идет о периоде, когда широко распространялись слухи о немецкой "пятой колонне" в Англии. В течение многих месяцев после Дюнкерка полиция и МИ-5 были завалены сообщениями о световой сигнализации, таинственных незнакомцах, о речи с иностранным акцентом, подслушанной в кабачке, и т. д. Это дезорганизовало всю работу. Я впервые посетил МИ-5 с капитаном 3 ранга Питерсом осенью 1940 года, когда МИ-5 временно размещалась в Уормвуд-Скрабс (одна из лондонских тюрем. - Прим. пер.). В делах царил полный беспорядок. Кипы непрочитанной корреспонденции валялись на полу, и сотрудники растерянно признавались, что им не прочитать и десятой доли, не говоря уже об ответах. К счастью, все эти письма оказались никчемными: немецкой "пятой колонны" в Англии не существовало.

Навести порядок в этом хаосе поручили некоему Хорроксу. Его привлекли (кажется, из Сити) специально для этой цели. Через год работы он мог утверждать, что добился успеха. Хоррокс занимался общими административными вопросами, меня же особенно интересовали архивы. Архив МИ-5 находился в новом помещении, занимавшем часть дворца Бленхейм, и вызывал восхищение после неопрятных лабиринтов Вудфилда в Сент-Олбансе. Любые сведения можно было легко найти в аккуратно ведущихся делах и карточках-указателях. Хватало и архивных работников, чтобы обеспечить методическое и достаточно

быстрое выполнение работы. Я с удивлением и завистью узнал, что большинство девушек, работающих в архиве, так же хорошо знали содержание дел, за которые они отвечали, как и сотрудники, что вели эти дела на Сент-Джеймс-стрит. Когда я деликатно поднял этот вопрос перед Вудфилдом, он ответил, что ему бессовестно занижают штаты и что уделять столько внимания деталям все равно ни к чему.

По роду своей работы я больше всего соприкасался с так называемым отделом "В" МИ-5. В этом отделе получали и оценивали разведывательные материалы и обычно намечали последующие действия. Под "действиями" в данном контексте я имею в виду только мероприятия по разработке и использованию полученной информации, а не такие меры, как арест, ибо, подобно СИС, МИ-5 не имела никакой исполнительной власти. МИ-5 не могла арестовывать подозреваемых, она лишь вносила рекомендации об их аресте местным властям. Хотя на практике это не составляло большой разницы, так как рекомендации МИ-5 неизменно принимались, формально и теоретически это различие твердо поддерживалось.

В этом, мне кажется, заложена одна из важнейших причин высокого профессионализма МИ-5 по сравнению с СИС. МИ-5 действует на британской территории и поэтому обязана строго соблюдать законы страны. Она может требовать определенных отступлений от закона и частенько так и делает. Однако для каждого отступления необходима прямая санкция правительства, обычно в форме ордера министерства внутренних дел. Заручившись такой поддержкой, МИ-5 может организовать, например, подслушивание телефонных разговоров частных лиц или таких учреждений, как иностранные посольства и комитеты коммунистической партии. Но здесь МИ-5 приходится соблюдать осторожность. Если МИ-5 допускает ошибку, начинаются запросы в парламенте, поднимает шум пресса и следуют всякого рода гласные последствия, неприятные для "застенчивой" тайной организации.

Для СИС подобных препятствий не существует, и ничто не мешает ей нарушать законы иностранных государств при проведении своих операций. В таких случаях страдает только дипломатическая служба, вынужденная оправдываться перед иностранными правительствами, обычно просто отрицая факты.

Качество работы МИ-5 в военное время многим обязано ее временным сотрудникам. Особенно ценным было пополнение из университетов - Харт, Блант, Ротшильд, Мастермен и другие. Значительный вклад внесли также юристы; В большинстве своем после войны эти светлые головы вернулись к прежним занятиям.

Поскольку данная книга не является историческим исследованием, нет необходимости распространяться об их достоинствах.

Отдел "В" возглавляли два профессиональных разведчика, которые ухитрились на протяжении всей войны сохранить уважение своих талантливых подчиненных. Оба они сыграли определенную роль в моей судьбе, поэтому о них следует рассказать подробнее.

Начальником отдела "В" был Гай Лидделл. "Родился я в ирландском тумане, - сказал он мне однажды, - и иногда мне кажется, что я из него так и не выбрался". Трудно представить более нелепое принижение своих достоинств. Правда, вначале Лидделл производил впечатление тугодума. Он обычно бормотал свои мысли вслух, как бы нащупывая путь к истине, и лицо его при этом морщилось в безмятежной, невинной улыбке. Однако за внешней неповоротливостью Лидделла скрывался тонкий и рассудительный ум, а память его представляла целое хранилище фотографически точных фактов. Лидделл был способным начальником, у которого было чему поучиться молодому человеку. Он всегда мог отложить в сторону свою работу, чтобы выслушать вас и задуматься над новой проблемой.

И все же карьера Лидделла закончилась бесславно. Начальником МИ-5 во время войны был сэр Чарльз Петри, полицейский работник из Индии, обаятельный человек, пользовавшийся большим авторитетом. Когда он ушел в отставку, в отделе "В" все, как один, проголосовали бы за Лидделла, как за преемника Петри. Много сторонников было у Лидделла и в других местах. Однако правительство назначило на эту должность Перси Силлитоу, тоже полицейского работника, но на сей раз из Англии, менее авторитетного и обаятельного, чем Петри.

Разочарование Лидделла было очевидным, но оно носило не только личный характер. Подобно большинству профессиональных сотрудников МИ-5, Лидделл считал, что МИ-5 - разведывательная организация, а не полицейское учреждение. Методы борьбы со шпионажем отличаются от методов борьбы с уголовными преступлениями. Шпионов поддерживают своими огромными техническими ресурсами иностранные правительства, преступники же не имеют таких возможностей. Совершенно очевидно, что в пользу точки зрения Лидделла можно сказать очень многое. Правительство, однако, сочло, что назначение ответственного работника полиции, обученного в соответствии с процедурными требованиями Уайтхолла, более безопасно. Лидделлу оказали сомнительную честь, назначив его

заместителем начальника МИ-5, и он, естественно, почувствовал себя обиженным. Уверен, что, если бы иностранные агенты узнали об этом, они бы только порадовались поражению Лидделла. Один из них знал...

Главным помощником Лидделла в отделе "В" был Дик Уайт. По профессии школьный, учитель, Уайт поступил в МИ-5 в период между войнами. Это был милый, скромный человек, готовый первым признать, что не обладает никакими выдающимися качествами. Самым большим его недостатком была склонность соглашаться с последним человеком, с которым он говорил. С присущим ему здравым смыслом он с удовольствием перепоручал основную работу подчиненным, а себе отводил роль руководителя для поддержания гармонии в работе отдела. Уайт был одним из немногих офицеров МИ-5, который до конца поддерживал сносные личные отношения с Каугиллом. Его способность избегать ведомственных стычек в конце концов была вознаграждена. Когда Лидделл стал заместителем начальника МИ-5, Уайта выдвинули на пост начальника отдела "В". Но на этом его продвижение по службе не кончилось: после ухода на пенсию Мензиса Уайт стал начальником СИС. К счастью, Дэнси уже не довелось увидеть, как царствует в Бродвее, хотя и милостиво, специалист по контрразведке. Впрочем, если бы Дэнси не умер, это все равно убило бы его.

Я старательно заводил связи в МИ-5 и к концу войны мог утверждать, что приобрел много личных друзей на Сент-Джеймс-стрит. В любом случае кому-то было необходимо смягчать распри между Каугиллом и нашими коллегами из МИ-5, а так как немногим хотелось проявлять в этом деле инициативу, я взял ее на себя. Помимо соображений непосредственно делового характера у меня в голове зрели различные перспективные планы, для реализации которых поддержка со стороны МИ-5 могла оказаться полезной. Я взял за правило давать моим друзьям из МИ-5 кое-какую информацию неофициально, то есть без ведома Каугилла. Нередко за такое неправомерное поведение я получал щедрую награду.

Главная баталия разыгралась в 1943 году, когда я осмотрительно встал на сторону МИ-5 против Каугилла. Вопрос касался места расположения пятой секции. Она помещалась в Сент-Олбансе отчасти из-за тесноты в Бродвее и отчасти для того, чтобы держать ее архивы вне досягаемости немецких бомбардировщиков. Когда Вудфилд перевез архивы в Сент-Олбанс, Каугилл тоже переехал туда. Формально он обосновывал свой переезд тем, что "контрразведывательная организация должна находиться поблизости от своих архивов". Настоящая же

причина заключалась в стремлении создать свою маленькую империю в стороне от ведомственных интриг, где бы его как можно меньше, тревожили. Однако продолжительный перерыв в бомбардировках лишил аргументы Каугилла убедительности. К тому же в Лондоне было множество свободных служебных помещений, и у нас не имелось оснований отказываться от их использования.

МИ-5 тем временем продолжала настаивать на более тесном сотрудничестве с пятой секцией. Ее руководство упорно доказывало преимущество "близости". Это слово все чаще мелькало в переписке Петри с Мензисом. И в самом деле, при всей очевидности удобств телефонной связи сотрудничество между двумя организациями было бы более эффективным, если бы расстояние между ними стало короче. Как раз этого и не хотел Каугилл, именно по тем причинам, которые высказывало руководство МИ-5. Каугиллу представлялось, что он сам и его аппарат по возвращении в Лондон будут тратить энергию на интриги и будут отданы на милость махинациям Лидделла и К?. Больше всего Каугилл боялся выпустить контроль из собственных рук. Я же безоговорочно стоял за возвращение в Лондон. Более тесные контакты с МИ-5, Бродвеем и другими государственными учреждениями, с моей точки зрения, могли только содействовать всестороннему ознакомлению с работой разведки. А для меня имело значение только это!

Каугилл переоценил свои силы в данной ситуации. Он решил провести свободное голосование, предоставив всем сотрудникам в Сент-Олбансе возможность высказаться "за" или "против" переезда в Лондон. Каугилл допустил и другую ошибку, сообщив о своем решении посторонним, так что результаты голосования уже нельзя было скрыть. Свободное голосование давало мне право провести предварительную работу в кулуарах, и я занялся этим делом, не пройдя даже мимо секретарей, многие из которых начали тяготиться монастырской жизнью в казенных помещениях. Результаты голосования ошеломили Каугилла. Более чем две трети сотрудников высказались за Лондон. Хотя это голосование и не имело решающего значения, оно в значительной степени поколебало непреклонность Каугилла. Через несколько педель мы водворились в помещении на Райдер-стрит, в двух минутах ходьбы от МИ-5 и в пятнадцати от Бродвея. Когда мы приходили рано утром на работу, из окон было видно, как "Кваглино" (большой ресторан в Лондоне. - Прим. пер.) разгружается от ужасных отбросов минувшего вечера. Мы прибыли как раз к периоду "малого блица" (период усиленных бомбардировок Лондона немцами в 1943 году. - Прим. пер.).

Теперь я должен вернуться на несколько месяцев назад и описать событие, которое оказало глубокое влияние на всю последующую деятельность английской разведки. Я имею в виду появление американцев. До войны у Соединенных Штатов не было регулярной разведывательной службы за рубежом. Федеральное бюро расследований ведало только вопросами внутренней безопасности. Секретная информация из других стран поступала в ограниченном количестве в результате "сверхплановой" деятельности американских военных атташе и дипломатов, которые чувствовали себя менее связанными в этих делах, чем представители других стран, имевших для выполнения грязной работы регулярные секретные службы. Теперь хорошо известно из опубликованных материалов, что в Нью-Йорке в 1940 году был создан Британский координационный центр по вопросам безопасности под руководством Уильяма Стивенсона. Официально этот центр предназначался для обеспечения безопасности американских поставок в Англию, так как предполагалось, что значительное число лиц немецкого происхождения в Соединенных Штатах широко займется диверсиями. Это предположение, однако, не подтвердилось, и Стивенсон, который был другом Черчилля и пользовался большей реальной политической властью, чем кто-либо другой в английской разведке, вскоре нашел новое применение своей неуемной энергии. Прежде всего, он занялся организацией помех поставкам материалов в страны оси и их перевозкам на нейтральных судах. Возможно, что Британский координационный центр организовал больше диверсий, чем вся колония уроженцев Германии в Соединенных Штатах. Но свои основные силы Стивенсон отдал реализации другой идеи: убедить американцев, что для США настало время иметь собственную разведывательную службу.

Стивенсон, как и многие другие, понимал, что создания такой службы в США не избежать. Размышляя о ближайшем будущем, Стивенсон пришел к выводу, что англичанам выгоднее вступить в дело при закладке фундамента. Предложив заблаговременно свою помощь, англичане заслужат тем самым право получать взамен разведывательную информацию, которая, как можно было ожидать, пойдет потоком благодаря богатым ресурсам США. Это открывало также возможность получать информацию через посольства Соединенных Штатов в тех странах, в которых Англия не имела больше своих представительств, таких, например, как вишистская Франция, Балканские страны и даже сама Германия. Как истый деятель высокого полета, Стивенсон не привык размениваться на мелочи.

Он сумел вызвать интерес к этому делу у самого Рузвельта и убедить президента, что у него, Стивенсона, и тех, кто его поддерживает, а именно УСО, МИ-5, а также СИС, имеется большой опыт, которым они могут поделиться. Таким образом, когда родилось управление стратегических служб (УСС) во главе с генералом Доновеном, на высшем уровне уже предусматривалось тесное сотрудничество с англичанами. Окупился ли обмен во время войны английского опыта на американские ресурсы, остается под вопросом. Не вызывает, однако, сомнения, что сотрудничество, в конце концов, обрекло английские службы на положение младшего партнера. И такое положение оставалось печальным фактом в течение многих лет. Когда позже ЦРУ связало правительство Соединенных Штатов глупейшими обязательствами по отношению к Нго Дин Зьему и стало объектом насмешек после событий в заливе Кочинос, СИС оставалось только беспомощно разводить руками.

К деятельности Стивенсона в Соединенных Штатах довольно неприязненно отнесся Эдгар Гувер. Скрытый намек Стивенсона на то, что ФБР не способно справиться с саботажем на американской территории, глубоко ранил Гувера, отличавшегося непомерным тщеславием. Гувер приходил в ярость, когда головорезы Стивенсона избивали или спаивали команды судов, доставлявших товары странам оси. Однако настоящей причиной подозрительности и возмущения Гувера, от которых он так и не избавился, было то обстоятельство, что Стивенсон вел политическую игру в его собственной вотчине, и вел ее довольно умело. Гувер предвидел, что создание УСС вовлечет его в бесконечные юридические споры. УСС будет соперничать с ФБР при распределении федеральных фондов. Оно уничтожит монополию ФБР на расследования. Создание этого учреждения было единственным серьезным поражением, от которого Гувер пострадал в своей политической карьере. Он так никогда и не простил Стивенсону роль акушерки и няньки при появлении УСС. Принятые на высшем уровне решения постепенно дошли и до Сент-Олбанса. Первый гость пятой секции СИС из Соединенных Штатов, некий Кимболл из ФБР, прибыл вскоре после событий в Перл-Харборе. Кимбол говорил со скоростью пулемета, обвиняя военно-морской флот, армию, государственный департамент и Белый дом в игнорировании предупреждений ФБР о грозящем нападении японцев. Настоящей целью его визита (помимо ни к чему не обязывающих разговоров) было объявить, что Гувер решил назначить в Лондон под видом атташе по юридическим вопросам посольства Соединенных Штатов офицера связи для сотрудничества с МИ-5 и СИС. После отъезда Кимболла Каугилл с

насмешкой говорил, что Гувер, очевидно, намерен обойти Стивенсона. С большим основанием, чем обычно, Каугилл считал Гувера одним из тех вредных деятелей, которые используют разведку как лестницу для достижения своих политических целей. Каугилл предупреждал, что ко всем предложениям Гувера надо относиться весьма подозрительно, а то и вовсе отвергать их. Мне с трудом удалось сохранить лояльное отношение к Каугиллу, когда появился первый посланец Гувера. Им оказался Артур Терстон, человек весьма компетентный, работать с которым было очень полезно. У меня имелись все основания поддерживать с ним хорошие отношения, и он с радостью обменивался со мной контрабандной информацией. Терстон был слишком умен, чтобы долго оставаться у Гувера, и вскоре предпочел политические джунгли Индианы.

УСС не отставало от ФБР. После предварительных переговоров на высшем уровне с Доновеном, Брюсом и другими к нам назначили небольшую группу связи. Ее возглавил Норман Пирсон, поэт из Йейля. Компанейский малый, с неиссякаемым запасом анекдотов, Пирсон с нескрываемой иронией относился к своей организации и называл ее: "Ух, Сплошной Секс". Все прибывшие имели смутное представление о нашей профессии и не упускали случая заявить, что приехали учиться. Видимо, я слишком медленно усваивал тайны межведомственной политики, потому что очень удивился, когда увидел, какое доверие оказывает американцам Каугилл. Он предоставил им возможность свободно пользоваться делами секции, включая материалы радиоперехвата, хотя ФБР давал их неохотно, и то лишь в строго обезличенном виде. Трудно было понять, почему англичане отказывали в информации такой профессиональной организации, как ФБР, и в то же время щедро предоставляли ее людям, которых сам Пирсон как-то назвал "кучкой дилетантов и бездельников".

Со временем ответ на этот вопрос прояснился. Гувер, оказывается, действительно хотел "обойти Стивенсона". Он невзлюбил Британский координационный центр и хотел подрезать ему крылья. Этого, в частности, можно было достигнуть, организовав связь с пятой секцией непосредственно в Лондоне, а не через центр Стивенсона. Кроме того, Гувер испытывал естественное желание сблизиться с МИ-5. Подобно отделу безопасности ФБР, МИ-5 была чисто контрразведывательной организацией. У МИ-5 были свои неприятности с СИС, а у Гувера - неприятности с УСС. И самое главное, поскольку МИ-5 действовала на британской территории, в представлении Гувера интересы этой организации не могли

сталкиваться с интересами ФБР, юрисдикция которого ограничивалась Западным полушарием. Короче говоря, Гувер преследовал двойную цель - передвинуть центр сотрудничества из Соединенных Штатов в Англию и как можно теснее сблизиться с МИ-5.

Все это очень не нравилось Каугиллу. Он хотел бы взять обмен всей контрразведывательной информацией с американцами в свои руки. Не сумев этого добиться, он решил свести обмен между ФБР и МИ-5 к минимуму. Официально Каугилл объяснял это тем, что МИ-5 может передать ФБР информацию, полученную от СИС, без должного внимания к сохранению секретности источников СИС. Я никогда не слышал, чтобы нечто подобное действительно случалось, однако аргументы Каугилла звучали в какой-то степени убедительно, а в условиях войны более или менее благовидный аргумент, нередко считался достаточно веским. На самом же деле эти аргументы лишены были всяких оснований. Сам Каугилл красноречиво продемонстрировал это своим либеральным отношением к УСС. Если информация считалась слишком деликатной для того, чтобы передавать ее МИ-5 и ФБР, то, уж конечно, ее не следовало бы доводить до "кучки бездельников" Пирсона, однако это делалось. Каугилл видел в УСС гибкий инструмент, воспользовавшись которым можно укрепить свои позиции в борьбе как против ФБР, так и МИ-5. Прочность позиции Каугилла в данном случае была очевидна: как бы Гувер ни бушевал, никто в Англии не мог оспаривать необходимость связи Каугилла с УСС. Попытка сделать это со стороны, например, МИ-5 означала бы, что МИ-5 присоединяется к той оценке УСС, которую дал Пирсон. Тонкости межведомственной дипломатии вставали непреодолимым препятствием на пути истины.

Что касается моей работы по Пиренейскому полуострову, то с возникновением УСС у меня появились лишь новые заботы. Много времени уходило на передачу наших сведений вновь прибывшим. Мы испытывали большие трудности, связанные с назначением сотрудников УСС в Лиссабон. Первым из них был некий Рей Оливера, который вскоре приобрел печальную известность. Он начал с того, что без всякого предупреждения явился к представителю СИС с предложением сотрудничать. Тот, естественно, попросил незнакомца предъявить документы. В ответ на это Оливера раскрыл саквояж и нахально продемонстрировал его содержимое: бог знает сколько там было пачек долларов!

Прибытие Оливеры вызвало большое замешательству и в посольстве Соединенных Штатов. Сразу же после вступления

Америки в войну военный атташе в Лиссабоне полковник Солборг начал засылать в оккупированную Европу агентов через Испанию. Военно-морской атташе, естественно, сконцентрировал все свое внимание на флоте, а кто-то еще занялся экономической разведкой. Ко времени прибытия Оливеры все эти области разведки уже были захвачены, и никто не хотел уступать их ему. Затянувшуюся неразбериху в конце концов урегулировал Джордж Кеннан, бывший тогда советником посольства в Лиссабоне. Он решил, что самое лучшее - это обеспечить приток разведывательной информации и не беспокоиться по поводу юридических споров в Вашингтоне. Таким образом, Солборг и остальные утвердились в своей недипломатической деятельности, а контрразведку, которой никто еще не занимался, подбросили Оливере.

У бедняги Оливеры, однако, оказалось мало времени, чтобы развернуться в своей ограниченной сфере деятельности. Он сразу же вызвал к себе всеобщую неприязнь в Лиссабоне, так что его пришлось заменить. На его место был назначен некий Ди Лючия, который вскоре тоже причинил СИС немало хлопот. За очень короткое время он составил, по его утверждению, картотеку на несколько тысяч подозреваемых - труд, который так и не принес никаких положительных результатов. Однако главная беда заключалась в другом. Пятой секции удалось установить, что одним из основных источников Ди Лючии оказался темный и опасный тип, действовавший в Португалии под фамилией Александер. Из материалов радиоперехвата было известно, что он передавал информацию абверу. Вскрыв чешскую дипломатическую почту, англичане обнаружили также, что Александер работал и на полковника Пана, бывшего тогда представителем чешской разведки в Лиссабоне. Пришлось потратить несколько месяцев, чтобы придумать способ предупредить Пана, не раскрывая ему источника информации. С удивительной тупостью Пан отказывался принимать эти искренние предупреждения. "Вот дуб!" - раздраженно заметил однажды Дик Уайт после очередной безуспешной встречи. Чаша терпения переполнилась, когда Ди Лючпя включил агента абвера Александера в список своих оплачиваемых агентов. После наших бесконечных предостережений УСС наконец отправило Ди Лючию вслед за Оливерой. УСС решило обратиться к человеку СИС в Лиссабоне с просьбой изложить свои соображения о качествах, желательных для представителя УСС на таком бойком месте. Ответ последовал немедленно: "Ради бога, пришлите человека по фамилии Смит". Вопреки желанию Каугилла я показал телеграмму Пирсону. Он сделал вид, что она его развеселила.

Во второй половине 1942 года пришла весть, что в принципе принято решение о вторжении в Северную Африку. На пятую секцию возложили обязанность своевременно поставлять информацию в штабы армий, готовившихся к вторжению. Материалы, которые предстояло посылать, должны были касаться деятельности абвера и итальянской военной разведывательной службы в Северной Африке, а также симпатизировавших им людей среди специальных служб вишистского режима.

Каугилл увидел в этом и трудности, и новые возможности. Трудности заключались в обеспечении секретности источников секции, в том числе и радиоперехвата при передаче материалов армейским штабам. Каугилл успешно доказал, что это можно сделать, придав штабам специальные группы из сотрудников пятой секции или специально подготовленных людей. Выиграв по этому пункту, Каугилл без труда доказал, что выполнять новые обязательства он сможет только при значительном увеличении ассигнований. Из этой битвы он тоже вышел победителем. В результате Каугилл смог расширить штат, а также повысить жалованье многим сотрудникам.

Мимоходом замечу, что расширение аппарата дало мне возможность установить приятнейшее знакомство с двумя людьми. Для усиления пятой секции к нам вернулся Грэм Грин из Фритуана, где он, как предполагалось, следил за интригами вишистской Франции. Да простит он меня за откровенное признание, но я не могу припомнить каких-либо его блестящих достижений в Западной Африке. Может быть, французы не вели интриг? Я помню, однако, совещание, где обсуждалось предложение Грина об использовании одного бродячего борделя для разложения французов. Предложение обсуждалось вполне серьезно. Отвергли его лишь потому, что показалось маловероятным, чтобы оно помогло получить важные разведывательные данные. К счастью, Грина назначили ко мне в подсекцию, где я поручил ему Португалию. Ему доставляло удовольствие поддевать УСС, а его едкие комментарии по поводу входящей переписки служили для всех ежедневным развлечением.

Примерно в это же время на нашем горизонте появился Малькольм Маггеридж. У него всегда был возмущенно-растерянный вид. Сначала его заслали в Лоренсу-Маркиш, слишком далеко, на мой взгляд. Его главным противником стал итальянский консул Кампини, усердно доносивший о передвижении английских кораблей. Я обрадовался, когда интерес секции к Кампини иссяк и Маггериджа вернули назад, поручив ему заниматься различными аспектами французских дел.

Его упорная оппозиция к политике дня (какой бы она ни была) вносила в нашу жизнь нечто человеческое.

За несколько недель до вторжения в Северную Африку Каугилл спросил, не возьму ли я на себя обязанности по этому району. Прежде Северная Африка входила во французское направление, но по причинам, не очень мне понятным, было решено, что передача ее в мое ведение принесет только пользу. Я без колебаний принял предложение. Нам удалось к тому времени довольно основательно прижать абвер в Испании и Португалии, мы регулярно захватывали немецких агентов, и у меня не было оснований отказываться от дополнительных обязанностей. Меня лично устраивала возможность быть ближе к активным боевым действиям. Расширение сферы моей деятельности в тот критический момент внушало надежду, что в дальнейшем, по мере продвижения союзных армий, круг моих обязанностей станет еще шире. Эта надежда со временем оправдалась.

Мои новые обязанности скорее были связаны с политикой, чем с разведывательной работой. Вышеупомянутые специальные группы, должным образом сформированные и приданные армейским штабам, получили название специальных контрразведывательных подразделений (СКП). Этот термин - безусловный американизм, уступка, вызванная тем, что верховное командование возглавлял американец. Нам раздали также новые штампы с грифом "Топ Сикрет" вместо "Мост Сикрет" ("Top Secret" - американский термин в отличие от "Most Secret" - английского термина. Оба переводятся как "Совершенно секретно", - Прим. пер.). Все это было лишь прелюдией к последующим событиям, но тогда англичане по своей наивности восторженно относились к своему "драгоценному Эйзенхауэру".

Основная наша работа, если можно так ее назвать за неимением лучшего слова, касалась в то время отношений с французами. В течение некоторого времени к пятой секции был прикреплен деголлевский контрразведчик с весьма неопределенными функциями. К нему прикомандировали самую хорошенькую секретаршу на том основании, что она говорила по-французски, а в остальном держали его на почтительном расстоянии. Трудно сказать, что заставляло Каугилла сохранять сдержанность по отношению к Пасси, возглавлявшему деголлевскую разведывательную организацию - Центральное бюро информации и действий. Зато, когда резко изменилась политическая ситуация и недавние враги Дарлан и Жиро стали друзьями, Каугилл с распростертыми объятиями встретил вишистского контрразведчика майора Пайоля. Майор на самом деле оказался очень приятным человеком, и его враждебное

отношение к странам оси не вызывало сомнений. И все же я никак не мог понять, какую пользу интересам разведки приносило взятое Каугиллом обязательство защищать Пайоля от всех и вся. Возможно, Каугилл просто не мог относиться к нему иначе. Что из всего этого в конце концов получилось, я не знаю. Прежде чем этот вопрос разрешился, если он вообще разрешился, я ушел с головой в проблемы итальянской кампании.

Расширение Каугиллом в 1942-1943 годах круга моих обязанностей - сначала передачей мне Северной Африки, а затем и Италии - наводило на мысль, что я начинаю делать карьеру в секретной службе. Это подтвердилось вскоре после нашего переезда в Лондон. До этого в редкие периоды своего отсутствия - по случаю отпуска или по делам службы - Каугилл оставлял за себя своего заместителя Фергюсона. Фергюсон тоже пришел в секцию из индийской полиции и запомнился мне главным образом своей болезненной нерешительностью.

Однажды Каугиллу предстояло нанести официальный визит в Соединенные Штаты, где он предполагал пробыть две-три недели. Накануне отъезда Каугилл ознакомил всех сотрудников пятой секции с приказом, который гласил, что в его отсутствие Фергюсон будет выполнять обязанности заместителя по административным вопросам, а я в таком же качестве буду ведать всеми разведывательными делами. Так мне впервые официально дали понять, что я стою на ступеньке к повышению. Бедный Каугилл!

Глава V.
Всё выше и выше.

Один умный сотрудник МИ-5 написал однажды на документе: "Это дело исключительной важности, и поэтому его следует поручить низовым работникам". За две-три недели отсутствия Каугилла, находившегося в Соединенных Штатах, пока я сидел в его кресле, у меня было достаточно причин поразмышлять над этим изречением. Теперь, когда я поднялся на более высокую ступень, большая часть текущей работы оказалась относительно простой. Начальники других подсекций, видимо, вполне справлялись со своими задачами и не очень нуждались в моем руководстве. Но когда я занялся делами самого Каугилла, то столкнулся прямо-таки с чудовищной путаницей, и это послужило мне наглядным уроком того, насколько пагубно влияют ведомственные интриги на дела разведки. Такая неразбериха предвещала мне большие неприятности.

За несколько недель до отъезда Каугилл созвал специальное совещание начальников подсекций. Он информировал нас, что вместе с Клодом Дэнси работает над одним делом. Дело было большого потенциального значения и с такими серьезными политическими оттенками, что Каугилл считал необходимым продолжить работу над ним лично. Однако, по мнению Каугилла, мы должны иметь общее представление об этом деле на случай, если в нашей работе выявится что-нибудь имеющее к нему отношение. И Каугилл сделал чрезвычайно туманное сообщение. Видимо, он был очень утомлен, так как говорил бессвязно, и нам трудно было уловить смысл. Мы только поняли, что какие-то враждебные силы готовят или уже подготовили некий гигантский план. Характер и цель этого плана пока не ясны. "Я лично считаю, - сказал в заключение Каугилл и внезапно оживился, - что план имеет какое-то отношение к арабам. Когда бы я ни заглянул в это дело, я вижу арабов!" Опять Ричард Хэнни (герой шпионских романов. - Прим. пер.) был с нами!

Через час или два я уже забыл об этом деле, но Каугилл напомнил мне о нем, когда инструктировал меня перед самым отъездом. Он вытащил из своего личного сейфа пухлую папку, передал ее мне и попросил заняться этими материалами в его отсутствие. "Посмотри, что я тут сделал", - добавил он. Каугилл сказал также, что мне следует поддерживать контакт с Дэнси, поскольку тот лично заинтересован в этом деле. Зная пренебрежительное отношение Дэнси к контрразведке и всей ее

работе, я очень удивился. Мне казалось странным, что у Дэнси сложились такие тесные отношения с Каугиллом в связи с данным делом, но я решил, что лучше об этом не спрашивать. Возможно, Каугилл начал чувствовать себя слишком одиноким, а в такой ситуации даже Дэнси мог оказаться приемлемым союзником. А может, они объединились против Вивьена и МИ-5? Такая комбинация могла иметь свой смысл с точки зрения ведомственных интриг. Когда же я открыл дело, мне сразу стало ясно, почему оно так привлекает Дэнси. Я читал с нарастающим интересом. Я расскажу всю историю в хронологическом порядке, а не в такой последовательности, в какой она складывалась из документов дела. Право, мне самому понадобилось много времени, чтобы размотать клубок и уловить суть.

К концу 1943 года стало ясно, что страны оси идут к поражению, и многие немцы начали подумывать, стоит ли сохранять верность Гитлеру. В результате у ворот представительств союзников стали все чаще появляться перебежчики с предложениями о сотрудничестве и просьбами о политическом убежище. К этим предложениям и просьбам следовало относиться весьма осторожно в силу ряда причин. В частности, под видом перебежчиков Гиммлер мог засылать к нам шпионов. Англичане также не хотели давать советским руководителям повод подумать, что вступают в сделку с немцами: атмосфера была насыщена взаимной подозрительностью союзников, опасавшихся, что кто-нибудь из партнеров может заключить сепаратный мир с немцами. Наконец, нельзя было поощрять людей, которые в последнюю минуту решили обратиться в новую веру и таким образом избежать военного трибунала. Английским представительствам дали строгие указания не давать никаких обещаний ни одному немцу без предварительной консультации с Лондоном.

Однажды некий немец явился в английскую миссию в Берне и попросил свидания с военным атташе, назвав себя ответственным работником министерства иностранных дел Германии. Немец говорил, что привез с собой из Берлина чемодан, полный документов своего министерства. Услышав такое головокружительное заявление, атташе немедленно выставил немца за дверь. Его последующие попытки увидеться с главой миссии были отвергнуты подобным же образом. Такую позицию официальных английских представителей нельзя осуждать, так как тогда казалось маловероятным, чтобы кто-нибудь набрался смелости пройти через пограничный контроль немцев с чемоданом, содержащим незаконно вывозимые официальные документы.

Немец, однако, был полон решимости добиться своего. Потерпев поражение в английской миссии, он попытал счастья у американцев. Их правила оказались, по-видимому, более гибкими, чем наши. Секретарь миссии, решив, что этим делом должны заняться "рыцари плаща и кинжала", предложил посетителю обратиться к Аллену Даллесу: "Четвертая дверь по коридору налево". Даллес был тогда главой бюро УСС в Швейцарии. Выслушав рассказ незнакомца, он благоразумно попросил разрешения осмотреть содержимое чемодана и без колебаний установил, что материалы подлинные. Все это привело Даллеса в такое лирическое настроение, что он сразу же начал готовить официальное донесение в Вашингтон. "Если бы вы только видели эти документы, - писал он, - в их первозданной свежести!" С документов сняли копии и послали в Вашингтон, а УСС честно поделилось ими с СИС. Поскольку документы исходили из Швейцарии, их послали вначале Дэнси. Я уже говорил, что Дэнси проявлял большой интерес к Швейцарии еще с довоенных времен. Позже этот интерес превратился в неистовую одержимость собственника. Дэнси негодовал, что УСС обосновалось в Швейцарии, и не упускал возможности принизить работу Даллеса. Узнав, что берлинские документы попали к Даллесу, Дэнси, должно быть, пережил жестокий удар - об этом говорят его письменные замечания. Дэнси, однако, умел быстро оправляться от потрясений. Нельзя было допустить, чтобы Даллес урвал у него из-под носа такой сенсационный материал! Следовательно, материал был явной дезинформацией, и Даллес попался на удочку как мальчишка.

Борьба с враждебными разведывательными службами, занимающимися дезинформацией, входит в функции контрразведки, поэтому Дэнси пригласил Каугилла обсудить это дело. Что происходило на их совещании, подробно не протоколировалось, но, безусловно, Каугилл ушел под впечатлением, что и в его интересах доказать подложный характер документов Даллеса. Каугилл, конечно, не изучил документы ни при их получении, ни после. Он был слишком занят и слишком утомлен, а ведомственные интриги заставили его играть на руку Дэнси. Каугилл почти окончательно отошел от Вивьена. Его отношения с шефом, хотя и довольно хорошие, все-таки не были настолько близкими, как ему хотелось бы. А у Дэнси с шефом были очень тесные отношения, поэтому, доказав, что Даллеса надули, Каугилл надеялся извлечь немалую пользу и для себя.

Такова была картина, составленная мной на основе беспорядочной переписки между Дэнси и Каугиллом. Мне

пришлось немало поломать голову. Примерно в это же время у меня созрел один план, но он требовал осторожного, подхода. Я очень хотел получить должность, которая вскоре освобождалась, и мне нельзя было позволить себе испортить отношения ни с кем, кто бы мог оказать мне в этом содействие. Каугилл, Вивьен, Дэнси, МИ-5, министерство иностранных дел, шеф - все они составляли части одной головоломки, и было чрезвычайно трудно с позиций моего относительно невысокого поста определить, как они поступят, когда для меня настанет время действовать. Правда, я уже давно пришел к выводу, что, хотя политические маневры и могут быстро принести результаты, эти результаты окажутся прочными лишь в том случае, если они основаны на солидной и добросовестной работе. Поэтому я решил изучить материалы Даллеса и оценить их по достоинству. Если они бесспорно подлинные или, напротив, подложные, я так и скажу. Если же после изучения документов нельзя будет сделать совершенно определенный вывод, я заново рассмотрю политические аспекты этого дела, прежде чем решить, на чью сторону стать.

Подавляющее большинство документов составляли телеграммы, полученные министерством иностранных дел Германии от его представительств за границей. Значит, прежде всего мне следовало проверить у наших экспертов-шифровальщиков, не поступали ли к ним перехваченные телеграммы, совпадающие с материалами Даллеса. Из дела не было видно, чтобы предприняли эту элементарную меру. Дэнси и Каугилл ограничились лишь беглым просмотром документов в поисках сомнительных мест и противоречий, чтобы подкрепить свою версию об их подложности. Памятуя об указании Каугилла поддерживать тесную связь с Дэнси, я долго думал, следует ли посоветоваться с ним о целесообразности обращения к шифровальщикам. Мне не хотелось этого делать, поскольку я полагал, что Дэнси выступит против такого предложения. Еще раз пересмотрев дело, я нашел адресованную Каугиллу резолюцию Дэнси: "Передается Вам для действий, которые сочтете необходимыми". Теперь у меня было достаточно веское основание, чтобы поступать по собственному усмотрению.

К тому времени государственная школа кодирования и шифровального дела фактически разделилась на два отдела. Один - под руководством капитана 3 ранга Трейвиса - занимался корреспонденцией разведывательных служб; другой - под руководством капитана 3 ранга Деннистона - имел дело с дипломатическими документами. Поскольку материалы Даллеса являлись документами министерства иностранных дел Германии,

мне следовало обратиться к Деннистону. Я отобрал ряд телеграмм немецкого военного атташе в Токио, переданных в адрес германского генерального штаба шифром по радио. В них содержались подробные сведения о боевом составе японских вооруженных сил и оценка намерений Японии на будущее. Всех телеграмм было около десяти. Ясно, что в случае их подлинности они представляли собой документы чрезвычайной важности.

Через два дня Деннистон позвонил мне по телефону. В его голосе сквозило волнение. Деннистон сообщил, что три телеграммы точно совпадают с перехваченными и уже расшифрованными, а остальные оказались крайне ценными для расшифровки немецкого дипломатического кода. Деннистон спрашивал, не могу ли я дать еще несколько таких документов. Я, конечно, мог и начал поставлять материалы Деннистону по мере того, как он успевал их обрабатывать. Когда примерно треть документов была изучена и ложных среди них не оказалось ни одного, я обязан был распространить эти материалы. Соответственно я передал их в наши секции, поддерживавшие связь с военными министерствами и министерством иностранных дел, сознательно принижая значение документов, так как не хотел, чтобы Дэнси преждевременно узнал, что происходит что-то неладное.

Военные министерства отреагировали немедленно. Представители армии, военно-воздушных и военно-морских сил - все умоляли прислать побольше такой информации. Министерство иностранных дел ответило более сдержанно. Я попросил соответствующие секции получить от министерств отзывы на эти материалы в письменном виде, а Деннистона попросил написать докладную, подтверждающую подлинность документов на основе криптографического анализа. Я готовился к неизбежному столкновению с Дэнси. Нужно было начать действовать прежде, чем Дэнси услышит об этом деле из других источников. Я хотел сначала послать ему все документы по делу, чтобы подготовить его к удару, но потом отверг эту мысль, зная, что Дэнси не станет их читать. Тогда с некоторым трепетом я спросил его, когда он сможет меня принять.

Визит продолжался полчаса и был очень неприятным. Как и следовало ожидать, Дэнси пришел в ярость. Но его быстро отрезвило то обстоятельство, что я изучил материалы, а он - нет. Докладная Деннистона также несколько охладила Дэнси. Ярость его, однако, вспыхнула снова, когда он прочитал хвалебные комментарии министерств. С большим трудом взяв себя в руки, Дэнси прочитал мне нотацию. Даже если документы подлинные, то что из этого? Я поощряю УСС в его стремлении переступать все

границы в Швейцарии и вносить путаницу в дела разведки. Одному богу известно, какой вред оно может причинить. Такими вопросами должны заниматься лишь опытные работники, умеющие обходить ловушки. Если так поощрять УСС, оно может в считанные дни взорвать всю сеть Дэнси.

Когда Дэнси выдохся, излив свою тираду, я с почтительным изумлением спросил, какое, собственно, отношение это имеет к делу УСС. Ведь я распространял эти документы не как материалы УСС. Даже наши собственные секции, рассылающие разведывательную информацию, не говоря уже о министерствах, не знают, что УСС имеет к этому отношение. Они считают материалы нашими, они нас просят присылать их. По всей видимости, и похвалы достанутся тоже нам. Когда я в нерешительности замолчал, Дэнси в упор посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. "Продолжайте, - проговорил он наконец. - Вы не такой дурак, как я думал".

Когда вернулся Каугилл, я принес ему папку и рассказал обо всем, что сделал. Сразу же последовал тревожный вопрос, как отнесся к этому Дэнси. Я объяснил, что консультировался с Дэнси и что он одобрил мои действия. Облегченно вздохнув, Каугилл вернул мне папку и попросил продолжать работу. К моему удивлению, Дело на этом не кончилось. Наш немецкий друг оказался бесстрашным человеком и еще несколько раз наведывался в Берн со своим бесценным чемоданом.

Тем временем благодаря нашей всевозрастающей осведомленности работа моей подсекции, занимавшейся борьбой со шпионажем немцев на Пиренейском полуострове, в Северной Африке и Италии, шла успешно. Немецких агентов вылавливали с монотонной регулярностью, и, насколько мне известно, ни одна важная птица не ускользнула из нашей сети. Помимо всего прочего, в наших руках находился главный ключ к намерениям немцев: мы регулярно читали их радиограммы. Хотя испанское правительство и предоставляло немецким службам широкие возможности, а Салазар оказывал им дружеское гостеприимство, очень немногие испанцы и португальцы изъявляли готовность ставить себя под удар во имя фашизма. Если же кто и соглашался выполнить задание немцев, то лишь для того, чтобы выбраться из Европы или попасть в Англию.

В качестве яркого примера можно назвать дело Эрнесто Симоеса. Из немецких радиограмм мы узнали, что абвер завербовал Симоеса в Лиссабоне для работы в Англии. В одежде он спрятал инструкции, заделанные в микрофототочки. Переписку с ним предполагалось вести по почте. После консультация с МИ-5 было решено позволить Симоесу некоторое

время действовать в Англии свободно, надеясь, что он может навести нас на других немецких агентов. Ему не чинили никаких препятствий по прибытии и даже незаметно оказывали помощь в устройстве на работу на завод в Лутоне, производивший детали для самолетов. Информация, которую он мог там почерпнуть, представляла достаточный интерес для агента, и в то же время не было большой опасности, если бы какие-то из его сообщений случайно проскользнули к немцам. Симоеса поместили у одной супружеской пары. Муж работал на том же заводе. За передвижениями агента было установлено наблюдение, а его корреспонденция просматривалась.

За несколько дней в поведении Симоеса наметился определенный ритм. После гудка он вместе с хозяином своей квартиры уходил с завода и благополучно доводил его до ближайшей пивной. Затем со всех ног Симоес спешил домой, откуда не выходил до следующего утра, когда вместе с хозяином шел на работу. Оставалось лишь установить, почему агент так спешит домой. После тщательного наблюдения было найдено совершенно удовлетворительное объяснение. Каждый вечер, добравшись до дому, он быстро осчастливливал хозяйку своим любовным вниманием (почему-то под кухонным столом; невероятно, но так утверждали агенты!), а затем с аппетитом ужинал и шел спать.

Через несколько недель было решено прекратить комедию. Симоеса арестовали. Чтобы избежать всяческих случайностей, его отправили в "строгий" следственный центр на Хэм-Коммон и напустили на него Томми Харриса. По натуре Харрис не мог быть с кем-либо по-настоящему строгим, но тут он старался, как мог. Харрис объяснил Симоесу, что тот находится в тюрьме английской секретной службы, что он вне досягаемости закона, что консульство не знает о его местонахождении и никогда не узнает, что он может остаться здесь на всю жизнь, если ему сохранят ее, что его могут морить голодом, бить, убить и никто никогда об этом не узнает. Единственная надежда для него - полное признание в шпионаже на немцев. Харрис говорил и многое другое в таком же роде, пока его разыгравшееся воображение не прошлось по всей гамме чувств. Харрис потом признался мне, что нарисовал такую леденящую кровь картину, от которой ему самому стало страшно.

Все это Симоес слушал с нарастающим нетерпением и время от времени с раздражением заявлял, что он хочет есть. Однако примерно через час допроса он принял решение. Попросив бумагу и ручку, Симоес нацарапал на двух страницах показания о контактах с немцами в Лиссабоне, включая инструкции,

микрофототочки и все остальное. Он объяснил, что не имел ни малейшего желания подвергать себя опасности и что единственной его целью было найти хороший заработок в Англии, куда он не мог бы добраться без посторонней помощи. Показания Симоеса во всех деталях совпадали с уже известными нам сведениями. Закончив писать, Симоес бросил ручку и воинственным тоном спросил: "Ну, а теперь мне дадут что-нибудь поесть?"

Другое дело, тоже связанное с португальцем, показательно в том смысле, что оно иллюстрирует, как приходилось иногда выкручиваться, когда мы принимали меры по информации, полученной из особо щекотливых источников. Регерио Пейксото де Менезес, клерк из министерства иностранных дел Португалии, был прислан на работу в португальское посольство в Лондоне. Англичане узнали, опять же из перехваченных немецких радиограмм, что перед выездом из Лиссабона его завербовал абвер, Ему поручили собирать общую разведывательную информацию и предложили, пользуясь тайнописью, направлять корреспонденцию через португальскую дипломатическую почту по определенным адресам в Лиссабоне.

Португальская почта регулярно вскрывалась перед отправкой из Англии. Через несколько недель в дипломатической почте обнаружили конверт на имя одного из адресатов Менезеса. Это было донесение, написанное простыми симпатическими чернилами. В нем по-дурацки комментировалось моральное состояние англичан, сообщалось о зенитных батареях в Гайд-парке и содержались другие пустяки. Однако даже такая мелюзга, как Менезес, могла когда-нибудь наткнуться на нечто важное, и поэтому было решено пресечь его деятельность.

Однако Менезес мог прикрыться дипломатической неприкосновенностью, поэтому прежде всего необходимо было убедить португальского посла сеньора Монтейро лишить Менезеса этой привилегии. Единственное доказательство против Менезеса было добыто недипломатическими средствами, и это удерживало английскую контрразведку от решительного шага. Наконец письмо Менезеса показали послу, объяснив, что оно поступило от английского агента в Лиссабоне. Монтейро, прочитав письмо, практически не мог настаивать на иммунитете для Менезеса, и последний предстал перед судом. Менезес имел жалкий вид, и некоторые из нас до самого вынесения приговора испытывали угрызения совести, поскольку формально обвиняемого могли приговорить к смертной казни. К счастью, судья попался мягкий, да у англичан и не было намерений раздражать португальцев. Закончилось дело, однако,

неприятнейшей неожиданностью. В шифротелеграмме с комментариями по делу (которую англичане тоже прочитали) посол Монтейро изложил английскую версию обстоятельств, при которых письмо попало к англичанам, а затем заявил, что, возможно, в отношении дипломатической почты была допущена "нескромность".

Присутствие дипломатов нейтральных стран доставляло постоянные хлопоты английской службе безопасности. Одна загвоздка возникла с послом Испании герцогом Альбой. Англичане имели постоянный доступ к испанской дипломатической почте и узнали, что Альба периодически направляет в Мадрид доклады исключительно высокого качества о политической обстановке в Англии. В Англии не сомневались, что министерство иностранных дел Испании знакомит с ними своих немецких союзников, и потому эти доклады являлись действительно серьезной утечкой информации. Однако ничего нельзя было сделать. Доказательств, что герцог получает информацию недозволенными методами, не было. Альба общался с осведомленными людьми и просто передавал сказанное ими с собственными проницательными комментариями. Одно время МИ-5 вынашивала идею использовать Альбу в качестве канала для дезинформации, однако его информаторы занимали слишком высокое положение. Среди них были такие люди, как Брендан, Брэкен, Бивербрук и даже сам Черчилль. Вряд ли они снизошли бы до обмана испанского гранда! Моя подсекция вынуждена была оставить это дело. Приходилось лишь надеяться, что, поскольку доклады Альбы были выдержаны в дружественном к Англии тоне, Гитлер перестанет верить ему как неисправимому англофилу. В конце концов, Альба был также и герцогом Бервикским.

Глава VI.
Цель достигнута.

Я уже рассказал, что у меня появились хорошие возможности для продвижения по службе. В связи с этим мне вспоминается эпизод, о котором неприятно писать. Первые возможности успешной карьеры в СИС совпали с открытием вакансии в специфической сфере деятельности, которую я никак не мог упустить.

Задолго до окончания войны с Германией руководство СИС стало обращать свои мысли к будущему противнику. В период между двумя мировыми войнами большая часть ресурсов службы расходовалась на операции по проникновению в Советский Союз и на защиту Англии от того, что обобщенно именовалось "большевизмом". Когда поражение стран оси стало неминуемым, мысли СИС вернулись в старое, привычное русло. Скромное начало было положено созданием небольшой девятой секции для изучения старых дел о Советском Союзе и деятельности коммунистов. Руководителем секции назначили сотрудника МИ-5 по фамилии Карри, который уже приближался к пенсионному возрасту. Он был глух и не знал специфики работы СИС. Кроме того, обстановка исключительной секретности мешала ему получать документы, имеющие отношение к его работе. Впрочем, все понимали, что Карри назначили временно и что, как только сократится объем работы против Германии, его заменят кадровым сотрудником СИС.

Последующие недели в беседах с коллегой из Москвы мы обсуждали будущее девятой секции. Я написал несколько бумаг по этому вопросу, и мы проанализировали их во всех деталях. Сложившаяся ситуация, как мне тогда представлялось, могла иметь два решения: либо после отставки Карри его заменят другим человеком, либо девятую секцию сольют с пятой. Каугилл не сомневался, что будет принято второе решение. Он с воодушевлением говорил о том времени, когда мы избавимся от старины Карри и по-настоящему развернем работу против коммунизма. Каугилл имел основание на это надеяться. После поражения стран оси наступит режим экономии, и штаты СИС будут резко сокращены. Казалось почти невероятным, чтобы в новых условиях сохранили обе контрразведывательные секции: одну - для решения очень важной, советской проблемы и другую - для более или менее незначительных дел. Несомненно, будут стараться объединить эти две секции, и тогда Каугилл, как

старший по службе, будет бесспорным кандидатом на пост начальника объединенной секции.

Мой друг интересовался, не предложат ли мне руководящий пост в этой секции. Я считал, что, вероятно, предложат. "Но можно ли это сказать наверняка?" - настаивал он. Такого утвердительного ответа я, конечно, дать не мог. Коридоры Бродвея были полны слухов о послевоенной реорганизации, более или менее основательной, и невозможно было предугадать, какие изменения произойдут в штатах службы в мирное время. Меня могли, например, послать за границу для приобретения опыта работы на местах. Мы обсуждали эту проблему на нескольких встречах. Наконец советский коллега задал мне прямой вопрос: а что, если пост начальника секции предложат не Каугиллу, а мне? Я ответил, что такое значительное продвижение по службе даст мне возможность больше влиять на ход событий, в том числе и на мои назначения в будущем. По-видимому, мой связной с Центром советской разведки был удовлетворен моим ответом и сказал, что к следующей встрече надеется получить для меня определенные инструкции.

Инструкции были получены. Центр сообщал, что я должен сделать все, абсолютно все, чтобы добиться назначения начальником девятой секции, независимо от того, будет она слита с пятой или нет. Каугилл должен сойти со сцены. Я попытался возразить, что именно неучастие в ведомственных интригах помогало мне до сих пор получать доступ во многие сокровенные уголки службы. Однако этот довод признали неубедительным. Важность нового поста стоила временной потери репутации. Кроме того, мой друг совершенно справедливо заметил, что через несколько месяцев все забудут и о Каугилле, и о том, как он ушел со службы. Он был прав, но я все же испытывал угрызения совести. Я уважал Каугилла и многим был ему обязан. Однако он стал препятствием на предначертанном мне пути и должен был уйти с дороги. Я не мог отрицать, что, если он останется, у него не будет серьезного конкурента в борьбе за должность начальника девятой секции, так же как и у меня не будет серьезных соперников, если он уйдет.

Хотя мои друзья и не сочли решающим фактором мое нежелание ввязываться в ведомственные интриги, они не оставили без внимания мои соображения. Мне было рекомендовано очень осторожно вести кампанию против Каугилла. Детали предоставляли на мое усмотрение, дав лишь общие указания. Мне не следовало предпринимать каких-либо открытых действий для достижения своей цели, чтобы в случае неудачи можно было показать, что этот пост мне навязали.

Каждый ход в кампании должен по мере возможности исходить от другого лица. Иными словами, мне нужно найти союзников в борьбе за свое дело, и лучше всего их искать среди врагов Каугилла, а их было немало. Я понимал, что в такой обстановке мои надежды были не такими уж шаткими, особенно потому, что Каугилл был человеком гордым и честолюбивым. Если он уйдет, то уйдет навсегда.

Мой первый выбор пал на полковника Вивьена. Это был слабовольный человек. Он занимал должность заместителя начальника секретной службы и был непосредственным начальником Каугилла. Формально Вивьен отвечал за всю контрразведывательную деятельность СИС. Я уже говорил, что Каугилл презирал Вивьена, не считался с ним и предпочитал иметь дело непосредственно с самим шефом. Такое пренебрежительное отношение глубоко ранило Вивьена. В прошлом он не раз плакался мне в жилетку из-за утраченного им влияния, чем ставил меня в неловкое положение. Теперь же я приветствовал эти сентиментальные сценки, и очень скоро Вивьен стал спрашивать меня, весьма кстати, как быть с Каугиллом.

Ясно, что по своему положению я не вправе был обсуждать с ним его жалобы, но мог посоветовать направить их по другим каналам, более близким к источникам власти. Предлагать ему поставить вопрос перед шефом было бесполезно. Вивьен боялся шефа почти так же, как Каугилла. Были, однако, другие люди, которые пользовались расположением шефа и с которыми ему приходилось считаться.

Наиболее подходящим из них был Кристофер Арнольд-Форстер. Когда я впервые поступил в СИС, он состоял в военно-морской секции, обрабатывая разведывательную информацию для адмиралтейства. Шеф поместил его тогда в кабинет напротив своего, дав ему должность старшего штабного офицера. Возможно, впоследствии шеф пожалел об этом назначении, но фактически оно было одним из самых удачных. Арнольд-Форстер обладал ясным умом и необыкновенной способностью уловить суть дела в бюрократическом хаосе. Кроме того, он отличался прекрасным стилем письма и речи. Он был также одним из самых мужественных людей, которых мне довелось встречать. Большую часть рабочего дня Арнольд-Форстер мучительно задыхался, сидя за столом, уставленным пузырьками с разными желудочными лекарствами. Я считал, что если он с его умом займется нашей проблемой, то очень скоро поймет недопустимость положения, когда руководитель контрразведывательной секции СИС постоянно находится на ножах с МИ-5. Одно дело - временно терпеть это в трудных условиях войны и совсем другое -

бесконечно затягивать такое положение в мирное время. Если Арнольд-Форстер вникнет в суть дела, я почти не сомневался, что он даст ему правильный поворот.

Однако с чего начать? Лучше всего, если Арнольд-Форстер услышит авторитетное мнение о Каугилле из МИ-5. Но через кого? Я отверг Дика Уайта: он был слишком склонен угождать всем и каждому. Уайт мог только ослабить удар. Для этой цели Гай Лидделл подходил гораздо больше. Он был начальником Уайта и работал в МИ-5 так долго, что казалось, будто он сам и есть МИ-5. Лидделл всегда высказывался прямо и мог быть непреклонным. Соответственно, когда Вивьен в следующий раз вновь заговорил о Каугилле, я сказал, что мне нечего предложить, по, думаю, лучше всего посоветоваться с Арнольдом-Форстером. Полезно также организовать встречу Арнольда-Форстера с Гаем Лидделлом. Вивьен медленно переваривал идею, но постепенно оценил ее и решительно заявил: "Знаете, Ким, я так и сделаю!"

Как они устроили встречу, не знаю. Вивьен был членом клуба "Восточная Индия и спорт", но вряд ли они обедали там: готовившееся в клубе в военное время карри с картошкой могло бы убить Арнольда-Форстера. Увидев Вивьена в следующий раз, я понял, что все, по-видимому, идет хорошо. Вивьен хитро улыбнулся и сказал: "Мне кажется, встреча действительно открыла глаза Крису!" Еще более важным был звонок от Арнольда-Форстера. Он приглашал зайти к нему. Он был слишком корректным и не ставил вопрос ребром. У нас состоялся продолжительный разговор о СИС вообще и ее будущем, об имеющихся возможностях улучшения работы и необходимых преобразованиях соответственно новым условиям приближающегося мирного времени. Арнольд-Форстер, очевидно, оценивал меня, и я старался, насколько мог, быть разумным и прямолинейным. Имя Каугилла даже не упоминалось.

Далее мне предстояло завербовать сторонников в министерстве иностранных дел, с которым мы часто имели дело, особенно в связи с дипломатическими протестами Франко и Салазару против деятельности немецкой разведки на Пиренейском полуострове. Во время войны установилась практика прикомандировывать представителя министерства иностранных дел к Бродвею, чтобы, так сказать, взаимно обогащать обе службы и способствовать лучшему пониманию целей и стиля работы друг друга. Первым представителем министерства иностранных дел был назначен Патрик Рейли. Я часто имел с ним дело в связи с махинациями немцев в нейтральных странах, и у меня не было причин считать, что он плохо ко мне относится. Однако я не знал, есть ли какие-либо

серьезные разногласия между ним и Каугиллом, достаточные для того, чтобы считать Рейли моим союзником. Однако мне светила счастливая звезда. Каугилл, который иногда, казалось, был склонен к самоуничтожению, избрал именно этот критический период, чтобы попытаться ввязать шефа в абсолютно ненужный скандал с Эдгаром Гувером. Такой скандал, несомненно, мог бы повлиять на англоамериканские отношения в целом, поэтому на сцену выступил Рейли, который резко высказался о политическом здравомыслии Каугилла.

Впервые я услышал об этом, когда меня вызвал Вивьен. Он показал мне проект письма на двух страницах, которое Каугилл дал на подпись шефу. Не могу припомнить, в чем именно состояла суть дела. Видимо, словесная невоздержанность Каугилла затмила у меня в памяти содержание письма. Проект представлял собой тираду, направленную против обычной для Гувера практики приносить интересы разведки в жертву своим политическим целям в Вашингтоне. Конечно, в словах Каугилла было много правды, но такие вещи не излагают на бумаге, тем более в переписке между главами служб. В конце проекта Рейли сделал краткое заключение: "Полагаю, что проект полностью неприемлем. Если он будет послан, начальник английской разведки окажется в нелепом положении". Рейли попросил Вивьена переписать письмо. Вивьен же в свою очередь предложил мне подготовить, так сказать, проект ответа. Я набросал примерно полстраницы, лишь слегка, в вежливых выражениях коснувшись предмета спора, и мы вместе понесли проект к Рейли. Он передал его без изменения секретарям шефа, и я их покинул. На следующий день Вивьен сообщил мне, что у него состоялся "очень интересный разговор с Патриком".

Почва была подготовлена. Вивьен, заручившись надежной поддержкой, жаждал крови Каугилла. Арнольд-Форстер, находясь под впечатлением враждебного отношения МИ-5 к Каугиллу, постарался, чтобы шеф обратил должное внимание на позицию МИ-5. МИ-5 занимала твердую позицию. Кроме Дика Уайта, мягкого по натуре человека, остальной аппарат МИ-5 знал Каугилла только как противника в межведомственной борьбе. Даже Уайт добродушно называл его "трудным малым". На Каугилла надвигались тучи и со стороны Блетчли. Каугилл всегда думал, что руководители государственной школы кодирования и шифровального дела оспаривают его контроль над материалами радиоперехвата. Вскоре после нашего возвращения в Лондон из Сент-Олбанса Каугилл сцепился с двумя ответственными работниками школы - Джонсом и Хастингсом. Был очень неприятный случай, когда Джонс начисто разбил (если не сказать

- разнес) Каугилла в присутствии начальников его же подсекций. Оба придерживались бескомпромиссных и противоположных точек зрения. Однако Джонс был гораздо лучше подготовлен к спору, чем Каугилл. Не хочу сказать, что школа шифровального дела принимала активное участие в кампании против Каугилла. Она была слишком далека от этого, но через собственную сеть информаторов шеф хорошо знал, что шифровальщики по-философски отнесутся к уходу Каугилла.

В довершение всего меня вызвал Вивьен и предложил прочитать объяснительную записку на имя шефа. Записка была невероятно длинной и приукрашена цитатами из "Гамлета". В ней излагалась печальная история ссор Каугилла и доказывалась необходимость радикальных перемен, прежде чем мы перейдем к работе в условиях мирного времени. Мое имя называлось в качестве преемника Карри. Кандидатура Каугилла на этот пост категорически отвергалась. В лестных выражениях объяснялось мое соответствие этой должности. Как ни странно, но, перечисляя мои достоинства, упустили самое важное качество, нужное для данной работы: то, что я кое-что знал о коммунизме.

Для меня это означало конец борьбы. Вивьен не посмел бы представить шефу такое серьезное предложение без благословения Арнольда-Форстера, а Арнольд-Форстер не дал бы благословения, не подготовив предварительно почву для благоприятного принятия предложения. Сам факт, что записка была отпечатана и готова к докладу, свидетельствовал, что шеф рискнул пойти на крупный откровенный разговор с Каугиллом, вплоть до принятия его отставки. Я почти не сомневался, что в ближайшее время меня пригласят на беседу к шефу, и мне следовало подготовиться.

Дело в том, что карьера в секретной службе не поддается предсказаниям и чрезвычайно рискованна. Всегда возможны какие-то ошибки. С мелкими неудачами я легко бы справился сам, но в случае большой беды мне не хотелось зависеть только от лояльности моих коллег по СИС. Самое опасное, когда сотрудников секретных служб обвиняют в неблагонадежности или связанных с ней нарушениях, которые составляют прерогативу МИ-5. Я полагал, что на случай каких-либо непредвиденных неприятностей в моей новой работе было бы неплохо официально подключить МИ-5 к моему назначению. Хорошо бы получить письменное заявление от МИ-5, одобряющее это назначение! Вряд ли, однако, я мог таким образом объяснить все это шефу. Короче говоря, нужно было найти подходящую формулу. После мучительных раздумий я счел, что лучше всего использовать непомерное пристрастие шефа к межведомственным интригам.

Приглашение последовало. В святилище тайн я пришел уже не впервые, но на этот раз мисс Петтигрю и мисс Джонс, секретарши шефа, казались особенно любезными. Зеленый свет загорелся, и я вошел. Обратившись ко мне, шеф впервые назвал меня Кимом. Значит, никаких осложнений не произошло. Он показал мне записку Вивьена, и я из вежливости сделал вид, будто читаю ее. Шеф сообщил, что решил поступить согласно предложению Вивьена и сделать меня преемником Карри. Имею ли я что-либо сказать на это? Имею. Используя своеобразный прием типа "надеюсь, что я не говорю ничего неуместного, сэр", я сказал, что назначение предлагается мне, вероятно, из-за хорошо известной неуживчивости Каугилла с его коллегами из МИ-5. Я выразил надежду, что постараюсь избежать таких ссор в будущем. Но кто может предвидеть? Я бы чувствовал себя более счастливым на этой работе, если бы знал наверняка, что сотрудники МИ-5, с которыми я буду иметь дело ежедневно, не возражают против моего назначения. Это позволило бы мне чувствовать себя более уверенно. Кроме того, одобрение МИ-5, высказанное официально, будет эффективно защищать службу от возможной критики со стороны этой организации в будущем.

Я еще недоговорил до конца, как понял, что шеф с явным одобрением уловил мою идею. Он умел чрезвычайно быстро разглядывать лазейки в бюрократических джунглях. Критики шефа не раз говорили, что только его способность к тактическим маневрам помогла ему удержаться на желаемом для многих посту, контролирующем секретные фонды. Выслушав меня, шеф горячо и убежденно стал доказывать необходимость того, что я сам предложил. Он расстался со мной очень тепло, пообещав без промедления написать сэру Дэвиду Петри (начальнику МИ-5). Я покинул шефа в надежде, что он будет утверждать, а возможно, даже наполовину поверит, что вся заслуга в выдвижении этой идеи принадлежит ему. Вскоре Петри прислал очень дружественный ответ. Шеф был доволен. И я тоже.

Пускаясь в эту интригу, я надеялся, что Каугилл уйдет сам. Он так и сделал. Как только стало известно о моем назначении, он потребовал встречи с шефом. Мне не известны подробности их беседы, но Каугилла я больше никогда не видел. Он подал в отставку, и ее приняли. Это была роковая ошибка Каугилла. По прошествии не многим более года пятая и девятая секции были объединены под моим руководством. Каугилл больше не стоял на моем пути. Если бы Каугилл согласился на короткое время остаться в тени, он, безусловно, нашел бы другую достойную работу в службе. Но он привык летать высоко. Надеюсь, я сумел показать, что Каугилл был гордым и импульсивным человеком,

слишком самонадеянным для своих способностей.

Через несколько дней я принимал дела у Карри. Боюсь, что я проявил при этом излишнее нетерпение. Я предложил шефу для упорядочения статуса новой, девятой секции составить проект положения о ней за его подписью. Не помню точных формулировок, но по положению мне поручалось под руководством шефа собирать и оценивать информацию о разведывательной деятельности Советского Союза и работе коммунистов во всех частях света за пределами британской территории. Мне вменялось также в обязанность поддерживать тесную связь с МИ-5 для осуществления взаимного обмена информацией по этим вопросам. Шеф добавил заключительную статью: я ни в коем случае не должен был иметь каких-либо дел со спецслужбами Соединенных Штатов. Война еще не закончилась, и Советский Союз считался союзником Англии. Ни под каким видом нельзя было рисковать утечкой информации. Шеф имел в виду возможность утечки информации из американских спецслужб к русским. Это была поистине пикантная ситуация!

Глава VII.
От войны к миру.

Переход в девятую секцию означал переезд с Райдер-стрит в Бродвей-билдингс. Я был доволен этой переменой по нескольким причинам. Начиная с лета 1943 года, когда мы переехали из Сент-Олбанса в Лондон, я имел легкий доступ к самому сердцу СИС, а теперь я сидел в ее центре, в наилучшей позиции, позволявшей

.мне улавливать все новости разведки и изучать людей, которых встречал в коридорах. Кроме того, Сент-Джеймс-парк отделял меня от сотрудников контрразведки УСС.

Когда пятая секция переехала в свое помещение на Райдер-стрит, Пирсон и его коллеги при помощи Каугилла получили место в том же здании. Они изводили нас своими дрязгами, хотя иногда и развлекали. Грэм Грин вспоминал в одной газетной статье, что в УСС был сейф, который никак не запирался. Так вот, чтобы успокоить бдительных дежурных офицеров, которые проводили регулярный осмотр помещения по вечерам, Пирсон, опять же с одобрения Каугилла, украсил этот сейф обезоруживающей надписью: "Считать этот сейф запертым".

Как я уже объяснял, мне с самого начала было запрещено иметь какие-либо дела с американцами. Пирсон прекрасно знал об этом. Но это не мешало ему досаждать мне своим назойливым вниманием. Для меня было лучше быть от него подальше, высоко на седьмом этаже Бродвей-билдингса.

Поначалу меня полностью поглотили повседневные дела: подбор людей, служебные помещения, мебель и т. д. Я не сомневался в том, что, какой бы большой штат я ни набрал, я всегда мог расширить задачи секции настолько, что работы хватило бы всем. Важно найти хороших работников, пока это было еще возможно. При режиме экономии мирного времени, которое уже приближалось, будет гораздо легче избавиться от лишних сотрудников, чем найти людей для заполнения возможных в будущем вакансий.

Девятая секция Карри состояла из четырех сотрудников - он сам, две девушки и один полоумный. Одна из девушек была очень милой особой из женской вспомогательной службы ВМС, и я оставил ее. Другая была довольно странная особа, пришедшая к нам из цензуры, и я почувствовал облегчение, когда вскоре после моего вступления в должность она получила ожог роговицы, наблюдая солнечное затмение, и вынуждена была покинуть нас. Полоумный был некто Стептоу из Шанхая, который в период

между войнами отвечал по линии СИС за весь Дальний Восток. Как это могло случиться, для меня и сейчас остается загадкой. Трудно поверить, что он мог удержаться на любой работе хотя бы неделю. Стептоу был навязан Карри Вивьеном, по-видимому, в память о старых временах. Но я не постеснялся в данном случае пойти против Вивьена: в конце концов, он уже сыграл свою роль. К счастью, Стептоу сам вырыл себе яму. По предложению Вивьена его послали в, командировку по резидентурам СИС на Средиземном море, чтобы рассказать о задачах девятой секции. Поездка закончилась полным провалом, так как многоопытный Стептоу вел себя с такой бросающейся в глаза таинственностью, что некоторые из наших зарубежных представителей с большим трудом могли поверить, что он действительно офицер секретной службы. В Бродвей поступило множество необычных писем и телеграмм, в которых выражалось сомнение в подлинности его полномочий. Вооружившись таким материалом для поддержки своего предложения, я без труда убедил шефа, что его служба мало потеряет, если он отправит Стептоу на пенсию. Последний ушел от нас, получив в качестве утешения высокопарное письмо Вивьена, в котором восхвалялась его прошлая служба и выражалось сожаление по поводу его увольнения.

Я не испытывал сожаления, лишившись двух членов малочисленной команды Карри. Положение с кадрами становилось с каждым днем легче по мере продвижения союзников в Европе. Офицеры, работавшие в секциях наступательной разведки, видели, что объекты для их разведки быстро исчезают. Специалисты контрразведки, действовавшие против секретных служб стран оси, понимали, что у них скоро не будет противника. Я оказался в завидном и необычном положении. Вместо того чтобы драться за кадры, я сам стал объектом обхаживаний со стороны желающих поступить в мою секцию, в том числе и таких, которых я не собирался брать к себе. Короче говоря, что касается рабочей силы, то конъюнктура на рынке складывалась в пользу покупателя.

Круг лиц, из которых подбирались кадры, делился на четыре категории: были никчемные люди, на которых я не терял времени. Было много таких, и среди них очень способные, которые хотели лишь одного - вернуться к мирной деятельности, и чем скорее, тем лучше. Я попытался уговорить некоторых из них изменить свое решение и остаться на службе, но, насколько я помню, лишь в одном случае добился успеха. Затем был ряд опытных офицеров старшего поколения, которые хотели остаться в своих креслах и получать жалованье еще несколько лет в ожидании отставки. Наконец, было десятка два более молодых

людей приблизительно моего возраста, плюс-минус пять лет, которые приобрели вкус к разведывательной работе во время войны и горели желанием сделать ее своей карьерой.

Четвертая категория привлекала меня больше всего, и я уделил ей основное внимание. Когда секция была наконец укомплектована, большинство офицеров оказалось значительно моложе сорока лет. Но конечно, было бы неразумно подбирать в секцию лиц только одной возрастной группы, так как это создало бы проблемы для продвижения людей по службе. Поэтому я взял несколько человек старшего поколения, которые через короткое время должны были уйти в отставку и освободить вакансии для более молодых. Самым известным из них был Боб Кэрью-Хант, которому я поручил подготовку общих материалов о коммунизме. Он обладал большим преимуществом как человек образованный, хотя и не очень красноречивый. Со временем Боб стал признанным авторитетом в вопросах коммунизма и пользовался большим спросом как консультант и лектор не только в Англии, но и в Соединенных Штатах. Потом он говорил, что намеревался посвятить мне свою первую книгу под названием "Теория и практика коммунизма", но решил, что такая честь может поставить меня в неловкое положение. И в самом деле, я оказался бы в очень неловком положении по целому ряду причин.

В самый разгар моей кампании по подбору кадров Вивьен сказал мне, что освободилась Джейн Арчер, и заметил, что она будет чудесным приобретением для девятой секции. Это предложение было для меня неприятной неожиданностью, тем более что я не мог ничего возразить против него. После Гая Лидделла Джейн была, пожалуй, самым способным профессиональным офицером разведки из сотрудников МИ-5. Она посвятила значительную часть своей сознательной жизни изучению коммунистического движения во всех его аспектах. Именно она допрашивала Кривицкого, офицера Красной Армии, который бежал на Запад в 1937 году, а через несколько лет полностью разочаровался во всем и покончил жизнь самоубийством в Соединенных Штатах. Из него она вытянула опаснейшие для меня показания о том, что советская разведка послала в Испанию во время гражданской войны одного молодого английского журналиста. И вот Арчер оказалась в моей секции. К счастью, Джейн, как человек, была мне по душе - со здравым умом и острым языком. Ее уволили из МИ-5 за то, что на одном высоком совещании она, воспользовавшись случаем, оскорбила бригадира Харкера, который в течение нескольких лет занимал должность заместителя начальника МИ-5. Он был очень мил, но никаких других достоинств не имел. Вскоре после ее прихода к

нам разразившийся в Греции кризис потребовал решительных действий со стороны генерала Пластираса. Джейн рассмешила меня маленьким каламбуром, в котором фамилия генерала рифмовалась с непристойным словом. Я почувствовал, что у нас с ней много общего, но иметь Джейн как врага было бы весьма опасно.

Я поручил Джейн разобраться в самой большой группе материалов о коммунистическом движении, имевшихся в то время в секции. Они состояли из значительного количества перехваченных телеграмм, касавшихся национально-освободительных движений в Восточной Европе. Из них вырисовывалась убедительная картина эффективной деятельности коммунистов в их борьбе против стран оси. Большая помощь, систематически оказываемая им Советским Союзом, заставляла задуматься о многом. Несмотря на попытки УСС и УСО добиться политической поддержки на Балканах путем поставок оружия, денег и материалов, национально-освободительные движения отказывались идти на компромисс. Они, несомненно, приняли бы помощь хоть от самого дьявола, но вступать с ним в союз не собирались.

Помимо Боба Кэрью-Ханта и Джейн Арчер с их специализированными обязанностями секция была разделена на обычные региональные подсекции. В те дни у нас было очень мало секретной информации для работы. Однако недостаток текущих материалов имел некоторое преимущество. Дело в том, что очень немногие сотрудники в службе знали в то время что-либо о коммунизме. Нашей первой задачей было пойти снова в школу и получить элементарные знания по этому вопросу, не отставая в то же время от текущих события путем изучения открытых материалов, таких, как коммунистическая пресса и радиопередачи из социалистических стран. Та незначительная информация, которую мы получали, оказывалась большей частью ложной.

Я уже говорил, как разногласия между СИС и МИ-5 помогли моему назначению в девятую секцию. Теперь мне было необходимо продолжать работать и строить отношения с МИ-5 на новой, дружественной основе. Моим коллегой в МИ-5 был Роджер Холлис, начальник секции, занимавшейся делами советских граждан и членов компартий. Это был приятный человек, склонный к осторожности. Он пришел в МИ-5, как это ни странно, из англо-американской табачной компании, которую представлял в Китае. Хотя ему не хватало некоторой доли легкомыслия, что я считаю важным (в умеренной дозе) для всякого нормального человека, мы с ним быстро поладили и вскоре обменивались

информацией без ограничений с обеих сторон. Мы оба были членами объединенного разведывательного подкомитета, занимавшегося вопросами коммунистического движения, и всегда вырабатывали согласованную точку зрения, чтобы изложить ее менее информированным представителям других департаментов службы.

Хотя Холлису не удалось достичь многого в работе против советской разведки, он успешно добывал информацию о внутренних делах английской коммунистической партии весьма простым способом: установил микрофоны в штаб-квартире на Кинг-стрит. Результатом был приятный парадокс.

Микрофоны неуклонно свидетельствовали о том, что коммунистическая партия Англии отдавала все силы, чтобы помочь стране выиграть войну. Так что даже Герберт Моррисон, который жаждал крови коммунистов, не мог найти законных средств, чтобы запретить деятельность партии.

В начале 1945 года, когда секция была должным образом укомплектована и размещена, для меня настало время посетить некоторые из наших резидентур за рубежом. Я имел целью возместить тот ущерб, который нанес Стептоу, а также обсудить с нашими резидентами пути и средства получения информации, интересующей девятую секцию. Первая часть моей миссии была выполнена легко. Я просто рассказал всем, кого это касалось, что в качестве первого шага в своей новой должности я уволил Стептоу. Эту новость встретили всеобщим одобрением. Вторая часть оказалась труднее. Объект нашей деятельности был невидим и неслышим. Для СИС советской разведки словно и не существовало. Так что в результате всех переговоров мы смогли прийти лишь к общему решению: продолжать собирать мелкие сплетни о сотрудниках советских и восточноевропейских дипломатических представительств и о членах местных коммунистических партий. За время моей службы не было ни одной глубокой операции против советской разведки, которая принесла бы какие-то результаты. СИС жила лишь неожиданными подачками, которые судьба буквально бросала иногда ей в руки, если не считать одного-двух исключений, о которых я скажу позже. Эти подачки приходили в виде редких перебежчиков из СССР. Они "выбирали свободу", подобно Кравченко, который, последовав примеру Кривицкого, быстро разочаровался и покончил жизнь самоубийством.

Мои поездки, которые включали Францию, Германию, Италию и Грецию, были в какой-то степени поучительными, поскольку давали мне возможность познакомиться с различными типами организации резидентур СИС за рубежом. Но после

каждой поездки я все больше приходил к заключению (не испытывая при этом огорчения), что английской разведке потребуются годы и годы, чтобы заложить какую-то основу для работы против Советского Союза. В результате в то время у меня в памяти остались скорее мелкие происшествия, чем какие-либо реальные достижения. В Берлине, например, меня угостили охлажденным инсектицидом, который хозяин искренне принимал за вино. Мой визит в Рим был омрачен бесконечной склокой по поводу транспорта заведующего отделом паспортного контроля посольства. Вопрос заключался в том, имеет ли он право на служебную автомашину или нет. В Бари я способствовал тому, что одного очень неприятного человека выбросили с парашютом в Югославии, но вместо того чтобы сломать себе шею, он сумел вернуться назад. В Лариссе я наблюдал одно из атмосферных чудес, которым так славится Греция, - две совершенно отдельные грозы - одна над Оссой, другая над Олимпом, в то время как вокруг нас над Фессалийской долиной было чистейшее синее небо.

Тем временем в мрачном Бродвее развивались события, которым мне пришлось уделить большое внимание. Требования войны постепенно смели дилетантскую службу прежних лет, хотя некоторые ее пережитки сохранялись еще долго. С победой в Европе раздутая служба военного времени начала быстро сжиматься, а то, что осталось от нее, требовало реорганизации. Как начальник секции, я теперь считался руководящим офицером, тем более что моя секция неизбежно должна была стать значительно больше всех других. В наказание за это меня все чаще привлекали к решению административных вопросов и определению политики службы. Несомненно, существуют способы быстрого решения такого рода вопросов, но в то время мы их еще не нашли. Я провел огромное количество утренних и дневных часов, заседая в различных комитетах, занимаясь вырисовыванием фигурок на бумаге, едва прислушиваясь к тому, что говорилось.

Я до сих пор упоминал о старших чиновниках службы лишь мельком, когда порой их непредвиденное вмешательство затрагивало мою работу. Прежде чем приступить к описанию реорганизации СИС, которая была проведена после войны, необходимо поближе взглянуть на моих начальников, начиная с шефа, сэра Стюарта Мензиса.

Мензис не был в полном смысле слова великим разведчиком. Его интеллектуальный багаж не был внушительным, а знание мира и взгляды были типичными для питомца высших классов английского общества. Его представление о моей сфере

деятельности, как контрразведчика, было наивным: бары, наклеенные бороды, блондинки. В нем привлекала именно эта неувядаемая мальчишеская жилка, которую он сохранил, несмотря на ужасную ответственность, возложенную на его плечи мировой войной, и постоянную угрозу вызова к Черчиллю, когда тот бывал в одном из своих капризных полночных настроений. Его настоящая сила заключалась в способности остро чувствовать направление политики Уайтхолла и находить свою дорогу в лабиринте коридоров власти. Офицеры, которые знали его намного лучше чем я, часто говорили о его почти женской интуиции. Этим я отнюдь не хочу сказать, что он был неполноценным мужчиной.

Способности шефа стали широко известны в СИС, когда он сумел отразить решительную атаку, предпринятую начальниками разведывательных служб трех видов вооруженных сил, являвшимися его коллегами в объединенном разведывательном комитете. Суть их претензий сводилась к тому, что секретная информация, получаемая от СИС, недостаточна и что нужно что-то предпринять. Несомненно, в их обвинениях была доля правды. Никогда не было разведывательной службы, которая не нуждалась бы в усовершенствовании. Но шеф знал, что оспаривать эти обвинения пункт за пунктом бесполезно. Его слабым местом было то, что ему слишком часто приходилось оглядываться через плечо. Немало старших офицеров хотели бы занять его место, и одним из них, говорят, был адмирал Годфри, краснолицый морской волк, невыдержанный человек, бывший одно время начальником разведывательного управления военно-морских сил.

Шеф не собирался перевернуть свою организацию вверх дном, чтобы угодить разведывательным службам вооруженных сил, но был достаточно проницателен и понимал, что в создавшемся положении кроется настоящая опасность. Характерно, что, вместо того чтобы встретить эту опасность с открытым забралом, он стал маневрировать и пошел на уступки. Согласившись во многом с критикой своих коллег, он предложил начальникам разведывательных управлений трех видов вооруженных сил прикомандировать к СИС своих старших офицеров. Эти офицеры будут возведены в ранг заместителя шефа и получат доступ к тем аспектам работы СИС, которые имеют отношение к интересам соответствующих ведомств. Им предоставляется право давать любые рекомендации, и эти рекомендации будут рассматриваться самым внимательным образом. Шеф не сомневался (по крайней мере, он так сказал), что, имея под рукой специалистов - офицеров разведывательных

управлений сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, он сможет вскоре полностью удовлетворять требования вооруженных сил.

Это было благородное предложение, от которого военные ведомства вряд ли могли отказаться. Здесь проявилась проницательность шефа. Он хорошо знал, что ни один начальник разведывательной службы не отдаст, будучи в здравом уме, способного старшего офицера, который может быть полезен ему самому, тем более в условиях тотальной войны. Так что можно было с полной уверенностью ожидать, что офицеры, прикомандированные к СИС, будут людьми второго сорта, если не просто бездельниками. Как только они обоснуются в Бродвей-билдингс, их можно будет поставить в такие условия, в которых они не принесут вреда. Не думаю, чтобы шеф хоть на минуту сомневался в успехе своего плана. События показали, что он оказался прав.

Итак, мы получили наших трех "комиссаров" от вооруженных сил (так их сразу прозвали).

Заместителем шефа от армии был некий бригадир Беддингтон. Насколько я знаю, он не сделал ни одной рекомендации, направленной на улучшение сбора военной информации.

В течение нескольких недель он был поглощен проблемой проверки и по возможности снижения рангов армейских офицеров, работавших в СИС. Будучи гражданским человеком, я не имел с ним контактов, поэтому не могу сказать, что скрывалось за его мясистым лицом. Я столкнулся с ним однажды, и этот случай показал, что лучше быть от него подальше. В те дни, когда одежда выдавалась по нормам, я пытался сберечь локти моих двух или трех гражданских костюмов, надевая на службу гимнастерку, сохранившуюся еще с тех времен, когда я был военным корреспондентом. Одетый таким образом, я оказался однажды с Беддингтоном в лифте. Мы не были с ним знакомы настолько, чтобы разговаривать (к тому же он был человеком неразговорчивым), но я заметил, как расширились его глаза, когда он, оглядев мою гимнастерку, остановил взгляд на плечах, где не было никаких нашивок. Через полчаса ко мне пришел один из приспешников Беддингтона и стал расспрашивать о подробностях моей военной службы. Я ответил ему, каким образом у меня оказалась гимнастерка и почему я имел право носить ее без знаков различия. Больше я ничего не слышал от Беддингтона.

Представитель министерства авиации коммодор Пейн был еще более трудным человеком. Его быстро окрестили "паршивым

Пейном", и лучшие из нас объединились в "благородный орден борцов против Пейна". Но нам не пришлось беспокоиться, поскольку шеф сам довольно остроумно освободился от него. Был найден предлог послать Пейна в командировку в США. Затянувшаяся ко всеобщему удовлетворению, она привела его в Калифорнию, а по словам некоторых, даже в Голливуд. Прошел слух, что Клод Дэнси дал шефу на подпись телеграмму для Пейна из четырех слов: "Запад - красотки, Восток - работа". Телеграмму, конечно, не послали. Шеф просто не имел никаких причин, ни служебных, ни частных, отзывать Пейна из США.

Заместитель шефа от военно-морских сил полковник Кордо был офицером морской пехоты и лучшим из трех "комиссаров". Он был футболистом и играл раньше за Гримсби-Таун. С одобрения шефа он вскоре занялся добросовестно, хотя и не совсем умело, руководством операциями СИС в Скандинавских странах. Было приятно видеть, что по крайней мере один из "комиссаров" интересуется работой службы в такой степени, чтобы заняться ею хоть немного самому. Со своей стороны шеф был доволен, что Кордо, ограниченный маленьким уголком Северной Европы, не мог совершить какую-либо революцию внутри СИС.

Вскоре, после того как заместители шефа обосновались в соответствующих безвредных и незаметных сферах, последовали другие изменения наверху. Я уже говорил, что звезда Вивьена быстро закатывалась. Его дальнейшее пребывание в должности заместителя начальника службы становилось абсурдным. Поэтому его спихнули вниз и в сторону, дав ему синекуру, специально созданную для него, в виде должности советника по вопросам безопасности. Презрев свою гордость, он в течение многих лет цеплялся за эту должность, писал длинные докладные, которые никто не читал, тщетно надеясь, несмотря ни на что, уйти в отставку с дворянским титулом. Его место занял Дэнси, но, чтобы успокоить чувства Вивьена, который был очень обидчив, Дэнси сделали не заместителем шефа, а вице-шефом. Прежний пост Дэнси - помощника шефа - занял миниатюрный генерал Маршалл-Корнуэл, который каким-то непонятным путем вторгся в нашу службу извне. Перед приходом к нам он был генералом в английской армии. И если он не занимает более видного места в этом повествовании, то только потому, что его влияние было слишком незначительным, если не сказать вредным. Именно он по какой-то необъяснимой прихоти вел длительную и упорную борьбу против заведующего отделом паспортного контроля в Риме по поводу злосчастной автомашины.

С наступлением мирного времени появились новые лица. Без сожаления и почти незаметно сотрудники расстались с Маршаллом-Корнуэлом. Дэнси ушел в отставку с дворянским титулом, после чего женился и вскоре умер.

Место Дэнси в качестве вице-шефа занял генерал Синклер (после перетряски службы Черчиллем в 1953 году возглавил СИС. Был вынужден выйти в отставку после инцидента 19 апреля 1956 года в Портсмуте, когда исчез коммодор Крэбб, проводивший подводную разведку советского крейсера "Орджоникидзе". - Прим. авт.), бывший начальник военной разведки. Шеф, выслушав критические замечания по поводу этого назначения, заметил: "В чем дело? Я же заглушил критику военного министерства на пять лет!" Вакансия, образовавшаяся после ухода Маршалла-Корнуэла, была занята другим "посторонним" - коммодором авиации Истоном.

По отношению к этим двум вновь прибывшим сотрудникам я вскоре почувствовал уважение, которое не мог проявить к их предшественникам. Синклер, хотя и не был особенно одарен умственными способностями (он никогда и не претендовал на это), был гуманным, энергичным и настолько прямолинейным человеком, что нельзя было не восхищаться им. Истон - фигура совершенно иного склада. При первом знакомстве он производил впечатление человека, что-то невнятно бормочущего, но это впечатление было опасно обманчивым. Его сила заключалась в исключительно ясном уме, вместе с тем коварном и изворотливом. Представляя их время от времени в качестве своих противников, я невольно сравнивал Синклера и Истона с дубинкой и рапирой. Я не боялся дубинки - от нее можно легко увернуться, но от блеска рапиры Истона у меня пробегал холодок по спине. Мне было суждено много поработать с ним.

Перед этими назначениями была предпринята серьезная попытка поставить всю организацию на здоровую основу. Я уже говорил, что до войны служба строилась на случайных и опасных дилетантских принципах. Не было правильной системы подбора кадров, их подготовки и продвижения по службе, а также обеспечения после выхода в отставку. Шеф брал всех, кого мог, и там, где мог, и все контракты о найме на работу могли быть прерваны в любое время. При таких условиях было невозможно обеспечить регулярный приток новых кадров нужного уровня. Неудивительно, что личный состав службы был неоднороден по качеству: встречались и хорошие работники, и равнодушные, и просто плохие.

Война явилась для СИС суровым пробуждением. Потребовалось значительно расширить состав службы, и многие

способные люди прошли через ее ряды, оставив после себя полезные идеи. Но укрепление службы было достигнуто лишь в результате ряда импровизаций в условиях напряженной обстановки военного времени. Почти все, что было сделано, могло быть сделано лучше, если бы было время для размышлений. Теперь такое время пришло. Окончание войны в Европе сократило потребность в немедленных результатах, но правительство еще помнило заслуги разведки. Поэтому было важно использовать оставшиеся месяцы 1945 года, чтобы создать новую структуру службы, пока правительство не успело снова погрузиться в летаргию послевоенного времени. Сам шеф, несомненно, мыслил в этом направлении. И когда ему сообщили, что идея перестройки находит значительную поддержку в службе, он назначил комитет для подготовки предложений по этому вопросу. Так называемый комитет по реорганизации СИС начал свои заседания в сентябре 1945 года.

Зачинщиками движения за перестройку были Арнольд-Форстер и капитан 1 ранга Хастингс, ответственный и влиятельный сотрудник государственной школы кодирования и шифровального дела. Хотя Хастингс и не являлся сотрудником СИС, он был законно заинтересован в ее деятельности, так как война показала необходимость тесной связи между шифровальщиками и СИС. Его назначение в состав комитета внесло свежую струю в наши дискуссии. Политические нужды службы в комитете должен был обеспечить Дэвид Футмен, а полковник Кордо представлял секции "Джи". Меня также пригласили принять участие в этом деле, и не по причине каких-либо особых способностей к комитетской работе (я ненавидел ее), а потому, что, за исключением Вивьена, я был самым старшим офицером в службе по вопросам контрразведки. Нашим секретарем назначили Эльюрида Денна, аккуратного, если не сказать пунктуального, человека, на абсолютную беспристрастность которого можно было положиться, так как его уже ожидало теплое местечко в нефтяной компании "Шелл". Большинство из нас хотело, чтобы председателем комитета был Арнольд-Форстер. Не говоря о его силе воли, энтузиазме и ясном, уме, он, как старший офицер при шефе, лучше, чем кто-либо из нас, знал организацию службы в целом. Однако шеф, подозрительно относившийся к способностям Арнольда-Форстера и желавший удержать любое предложение о реформе в разумных границах, подготовил для нас сюрприз. К нашему крайнему удивлению, он объявил, что председателем будет Морис Джеффс, начальник отдела паспортного контроля министерства иностранных дел. Будучи чиновником, ответственным за выдачу

виз, Джеффс имел контакты с нашими контрразведчиками. Однако в отношении общего знания секретной службы, ее возможностей и ограничений ему нечем было похвастаться. Что касается его способностей, то не думаю, что он претендовал на нечто большее, чем на роль хорошего, хотя и бесцветного, администратора. Но делать было нечего. Шеф сказал свое слово.

Говоря о бесцветности Джеффса, я должен пояснить, что применяю этот термин в чисто переносном смысле. За несколько лет до образования нашего комитета он оказался жертвой удивительного случая. Доктор, делавший ему прививку против какой-то болезни, перепутал вакцину, и в результате лицо Джеффса приобрело странный фиолетово-синий оттенок. Несчастье, очевидно, оказалось непоправимым, и Джеффс так и остался с лицом цвета пушечного металла. Во время поездки в Вашингтон этот малый был страшно оскорблен, когда администрация одного отеля пыталась отказать ему в комнате, приняв его за цветного. Говоря по справедливости, Джеффс мало вмешивался в ход прений и никогда не злоупотреблял своими полномочиями председателя. Его нельзя было не любить, и вскоре мы привыкли видеть его во главе стола.

В течение последующих месяцев комитет отнял у меня много времени. Наши рассуждения стали безнадежно академичными и не заслуживают подробного описания. Но некоторые замечания могут пролить свет на отдельные общие проблемы, которые стояли перед службой разведки. Прежде всего, надо было освободиться от пережитков недоброго старого времени. Во время войны финансовые и административные вопросы решались без должной координации. С секциями "Джи" всегда была путаница: те, которые занимались Западной Европой, подчинялись Дэнси, а остальные - непосредственно шефу. Иначе говоря, получалось, что, хотя Дэнси номинально был вице-шефом службы, на самом деле он интересовался лишь получением разведывательной информации в Западной Европе. Было ясно, что вся структура службы нуждалась в коренных изменениях.

Но прежде чем решать эту первую проблему, нужно было определить основной принцип нашей структуры: сохранить ли существовавшее разделение службы по вертикали с региональными организациями, ответственными за добывание, обработку, оценку и распределение информации по соответствующим районам, или разделение должно идти по горизонтали - между добыванием информации, с одной стороны, и ее обработкой, оценкой и распределением - с другой. Признаюсь, что я до сих пор не знаю правильного ответа на этот вопрос. Но в то время здесь были замешаны мои собственные

интересы. Если бы было принято решение в пользу разделения по вертикали, то работа против Советского Союза и коммунистического движения в целом была бы разделена между региональными секциями. Ни один человек не смог бы тогда охватить всю эту область работы в целом. Поэтому я высказался за разделение по горизонтальному принципу в надежде сохранить, по крайней мере на какое-то время, всю область антисоветской и антикоммунистической деятельности под своим прямым контролем.

В этом вопросе я имел на своей стороне сильного союзника в лице Дэвида Футмена. Фактически именно он сухо и язвительно доказывал нашу точку зрения, а я только поддерживал его, когда это было необходимо. Мой довод - коротко - заключался в том, что контрразведка едина и неделима. Дело, возникшее, например, в Канаде, может пролить свет на другое дело в Швейцарии, как случилось на самом деле вскоре после этого; агент, работающий сегодня в Китае, может на следующий год оказаться в Перу. Поэтому важно вести наблюдение в мировом масштабе. Я использовал также менее веский, хотя и не лишенный основания, аргумент, что добывание разведывательной информации нужно отделить от ее оценки, поскольку оперативные офицеры, естественно, склонны принимать своих воронов за соколов. Конечно, можно было многое сказать в пользу и той и другой точки зрения, но сторонников вертикального разделения в комитете было меньшинство, и поэтому в конечном счете был принят горизонтальный принцип. Я знал, по крайней мере, одного сотрудника, который мог бы повернуть мнение комитета против нас, и поэтому постарался, чтобы его не включили в состав комитета.

Раз этот принципиальный вопрос был решен, остальное сводилось к довольно простой, хотя и утомительной, кропотливой работе. Мы рекомендовали создать пять равноправных управлений:

1. Административно-финансовое.

2. Оперативное.

3. Управление разработки заданий (названное так потому, что помимо оценки информации и рассылки ее в государственные учреждения оно передавало оперативному управлению "заявки" этих учреждений).

4. Управление учебной подготовки и исследования (в области технических средств, применяемых в шпионаже).

5. Управление военного планирования.

Мы разработали систему должностных категорий внутри службы с твердой шкалой заработной платы и пенсий при уходе в

отставку. На административно-финансовое управление мы возложили ответственность за систематический подбор кадров, заставив его конкурировать с другими государственными гражданскими организациями и промышленностью, и рекомендовали уделять особое внимание выпускникам университетов. К тому времени, когда наш окончательный объемистый доклад был готов для представления шефу, мы почувствовали, что выработали проект организации, похожей на разведывательную службу, включив в него достаточно серьезных приманок, чтобы соблазнить способных молодых людей поступить к нам на работу и рассматривать ее как пожизненную карьеру.

Шеф принял не все наши рекомендации. Было оставлено еще много ненужного, что не нашло места в нашем плане, но с чем шеф никак не мог расстаться. Но в общем схема, изложенная выше, была принята за основу организации службы. При всех своих недостатках она явилась серьезным улучшением по сравнению с предыдущими организационными структурами. Что касается меня, то я не имел повода для неудовольствия. Одним из второстепенных решений комитета была ликвидация пятой секции. Ее функции были переданы девятой секции, получившей новое название - Р-5. Таким образом, после реорганизации я стал одним из заместителей начальника английской секретной службы с соответствующим повышением жалованья и возглавия всю контрразведывательную работу в СИС.

Глава VIII.
Дело Волкова.

Теперь я перейду к делу Волкова, которое намерен описать детально, поскольку оно представляет значительный интерес и едва не погубило меня. Дело возникло в августе и было закончено в сентябре 1945 года. Для меня это было незабываемое лето. Я впервые увидел Рим, Афины и Стамбул. Но мои восторженные впечатления от Стамбула постоянно отравляла мысль о том, что, возможно, для меня это лето последнее, которому мне суждено радоваться. Ибо из-за дела Волкова, приведшего меня на берега Босфора, я был на волосок от гибели.

В одно августовское утро не успел я усесться за письменный стол, как меня вызвал шеф. Протянув мне подборку документов, он попросил просмотреть их. Сверху было короткое письмо в министерство иностранных дел от Нокса Хелма, бывшего тогда советником английского посольства в Турции. В письме обращалось внимание на приложение и испрашивались инструкции. В приложении было несколько служебных записок, которыми обменялись английское посольство и генеральное консульство в Турции. Из их содержания вырисовывалась следующая картина.

Некий Константин Волков, вице-консул советского генерального консульства в Стамбуле, обратился к вице-консулу английского генерального консульства Пейджу с просьбой предоставить ему и его жене политическое убежище в Англии.

В поддержку своей просьбы Волков пообещал сообщить информацию об одном управлении НКВД, в котором он якобы служил раньше. Он заявил также, что имеет сведения о советских разведчиках, действующих за границей, и, в частности, знает имена трех из них, которые находятся в Англии. Двое работают в министерстве иностранных дел, а третий является начальником контрразведывательной службы в Лондоне. Выложив таким образом свои "товары"-козыри, Волков с чрезвычайной настойчивостью поставил условие, чтобы сообщение о его просьбе не передавалось в Лондон телеграммой, так как русские раскрыли ряд английских шифров. Другие документы были мало интересными и содержали лишь неглубокие и даже легкомысленные комментарии тех или иных сотрудников посольства. Впоследствии оказалось очень важным, что посольство учло предостережение Волкова и направило материалы медленной, но безопасной дипломатической почтой. В

результате прошло больше недели после обращения Волкова к Пейджу, прежде чем документы могли быть проанализированы каким-то компетентным лицом для определения степени их важности.

Этим "компетентным лицом" был я, и, надеюсь, читатель не упрекнет меня в хвастовстве, если я скажу, что действительно был достаточно компетентен, чтобы оценить важность этих документов. Два советских разведчика в министерстве иностранных дел, третий - во главе контрразведывательной службы в Лондоне! Я долго, пожалуй дольше, чем требовалось, смотрел на материалы, чтобы собраться с мыслями. Я отверг мысль о том, чтобы представить обращение Волкова как провокацию и посоветовать действовать осторожно. Это помогло бы очень ненадолго и могло скомпрометировать меня в дальнейшем. Единственный выход был в решительных действиях. Я заявил шефу, что дело может оказаться чрезвычайно важным и мне потребуется некоторое время, чтобы провести необходимую проверку и, если будут получены дополнительные сведения, дать соответствующие рекомендации к действию. Шеф согласился, приказав мне на следующее утро изложить свое мнение, а пока хранить документы у себя.

Вернувшись в кабинет, я сказал секретарю, чтобы меня не беспокоили, если только не вызовет сам шеф. Мне необходимо было остаться одному. Просьба о дополнительном времени для того, чтобы "провести проверку", была уловкой. Я был уверен, что прежде в СИС ничего не слышали о Волкове, а он, по-видимому набивая себе цену, выложил свои "товары" так осторожно и путано, что они не давали никаких зацепок для проведения немедленного расследования. С самого начала я решил, что жизненно важным является фактор времени. Благодаря вето Волкова на телеграфную связь прошло десять дней, прежде чем материалы попали ко мне. Лично я полагал, что его опасения преувеличены. Английские шифры базировались на системе таблиц одноразового пользования и считались вполне безопасными при умелом обращении с ними, А дисциплина в шифровальном деле была очень строгой. Тем не менее, поскольку Волков настаивал, я не имел возражений против отказа от быстрой телеграфной связи.

Вскоре мои мысли пошли по другому руслу. Дело было настолько деликатным, что по настоянию шефа я должен был лично заняться им. Но решения, принятые в Лондоне, должны были осуществлять наши люди в Стамбуле. Я не мог руководить их действиями изо дня в день посредством медленной дипломатической почты. Дело вышло бы из-под моего контроля,

что могло бы привести к непредвиденным последствиям. Я все больше убеждался в том, что сам должен быть в Стамбуле и проводить тот курс действий, который предложу шефу. План этих действий сам по себе не требовал особых размышлений. Я встречусь с Волковым, укрою его с женой в одном из безопасных мест в Стамбуле, а затем переброшу их с молчаливого согласия турок или даже без него на контролируемую англичанами территорию Египта.

Спрятав документы в личном сейфе, я покинул Бродвей с твердым решением прежде всего рекомендовать шефу послать меня в Стамбул для продолжения разбора дела на месте. В тот вечер я работал допоздна. Ситуация требовала принятия экстренных и чрезвычайных мер. Эти меры были приняты: в Москву полетело срочное сообщение особой важности. На следующее утро я доложил шефу, что, хотя в картотеке есть данные на нескольких Волковых, ни один из них не идентичен Волкову из Стамбула. Я повторил также, что в потенции дело имеет громадное значение. Сославшись на неоперативность дипломатической почты, я несколько неуверенно предложил послать кого-нибудь из Лондона в Стамбул после соответствующего инструктажа и поручить разобраться в деле на месте. "Я как раз об этом думал", - ответил шеф. Но, пробудив во мне надежду, он тут же развеял ее. Он сказал, что накануне вечером встретил в клубе бригадира Дугласа Робертса, который был тогда начальником регионального филиала МИ-5 (по Ближнему Востоку) в Каире и в это время заканчивал дома свой отпуск. Он произвел на шефа хорошее впечатление, и тот решил просить сэра Дэвида Петри, начальника МИ-5, послать Робертса в Стамбул и поручить ему заняться делом Волкова.

Я не мог найти каких-либо возражений против этого предложения. И хотя я не был очень высокого мнения о способностях Робертса, он обладал всеми необходимыми для такого дела качествами. Он был в высшем офицерском чине, и его бригадирский мундир, несомненно, произвел бы на Волкова впечатление. Он знал этот район и был связан с турецкими секретными службами, сотрудничество с которыми могло оказаться необходимым. Кроме того, он свободно говорил по-русски - бесспорный довод в его пользу, так как Волков не владел иностранными языками. В подавленном настроении я обсуждал с шефом другие аспекты дела, прежде всего вопрос о согласованности нашего плана действий с министерством иностранных дел. Когда я уходил, шеф обещал вызвать меня после полудня: он надеялся в течение утра встретиться с Петри и Робертсом.

Во время обеденного перерыва я клял судьбу, которая накануне свела шефа с Робертсом. Казалось, я ничего уже не мог предпринять. Мучимый неизвестностью, я вынужден был предоставить событиям идти своим ходом: надеялся, что работа, проделанная мною накануне вечером, даст результаты раньше, чем Роберте сумеет приступить к делу. Но я получил еще один урок житейской философии.

По возвращении в Бродвей я был вызван к шефу, который уже ждал меня. Он был расстроен и сразу же начал рассказывать, что произошло. С первых слов я понял: судьба, которую я проклинал, неожиданно повернулась ко мне лицом. Оказалось, что Робертс, будучи в общем бесстрашным человеком, питал непреодолимое отвращение к самолетам. Он решил отправиться пароходом из Ливерпуля в начале следующей недели, и никакие доводы шефа и Петри не смогли заставить его изменить свои планы. Итак, мы вернулись к тому, с чего начали утром.

Вначале я надеялся построить беседу так, чтобы шеф сам предложил мне лететь в Стамбул, но эпизод с Робертсом побудил меня действовать решительнее. Я сказал, что в связи с отказом бригадира могу лишь предложить свою кандидатуру вместо него. Мне не потребуется много времени, чтобы проинструктировать своего заместителя по наиболее важным вопросам, и я смогу вылететь, как только будут завершены необходимые формальности. Шеф согласился. Мы вместе отправились в министерство иностранных дел, где я получил письмо к Ноксу Хелму, в котором ему предлагалось оказывать мне всяческую поддержку в осуществлении моей миссии.

Я зашел еще к генералу Хиллу, начальнику нашего шифровального отделения. Он снабдил меня персональным единовременным кодом и поручил одной из девушек помочь мне освежить в памяти правила пользования им. Это вызвало небольшую задержку, но зато я смог еще раз обдумать план предстоящих действий в Стамбуле. Через три дня после поступления документов из Турции в Бродвей я занял место в самолете, вылетавшем в Стамбул через Каир.

Мой сосед оказался неразговорчивым. Несколько других попутчиков ненадолго сумели отвлечь меня своей болтовней. Полет всегда наводит на размышления, а мне было о чем подумать. Мои мысли занимал один вопрос, который был мне непонятен тогда и остался непонятным по сей день, а именно: почему английское посольство в Турции, министерство иностранных дел, шеф и сэр Дэвид Петри отнеслись так странно к опасениям Волкова в отношении телеграфной связи? Почему они воздержались от отправки телеграмм лишь по делу Волкова,

тогда как телеграфная переписка по всем другим вопросам, включая многие совершенно секретные, велась так же беззаботно, как и прежде? Если поверили предупреждению Волкова, то надо было сделать вывод, что вся телеграфная связь стала опасной. Если же ему не поверили, то надо было срочно послать шифротелеграммой указания нашей резидентуре в Стамбул о необходимых действиях по делу Волкова. Получалось, что предупреждение Волкова привело лишь к задержке на две-три недели решения по делу, в котором он сам был заинтересован. Ответ на этот вопрос скрывался, видимо, в психологии нелогичного мышления. Не будучи специалистом в области кодов и шифров, я решил, что не мое дело привлекать внимание к явной непоследовательности поведения СИС, тем более что предо мною стояли неотложные проблемы.

С министерством иностранных дел было согласовано, что для восстановления контакта с Волковым и организации встречи с ним я могу использовать Пейджа. На встречу я должен был пойти с первым секретарем посольства Джоном Ридом, который раньше служил в Москве и говорил по-русски. Этот план должен был утвердить посол сэр Морис Питерсон, которого я знал по Испании. Но министерство иностранных дел настоятельно требовало, чтобы я сначала обратился к советнику Хелму. Хелм начал службу в консульстве и до сих пор сохранил щепетильное отношение к вопросам статуса и протокола. Я не предвидел никаких затруднений с Хелмом, но, как оказалось, был не совсем прав. Вся сложность проблемы, как мне казалось, состояла в том, что встреча с Волковым должна произойти в присутствии Рида. Если она состоится, Рид переживет сильнейшее потрясение, когда Волков начнет называть имена советских разведчиков, действующих в английских государственных учреждениях. Было бы актом милосердия, думал я, избавить его от подобных сюрпризов. Но как это сделать?

Очевидно, быть уверенным в успехе нельзя. Но я считал, что есть небольшой шанс, если я сумею правильно сыграть свою игру. Первым делом нужно убедить Рида, что моя миссия имеет строго ограниченные - цели; что я не уполномочен обсуждать с Волковым детали его информации; что, если он сделает свои разоблачения преждевременно, то есть до того, как окажется на английской территории, это, безусловно, будет опасно для него; что поэтому мне поручено любой ценой не допускать отклонений от беседы в эту сторону и что я прибыл в Стамбул лишь для того, чтобы доставить Волкова в безопасное место, где его смогут допросить более компетентные люди. Я надеялся также запутать Рида, намекнув ему, что Волков может оказаться провокатором и

было бы неразумно давать ход его информации, пока мы не убедились в ее достоверности. Мне казалось, что ничего лучшего придумать я не смогу.

Специалист, конечно, не оставил бы камня на камне от моей "аргументации". Но Рид не был специалистом, и он мог попасться на эту удочку. К вечеру я еще больше воспрянул духом, когда штурман объявил, что в связи с грозовыми бурями над Мальтой самолет изменил курс на Тунис и что, если погода улучшится, мы полетим в Каир через Мальту на следующий день. Я выигрывал еще двадцать четыре часа! Удача сопутствовала мне.

На следующий день мы прилетели наконец в Каир, но к стамбульскому рейсу уже опоздали. В результате я прибыл к месту назначения еще через день, в пятницу. В аэропорту меня встретил руководитель стамбульской резидентуры СИС Сирил Макрэй, которого я вкратце посвятил в суть моей миссии. Отношения между дипломатической службой и СИС были в то время таковы, что никто в посольстве или генеральном консульстве и не подумал проинформировать Макрэя о Волкове, и, разумеется, мы тоже не осмелились телеграфировать ему из Лондона. В тот же день мы вместе посетили Нокса Хелма, которому я вручил письмо из министерства иностранных дел. Я ждал горячей поддержки наших планов, но мои заблуждения быстро рассеялись. Через несколько лет, когда Хелм стал послом в Будапеште, один приятель говорил мне, что он самый покладистый и понимающий из послов. Но когда я встретился с ним в Стамбуле, он был еще советником, колючим, как куст репейника. Хелм начал высказывать разного рода сомнения. Он заявил, что наши действия могут причинить неприятности посольству и поэтому он должен, прежде чем я смогу что-либо предпринять, обязательно проконсультироваться с послом. Хелм попросил зайти на следующее утро (еще один потерянный день!) и любезно пригласил меня к себе домой.

Когда я зашел на следующее утро к Хелму, он спросил, укоризненно глядя на меня: "Почему вы не сказали мне, что знакомы с послом?" После этого разговор у нас явно не клеился. Судя по поведению Хелма, я решил, что у Питерсона тоже есть сомнения в связи с нашим делом. Довольно неохотно Хелм передал, что посол пригласил меня в воскресенье на прогулку на яхте "Макоук". В одиннадцать часов дня мне надлежит прийти на пристань Кабаташ, а до этого я не должен ничего предпринимать. Итак, конец недели был потерян.

Многие приезжающие в Стамбул знают яхту посла "Макоук", построенную первоначально для египтянина Аббаса Хильми. Это большое плоскодонное судно, приспособленное для плавания по

спокойным водам Нила, но на зыби Мраморного моря его основательно покачивало. На борту яхты оказалось еще несколько гостей, и только после ленча, когда мы стали на якорь около Принкипо и другие гости любовались игрой дельфинов, я смог поговорить наедине с Питерсоном. Так как он первым не затронул интересующего меня вопроса, я сделал это сам, заметив, что, как я слышал, он имеет возражения против плана, привезенного мною из Лондона. "Какого плана?" - спросил он. Этот вопрос показал мне Хелма в другом свете. Посол внимательно меня выслушал и задал только один вопрос: консультировались ли мы с министерством иностранных дел. "Конечно, - ответил я, - министерство утвердило наш план, и я привез Хелму письмо, в котором ему предлагается оказывать мне всяческое содействие". "Тогда не о чем больше говорить, - ответил посол. - Действуйте". Последний предлог для задержки отпал.

Вечером мы с Макрэем продумали план действий во всех подробностях. Мы обсудили различные варианты похищения Волкова при помощи турецких властей и без их участия и решили, что невозможно остановиться на каком-либо из них до разговора с Волковым. Многое могло зависеть от его положения и таких обстоятельств, как его рабочие часы, свобода передвижения и т. п. Первым делом надо было установить с ним контакт, и, очевидно, лучше всего сделать это через Пейджа из генерального консульства, так как Волков обратился именно к нему.

На следующее утро Макрэй пригласил к себе в кабинет Пейджа, и я объяснил ему, что от него требовалось, а именно: организовать для меня в условиях строжайшей секретности встречу с Волковым после обеда (утром я не хотел встречаться, чтобы иметь время для обработки Джона Рида в том духе, как я это уже описал). Мы рассмотрели несколько возможных мест для встречи и в конце концов остановились на самом простом. Пейдж сказал, что он часто встречается с Волковым по текущим консульским делам и будет вполне оправданно, если он пригласит Волкова к себе для делового разговора. Наконец Пейдж взял телефонную трубку, позвонил в советское консульство и спросил Волкова. В трубке был слабо слышен мужской голос, но, поскольку разговор велся по-русски, я ничего не понял. Однако лицо Пейджа выражало сильнейшее недоумение, и я догадался, что возникло новое препятствие. Он положил трубку и покачал головой. "Он не может прийти?" - спросил я. "Странно, - ответил Пейдж. - Еще более странно, чем вы предполагаете. Я спросил Волкова, и мужской голос ответил, что Волков слушает. Но это был не Волков. Я отлично знаю голос Волкова, я говорил с ним десятки раз". Пейдж позвонил снова, но на этот раз дальше

телефонистки не попал. "Она сказала, что Волкова нет, - возмутился Пейдж. - Ведь минуту назад она соединяла меня с ним!" Мы смотрели друг на друга и не могли ничего придумать. Наконец я предположил, что, наверное, что-то перепутали в советском генеральном консульстве и что следует возобновить попытку на следующий день в надежде на большую удачу.

Я почувствовал, что произошло что-то серьезное. После обеда я зашифровал свое сообщение для шефа. На следующее утро Макрэй, Пейдж и я вновь встретились, и Пейдж позвонил в советское генеральное консульство. Мне был слышен слабый женский голос и затем резкий щелчок. Пейдж с растерянным видом смотрел на умолкшую трубку. "Что вы на это скажете? Я спросил Волкова, и девушка ответила, что он в Москве. Затем послышался какой-то шум и возня и бросили трубку". Услышав это, я понял, что случилось. Дело погибло. Но мне хотелось довести все до конца, хотя бы для того, чтобы мой доклад шефу выглядел лучше. Поэтому я попросил Пейджа сделать последнюю отчаянную попытку посетить советское консульство и лично попросить Волкова, Пейдж был теперь полон решимости до конца разобраться в этой истории и охотно согласился отправиться к русским. Через час он пришел обратно злой и недоумевающий. "Ни черта не получается! - сказал он. - Ничего не понимаю. Оказывается, никто даже и не слышал о Волкове!" Мы разошлись, и я взялся за шифр, чтобы послать новую телеграмму шефу. Признав неудачу, я просил разрешения прекратить дело и возвратиться в Лондон.

На обратном пути я набросал доклад шефу, в котором описал подробности провала моей миссии. В нем, разумеется, содержалась моя версия исчезновения Волкова. По этой версии провал произошел по вине самого Волкова, поскольку он сам настоял на том, чтобы переписка велась только почтой. Дальше я говорил, что прошло почти три недели после его обращения к Пейджу, когда мы впервые попытались связаться с ним. За это время русские имели возможность разоблачить его. Может быть, заметили, что они его жена очень нервничают. Возможно, он выдал себя своим поведением или же много пил и болтал лишнее. Наконец, не исключено, что он передумал и сам признался во всем сослуживцам. Конечно, я указывал, что все это только предположения и что установить правду, наверное, никогда не удастся. Другая версия, что русские узнали об обращении Волкова к англичанам, не имела видимых оснований, и ее не стоило включать в доклад.

Глава IX.
Резидент СИС в Турции.

Мое выгодное со стратегической точки зрения положение начальника секции Р-5 не могло быть вечным. Давая свои рекомендации по вопросам комплектования личного состава, комитет по реорганизации СИС решил отдать предпочтение разносторонней подготовке кадров, а не узкой специализации их. Было указано, что по мере возможности все сотрудники должны быть одинаково подготовлены как для работы в центральном аппарате, так и в резидентурах, как по линии разведки, так и контрразведки. Такой подход мог повлечь за собой некоторую потерю специализации кадров, поскольку офицеров периодически перебрасывали с одной работы на другую. Но, как предполагалось, этот ущерб должен был компенсироваться увеличением гибкости аппарата, состоящего из весьма разносторонних работников. Нет необходимости говорить, что, когда вводилась новая система комплектования кадров, все три руководителя службы - шеф, его заместитель и помощник - не имели ни опыта в области контрразведки, ни практического представления о работе в резидентурах. Однако мое служебное положение в то время не было достаточно высоким, чтобы новые требования не коснулись меня. Поскольку вся моя деятельность в СИС до этого времени была связана с работой по линии контрразведки в центральном аппарате, то, по всей вероятности, мне следовало ожидать в скором времени нового назначения.

Поэтому я не был застигнут врасплох, когда в конце 1946 года меня вызвал генерал Синклер и сказал, что наступил мой черед поработать в заграничной резидентуре. Я еще раньше пришел к выводу, что любая попытка с моей стороны выдвинуть какие-либо возражения против назначения в резидентуру может повредить моему положению в английской разведке и, в конечном счете, неблагоприятно сказаться на возможностях добывать необходимую мне информацию. Когда Синклер объявил, что мне предстоит возглавить резидентуру СИС в Турции с центром в Стамбуле, я понял, что это не самый худший вариант. В то время Стамбул был главной южной базой, откуда велась разведывательная работа против Советского Союза и социалистических стран, расположенных на Балканах и в Восточной Европе. Хотя с этого времени я терял возможность прямого доступа к информации, представлявшей для меня главный интерес, я по-прежнему был не так далек от

центрального аппарата.

Синклер сообщил, что моим преемником по секции Р-5 будет не кто иной, как тот самый бригадир Робертс, с которым я столкнулся в связи с делом Волкова. Он уже сдал свои полномочия руководителя регионального филиала МИ-5 на Ближнем Востоке и готовился занять пост в центральном аппарате. Не спеша, принимая от меня дела, он больше интересовался сведениями о лондонских клубах, чем работой секции. Будучи начальником секции Р-5, он прославился только тем, что уговорил Мориса Олдфилда, очень способного сотрудника МИ-5, тоже перейти на службу в СИС. Не прошло и нескольких недель после назначения Олдфилда заместителем Робертса, как он заслужил прозвище "мозг бригадира".

Для подготовки к службе за рубежом я был направлен на офицерские курсы. Это были лишь вторые или третьи курсы, организованные при новом начальнике управления, нашем старом знакомом - Джоне Манне. С тех пор программа курсов во многом изменилась. Преподавательский состав был подобран преимущественно из бывших сотрудников УСО, и содержание занятий определялось их опытом работы в УСО в годы войны. Курс представлял значительный интерес, хотя лично мне не принес прямой пользы. Условия для шпионской деятельности в Стамбуле в мирное время намного отличались от сопряженной с постоянным риском работы УСО на территории оккупированной Европы в годы войны. Мне самому пришлось написать большую часть лекций о советской разведке, и иногда я попадал в неловкое положение, когда вынужден был подсказывать из зала преподавателю, читавшему лекцию. К сожалению, в этих лекциях я не мог использовать все те знания, которые мне дал мой личный опыт. Поскольку половина времени уходила на работу в секции Р-5, я пропустил целый ряд обязательных проверок и экзаменов. Возможно, это было даже к лучшему. Было бы неудобно, если бы руководящий сотрудник моего ранга постоянно оказывался в числе отстающих.

Учебный курс и передача дел Робертсу были завершены в январе 1947 года. В конце месяца ранним утром я сидел в аэропорту и пил то, что выдавали за кофе. Мне пришлось застрять там на десять дней. Снегопады и жестокие морозы сковали страну. Погода и технические неполадки заставляли откладывать один рейс за другим. Но я мог считать, что мне повезло. Это был период целого ряда авиационных катастроф с самолетами "дакота". Чуть ли не каждая утренняя газета приносила сообщение о новом несчастье. В течение нескольких дней я разделял тягостное ожидание с группой монахинь,

летевших в Булавайо. В одно мрачное утро наконец объявили их рейс. Это утро действительно оказалось мрачным. Они погибли, все до одной. Я был счастлив, когда наконец почувствовал теплое дыхание пустыни в Каирском аэропорту.

С момента поступления в английскую разведку, шесть лет назад, я провел в отпуске не больше десяти дней. Поскольку напряженность в работе на время ослабла, я решил по пути в Стамбул навестить своего отца в Саудовской Аравии. Он встретил меня в Джидде, и мы совершили короткую поездку в Эр-Рияд и Альхардж. Это было мое первое знакомство со страной, которой отец посвятил большую часть своей жизни. Ни тогда, ни позже у меня не возникло желания последовать его примеру. Бескрайние просторы, чистое ночное небо и прочие прелести хороши лишь в небольших дозах. Провести жизнь в стране с величественной, но совсем не очаровательной природой и среди людей, лишенных и очарования, и величественности, я считал неприемлемым.

Я позволил себе это отступление, чтобы ответить некоторым авторам, которые приписывают мой необычный жизненный путь влиянию отца. Не исключено, что его эксцентричность позволила мне в ранней юности противостоять некоторым наиболее жестоким предрассудкам английской воспитательной системы, существовавшей сорок лет назад. Но даже поверхностное ознакомление с фактами показывает, что на всех решающих поворотных пунктах в моей жизни отец находился от меня на расстоянии тысячи миль. Если бы он пожил немного больше и узнал правду, он, конечно, был бы поражен, но не высказал бы неодобрения. Я был, пожалуй, единственным, человеком среди множества окружавших его людей, с кем он никогда не был груб. К моему мнению он неизменно прислушивался, даже если оно касалось дорогого его сердцу арабского мира. Тем не менее, я не переставал относиться к нему критически. Мне довелось услышать, что Уинстон Черчилль тоже считался с мнением своего сына Рандольфа. Трудно сказать, была ли это правда или нет.

Без всякого сожаления я покинул пустыню, чтобы продолжить свой путь в полный чудес шумный Стамбул. Мои коллеги по резидентуре жили разбросанно в мрачных кварталах района Пера, но я не хотел следовать их примеру. Через несколько дней я нашел великолепную виллу в Бейлербее на азиатском берегу Босфора. Это было такое чудесное место, что я без колебаний согласился платить огромную арендную плату. Вилла находилась рядом с пристанью, и в течение трех лет я каждый день курсировал на пароме между Азией и Европой, наблюдая вечно меняющуюся картину туманов, течений, приливов и отливов и летающих над морем буревестников и чаек. Наши турецкие

старожилы, конечно, были поражены. Но существует хорошее рабочее правило: где бы ты ни находился, не обращай внимания на старожилов. У меня не было причин сожалеть о выборе своего уединенного жилища. И, между прочим, вскоре моему примеру последовали некоторые сотрудники, одаренные большим воображением.

Моим официальным прикрытием в резидентуре СИС была должность первого секретаря посольства, и здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. Я уже упоминал, что прикрытие отдела паспортного контроля, которым пользовались сотрудники СИС, стало широко известно до и во время войны, и поэтому комитет по вопросам реорганизации СИС рекомендовал избегать этого вида прикрытия. С тех пор подавляющее большинство сотрудников СИС, в зависимости от занимаемого ими положения в разведке, при направлении на заграничную работу получали должности первых, вторых или третьих секретарей. В мое время на одном или двух постах в наиболее важных резидентурах, таких, как Париж или Вашингтон, представители СИС удостаивались ранга советника. Некоторые разведчики получали должности простых атташе или референтов. В то же время большинство сотрудников скомпрометировавших себя отделов паспортного контроля, которые занимались оформлением виз, были переименованы в сотрудников по выдаче виз. Большинство из них в настоящее время формально освобождено от выполнения разведывательных функций, хотя на самом деле сотрудничество между этими отделами и представителями СИС имеет место до сих пор.

За переменой формы прикрытия последовало изменение системы символов, использовавшихся для обозначения сотрудников, которые работали в заграничных резидентурах. До реорганизации все страны обозначались двузначным числом. Так, например, Германия - цифрой "12", Испания - "23". Представителям СИС в этих странах присваивалось соответствующее пятизначное число: резидент в Германии имел помер 12000, в Испании соответственно 23000, при этом подчиненные им сотрудники и агенты имели другие пятизначные индексы в рамках 12000 и 23000. Предполагалось, что эта система была скомпрометирована, как и прикрытие отделов паспортного контроля. По этому поводу даже ходила легенда о том, что офицеры абвера в Стамбуле распевали песню: "Zwolfland, Zwolfland uber alles" ("Двенадцатая страна, двенадцатая страна превыше всего" (нем.). - Прим. пер.).

Так или иначе система была полностью изменена. Каждая страна получила теперь символ, состоящий из трех букв

алфавита, первой из которых, по неизвестной мне причине, неизменно была буква "В". Так, США получили кодовое обозначение "страна BEE", Турция - "страна BFX". Резидент СИС в каждой стране в добавление к такому буквенному обозначению получил кодовое число "51", а его подчиненные - другие двузначные символы, например, "01", "07" и т. д. Таким образом, оказавшись руководителем резидентуры СИС в Турции, я стал именоваться довольно странно звучащим титулом "BFX-51". Как в рукописи, так и отпечатанный на машинке этот символ казался мне ужасно неприглядным.

Итак, я являлся первым секретарем посольства без установленных обязанностей по линии дипломатического представительства, или, другими словами, "BFX-51", В общей сложности нас насчитывалось пять сотрудников с соответствующим секретарско-техническим персоналом. Кроме способного и общительного заместителя и всегда полного энтузиазма младшего сотрудника (соответственно второй и третий секретари) в составе резидентуры был один шумный русский, бывший белогвардеец, человек потрясающей энергии (атташе). Наконец, был еще заведующий отделом паспортного контроля, подчиненный по визовым делам находящемуся в Лондоне Морису Джеффсу, а по вопросам разведки - мне. По моей линии он являлся офицером связи с турецкими разведывательными службами. Он считался опытным специалистом по Турции, носил благородную фамилию Уиттол и бегло говорил по-турецки. Однако он был слишком мягок для поддержания связи с турками. Следует сказать несколько слов о секретарше Уиттола, питавшей страсть к кошкам и установившей весьма своеобразную систему хранения дел. Когда я спрашивал у нее тот или иной документ, она невинно отвечала: "Кажется, на нем сидит белая кошка". И клянусь богом, так оно и бывало.

Турецкие специальные службы назывались инспекцией безопасности, и наша разведывательная деятельность в Турции зависела от отношения к ней. Турки знали нас и терпели нашу деятельность при условии, что она будет направлена исключительно против Советского Союза и Балканских стран, а не против Турции. Как будет видно, это условие часто нарушалось. Чтобы заручиться благожелательным отношением инспекции, мы выдавали ее стамбульскому отделению ежемесячные дотации под видом платы за наведение справок по нашим просьбам. Поскольку с точки зрения разведывательной информации мы почти ничего не получали взамен, совершенно ясно, что наши дотации просто шли на увеличение жалованья старшим инспекторам в Стамбуле. Однако игра стоила свеч: она

заставляла турок молчать.

Штаб-квартира инспекции находилась в Анкаре, и возглавлял ее в то время опухший, похожий на жабу бюрократ, которого мы называли "дядей Недом". К несчастью, примерно раз в месяц мне приходилось посещать его по делам. Наши встречи вскоре стали бесплодными для обеих сторон. Я начинал обычно с того, что просил помощи для проведения той или иной операции, например для переброски агента из Восточной Турции в Советскую Армению. Он откашливался, шептался с переводчиком, ерзал в кресле и заказывал кофе. Потом предлагал, чтобы я передал ему агента и деньги, а он брался провести операцию и сообщить нам результаты. Со временем я в какой-то степени изучил турецкий язык и стал понимать, что происходит. Эти встречи обычно заканчивались ссорой с моим переводчиком, которого я не мог заставить говорить грубости. У него, конечно, были оправдания: он не был включен в дипломатический список и имел основания опасаться нерасположения "дяди Неда".

Начальника стамбульского отделения инспекции безопасности мы прозвали "тетей Джейн". Он представлял для меня известный интерес, поскольку именно в его районе должна была проходить большая часть моей тайной деятельности. Он никогда не внушал мне тревоги.

Это был добродушный, веселый повеса, интересовавшийся больше всего своим желчным пузырем и, конечно, деньгами. Через несколько недель я с удовольствием предоставил Уиттолу возможность поддерживать повседневный контакт с "тетей Джейн", а сам вмешивался лишь в случаях особой необходимости. Раза два в год я устраивал для него прием. Он оказался идеальным гостем. Обычно приезжал на полицейском катере за полчаса до назначенного времени, быстро выпивал две-три рюмки виски и исчезал под предлогом срочной работы, когда начинали прибывать другие гости.

Мои контакты с "дядей Недом", "тетей Джейн" и их коллегами подтвердили уже имевшиеся у меня подозрения, что службы безопасности небольших стран испытывали недостаток в средствах и опыте для эффективных действий. Даже Тефик-бей из Эрзурума, пожалуй лучший из офицеров инспекции безопасности, безнадежно завалил единственную операцию, которую я доверил ему. И, тем не менее считалось, что у турок одна из лучших разведывательных служб.

Отделение "тети Джейн" осуществляло известный надзор над отделением инспекции в Адрианополе, которое поставляло скудную и низкого качества информацию из Болгарии, получаемую главным образом or контрабандистов и случайных

беженцев. Однако важность этого отделения заключалась прежде всего в том, что Стамбул являлся оживленным транзитным пунктом. Значительная часть беглецов от революций на Балканах и в Восточной Европе в конце концов попадала в Стамбул, где отделение "тети Джейн" и его офицеры проверяли их и выкачивали из них все те сведения, которыми они располагали. Турки передавали нам некоторые из сообщений, полученных из такого рода источников, но их качество было неизменно разочаровывающим. Причина заключалась отчасти в неосведомленности самих беженцев и отчасти в неопытности допрашивавших их офицеров, которые не умели задавать нужных вопросов. Неоднократные попытки с нашей стороны получить официальный доступ непосредственно к беженцам, прежде чем они исчезали в разных направлениях, неизменно наталкивались на равнодушный отказ турок. Мы вынуждены были сами охотиться за ними, что отнимало массу времени.

Значительная часть нашей информации о Балканских государствах поступала от выходцев из этих государств, живших в Стамбуле. Многие беженцы - болгары, югославы и румыны - утверждали, что, прежде чем покинуть свои страны, они организовали там шпионские сети и изъявляли готовность предоставить эти сети в наше распоряжение при условии, что мы дадим необходимые средства, чтобы привести их в действие. Война показала всей Европе, что из шпионажа можно извлекать деньги, и в сороковых годах неосмотрительный покупатель мог потратить в Стамбуле миллионы на информацию, которая была сфабрикована в черте города. Основная вина за взвинчивание цен на липовую информацию ложится на американцев, однако к 1947 году СИС пресытилась подделками. Мы тратили много времени на разработку способов выведения разного рода аферистов на чистую воду, чтобы определить, какой цены заслуживает их работа.

Нам это удавалось редко, и я уверен, что, несмотря на все наши предосторожности, некоторые эмигранты постоянно одурачивали нас.

В Лондоне мне рекомендовали не уделять Балканским странам слишком много внимания и сказали, что моей первой целью должен быть Советский Союз. Конкретно это выражалось в засылке на короткий срок агентов в русские черноморские порты с использованием для этих целей торговых судов, направлявшихся в Одессу, Николаев, Новороссийск и другие города. Однако я решил, что главное усилие сосредоточу на восточной границе, где, по мнению СИС, имелась возможность проникновения агентов в Советский Союз на широком фронте.

Поэтому большую часть лета 1947 года я посвятил личной разведке пограничных районов, с целью определить, какую помощь могут оказать нам турки и с какими препятствиями нам придется столкнуться. Эта разведка имела и другую цель - топографическую съемку пограничных районов Турции, в которой нуждались английские вооруженные силы. Это было еще до того, как американцы утвердились в Турции и в числе прочих мероприятий провели аэрофотосъемку всей страны. А в то время мы еще очень мало знали о состоянии путей сообщения на огромной территории к востоку от Евфрата.

Топографические съемки представляли интерес для СИС по разным причинам. Управление военного планирования, которое мыслило в масштабах глобальной войны против Советского Союза, было занято проектами создания центров сопротивления в районах, которые Красная Армия, как предполагало английское правительство, должна была захватить и оккупировать в начальный период войны. Турция была одной из первых стран, которую следовало рассматривать в этом плане. Горы Анатолии разрезаны целым рядом вытянутых долин, которые, как правило, простираются с востока на запад. Они могли бы служить идеальным местом для высадки советских воздушно-десантных войск. Перспективы организации успешного сопротивления где-либо к востоку от Анкары были незначительны. Поэтому лучшее, на что СИС могла рассчитывать в Турции, - это создание специальных баз, с которых можно было бы наносить удары по советским коммуникациям, проходящим через долины. Планирующие органы СИС нуждались в гораздо более подробных сведениях о территории Восточной Турции, чем те, которые имелись. Было необходимо знать, насколько пересечена местность, каково лесное покрытие, каковы источники водоснабжения и продовольствия.

Исследования такого рода порождали весьма деликатные проблемы. Они означали, что англичане и американцы намерены бросить Турцию на произвол судьбы, как только разразится война. Какой бы неумолимой ни была логика военного мышления, она вряд ли понравилась бы туркам. В Англии не без основания полагали, что, если они заподозрят что-либо о существовании подобных планов, буря возмущения сметет все их иллюзии относительно Запада и заставит искать сближения с Советским Союзом. Поэтому топографические съемки должны были выполняться с чрезвычайной осторожностью. К счастью, турки оставались в неведении относительно моей работы в этом отношении. Если бы они проявили к ней интерес, то вряд ли поверили бы моему единственному возможному оправданию, а

именно что я интересуюсь исключительно коммуникациями союзных армий, которым придется наступать на Грузию.

Так или иначе я решил, что начинать нужно с малого. Проведя летом 1947 года первую разведку, я получил хорошую подготовку к выполнению более широкой программы, намеченной на 1948 год. Первый барьер был преодолен, когда "дядя Нед", как всегда неохотно, разрешил мне посетить Эрзурум, откуда Тефик-бей руководил действиями инспекции безопасности во всей восточной области. Задачи топографической, съемки требовали передвижения на автомашине. К счастью, в моем транспортном парке в Стамбуле был тяжелый грузовик марки "додж", который мог выдержать тряску по примитивным дорогам и тропам к востоку от Анкары. После прощального визита вежливости к "дяде Неду" я направился из столицы прямо на восток, вместо того чтобы воспользоваться магистральной дорогой, идущей через Кайсери на Сивас. Я проехал через Богазкей - столицу древней империи, придав тем самым своей поездке некоторую культурную направленность. Кроме того, это позволило мне познакомиться с редко посещаемой территорией между Йозгатом и Сивасом.

Мои записные книжки дали бы прекрасный материал для одной из "Турецких книг" Роуза Маколея. Турция к востоку от Евфрата едва вышла из девятнадцатого века. Правда, армяне, а также большое число курдов были уже уничтожены. Но если смотреть с предгорий Палан-декена через Эрзурум в сторону Грузинской горловины и Верблюжьей Шеи, кажется, что можно услышать гром пушек Паскевича, с боем теснящего своего восточного противника. Но все это должно было исчезнуть. Американцы со своими стартовыми площадками для ракет и самолетами У-2 уже готовились вступить на территорию страны.

В Эрзуруме я первым делом посетил Тефик-бея. Это был довольно приятный человек, который проявлял больший интерес к своей работе, чем "дядя Нед" или "тетя Джейн". Однако наши беседы дали мне мало основании надеяться на успешную переброску агентов через советскую границу в Грузию пли Армению. Подобно своему коллеге в Адрианополе Тефик полагался на случайных кратковременных агентов, беженцев и профессиональных контрабандистов. Он мрачно рассказывал о том, как тщательно русские охраняют свои границы, о множестве сторожевых вышек и о непрерывно вспахиваемой полосе, на которой нарушители границы вынуждены оставлять следы. Разведывательные карты Тефика обнаруживали бедность его ресурсов. Ему удалось установить, да и то неточно, номера всего лишь нескольких советских воинских частей, расположенных в

непосредственной близости от границы. Даже не делалось попыток проникнуть в глубину. Это была удручающе нетронутая целина.

Беседа с Тефиком привела меня к определенному заключению: для "проникновения вглубь", под которым я понимал засылку постоянных агентов в Ереван, Тбилиси и восточные порты Черного моря, бесполезно искать агентов на месте. Население на турецкой стороне границы было слишком отсталым, чтобы дать необходимый материал. К тому же Тефик прочесывал эту область в течение многих лет, и было бы глупо думать, что я смогу добыть подходящий материал там, где это не удалось ему. Чтобы найти хороших агентов и подготовить их для выполнения требований СИС, очевидно, надо было сосредоточить внимание, например, на грузинских и армянских эмигрантах. Поэтому в своем первом докладе Лондону я просил дать указания резидентурам СИС в Париже, Бейруте, Вашингтоне и других местах, где сосредоточивались эмигранты, начать соответствующие поиски.

Однако замечание Тефика внушило мне мысль иного порядка. Он рассказал о великолепном виде на Ереван, который открывается с турецкой границы. Я подумал, что, если штабы вооруженных сил в Лондоне так заинтересованы в топографических съемках турецкой территории, они могут так же благосклонно отнестись к дальней фотографической разведке советской пограничной территории. Еще до отъезда из Эрзурума я начал составлять докладную записку с описанием общей идеи такой операции. Я назвал ее операцией "Спайгласс" ("подзорная труба" (англ.). - Прим. пер.). У меня почти не было сомнения, что она будет одобрена хотя бы потому, что технические специалисты СИС получат возможность испытать новейшее фотографическое оборудование.

Я вернулся в Стамбул удовлетворенный результатами поездки. С точки зрения планов проникновения в Советский Союз было достигнуто очень мало, но зато у меня появились кое-какие идеи, которые могли на некоторое время занять Лондон. Я сильно сомневался в том, что их реализация принесет вооруженным силам Великобритании какую-то пользу, но мне она давала хороший предлог для длительного и внимательного изучения турецкой пограничной территории.

Мои предложения вызвали в Лондоне благоприятный отклик. Задолго до этого, когда я еще работал в газете "Таймс", я научился некоторым приемам, с помощью которых сомнительные мысли можно облекать в такую форму, что они начинают нравиться даже самым придирчивым членам "Атенеума"

(литературный клуб в Лондоне. - Прим. пер.). Из Лондона в Париж был послан эмиссар для обсуждения этой проблемы с меньшевиком Жорданией, который когда-то был главой недолговечной "независимой республики Грузии", возникшей во время смятения, вызванного Великой Октябрьской революцией. Жордания считался общепризнанным лидером грузинской эмиграции, и СИС было бы очень трудно завербовать грузин-добровольцев без его благословения. Разумеется, просьба англичан поставила его в затруднительное положение, так как у него не было сомнений в том, как примут на родной земле его посланцев.

Не нам было разубеждать его, и мы с благодарностью приняли его обещание подобрать подходящих людей. Однако наш эмиссар, очевидно, имел какие-то опасения. В телеграмме, которую он послал мне и в которой сообщал о результатах миссии, он назвал этого престарелого государственного деятеля "глупым старым козлом".

И нам действительно пришлось испытать трудности с Жорданией.

К тому времени у меня уже было достаточно ясное представление о будущих действиях. Мы начнем с засылки нескольких агентов на короткие сроки, на несколько дней или, может быть, недель, в целях изучения возможностей нелегального существования в Грузии. Найдутся ли безопасные дома? Возможно ли легализоваться путем покупки документов или каким-то другим способом? Как установить надежные линии связи? Если эти пробные вылазки пройдут гладко, со временем стоит приступить к созданию постоянной сети, определив ее организацию и методы работы в зависимости от результатов предварительной разведки.

Что замышлял Жордания, узнать было нелегко. Я подозревал, что он намеревался с самого начала нагрузить своих людей пачками подстрекательских листовок, а это наверняка не понравилось бы министерству иностранных дел. Отношения СИС с ним стали походить на китайскую беседу за чашкой чая. Мы должны были быть вежливы с Жорданией, поскольку он мог лишить нас кандидатов в агенты, но в то же время сам он без нашей помощи не мог переправить своих людей в Грузию. Эмиссар СИС вскоре выучил наизусть расписание самолетов между Лондоном и Парижем и признался, что у него даже появилось отвращение к самому виду Парижа. Таким образом, проведение намеченного мероприятия в жизнь началось в обстановке сильных взаимных подозрений.

Мой план "Спайгласс", был признан "чрезвычайно

интересным". Это меня устраивало: значит, большую часть следующего лета, когда дипломатический корпус переедет из Анкары в Стамбул, я смогу провести в противоположном конце Турции.

Принятие моего плана также означало, что я мог запросить и получить почти любое количество самого различного оборудования. Главным предметом, разумеется, была фотокамера. Не обладая техническими знаниями в области фотографии, я не мог конкретно назвать марку камеры. Я просто объяснил, что от нее требуется, а остальное предоставил Лондону. Кроме того, я запросил два джипа, легкие палатки, различное полевое оборудование, компасы и всякую всячину. Технические специалисты, которые всегда склонны думать, что их талант используется не в полной мере, взялись за работу, с большим рвением и даже прислали много вещей, которых я не просил. "На испытание", - сказали они. В течение зимы в нашей кладовой скопилось внушительное количество ящиков. Обращала на себя внимание камера. Я воображал, что мне пришлют небольшой сложный аппарат, который нельзя будет заметить с советских сторожевых вышек на расстоянии ста метров. Однако, когда я увидел ее, она показалась мне величиной с трамвай. Первой моей реакцией было решение, что лично я никогда не стану таскать такое чудовище по раскаленным склонам Арарата и Аладага. У меня был крепкий молодой помощник, который как раз подходил для такой тяжелой работы.

В течение зимы и весны мне вновь пришлось заняться скудными источниками информации, имевшимися в самом Стамбуле. Следуя стандартной процедуре, я начал зондировать членов английской колонии. Это была неблагодарная работа. Конечно, среди англичан, живущих за рубежом - бизнесменов, журналистов и т. п., - встречаются такие, кто готов поставить себя под удар. Но это обычно мелкая рыбешка: их возможности ограничены. Люди с большими возможностями, как правило, не склонны идти навстречу СИС: им есть что терять, они имеют обязанности по отношению к себе, к своим семьям и даже по отношению к своим проклятым акционерам. Они часто соглашаются сообщать все, что им "случится узнать", а это неизменно бесполезные сплетни. На то, чтобы пойти на риск и систематически добывать информацию, у них не хватает патриотизма, и я не мог предложить им ничего похожего на те выгоды, которые они получали, например, от нефтяных компаний или строительных фирм. Меня изводили запросы Лондона, требовавшего информацию о турецких портах, которые, кстати сказать, были построены английскими концернами. Отсутствие

успехов в Стамбуле повышало значение наших планов в отношении Грузии. В этом деле уже намечался некоторый прогресс. Жордания, к моему удивлению, выполнил свое обещание, и вскоре мне сообщили, что два кандидата проходят подготовку в Лондоне. Мне предстояло увязать вопрос с турками, и после нескольких дискуссий с "дядей Недом" мы договорились о приеме агентов в Стамбуле и их последующей отправке в Эрзурум. Но в одном решающем пункте "дядя Нед" оказался непоколебим. Тефик-бей, сказал он, возьмет на себя руководство всей операцией в Эрзуруме и сам займется подготовкой переброски агентов через границу. "Дядя Нед" настаивал на своем под предлогом обеспечения моей безопасности. Итак, я не должен был сопровождать их. Но, учитывая, что он разрешил мне разъезжать по всей пограничной зоне в связи с операцией "Спайгласс", предлог его был абсурдным. Очевидная цель турок заключалась в том, чтобы заполучить агентов в свои руки на последние сорок восемь часов и дать им свои задания. В результате бедным грузинам предстояло пересечь границу с одним заданием от Жордании, с другим - от нас и с третьим - от турок. Каждый старался склонить чашу весов в свою сторону. Я очень неохотно уступил "дяде Неду", когда мне показалось, что он готов сорвать задуманную мною операцию.

Наконец мы собрались в Эрзуруме: Тефик-бей, я и два грузина. Последние были довольно развитые и энергичные люди, однако их прошлое внушало мало уверенности в успехе. Обоим было по двадцать с лишним лет, и родились они в Париже. Грузию знали понаслышке и верили всем эмигрантским россказням об условиях жизни в их стране. Один из них был явно в подавленном настроении. Тефик-бей объяснил по карте, что он намерен перебросить их в район турецкой деревни Позов, расположенной напротив советского городка Ахалцихе. Мы определили время переброски с учетом положения луны, осмотрели оружие и снаряжение, которыми грузин снабдили в Лондоне. Я задумался над тем, к кому первому попадут мешочки с золотыми соверенами и наполеондорами - русским или туркам. Когда мы остались с Тефиком наедине, я высказал сомнение в целесообразности переброски грузин через границу прямо против гарнизонного городка, но он возразил мне, сказав, что в этом секторе идеальная местность. "Но раз она идеальная, - не успокаивался я, - ее, наверное, лучше патрулируют?" Он только пожал плечами. Мне трудно было спорить: я не знал этого участка границы. Может быть, Тефик был прав. Во всяком случае, для меня было важно сделать все возможное для "успеха" операции.

Итак, два грузина в сопровождении турецкого офицера отправились в Ардаган и дальше на север. Мне оставалось лишь сидеть в Эрзуруме и кусать ногти. Один из людей Тефика был приставлен ко мне и постоянно сопровождал меня на почтительном расстоянии - метрах в пятидесяти. Я развлекался тем, что в самое жаркое время дня уходил за город и быстро шагал, наблюдая, как турок начинал снимать шляпу, потом галстук и, наконец, пиджак.

Я сидел у Тефика, когда пришла ожидаемая телеграмма из Ардагана: два агента переброшены через границу в такое-то время. Через столько-то минут послышалась автоматная очередь, и один из агентов упал. Другого видели в последний раз, когда он широко шагал через редкий лес, удаляясь от турецкой границы. Больше о нем ничего не слышали.

После этого дела приступили к операции "Спайгласс". В сопровождении майора Февзи, одного из офицеров Тефика, мы начали работу с самого восточного конца линии, где сходятся границы Советского Союза, Турции и Ирана, и постепенно двигались на запад. Наш метод был простым. Каждые несколько миль мы отмечали наше положение па карте и широкой дугой делали съемку советской территории. Первые день или два я каждую минуту ждал пулеметной очереди. Советских пограничников можно было бы извинить: они могли принять нашу камеру за легкий миномет.

До Тузлуджи мы шли вдоль долины Аракса, кишащей болотными птицами. Арарат оставался у нас слева, а Алагез - справа. Затем мы поднялись по долине Арпачай мимо древней армянской столицы Ани и достигли Дигора, расположенного напротив Ленинакана. В этот момент я решил, что мой так называемый отпуск слишком затянулся и что западная часть границы подождет до следующего года. Мы поехали обратно в Эрзурум и остановились на ночь в Карее, где Февзи ошеломил меня предложением посетить публичный дом.

Глава X.
Логово льва.

Я так и не закончил вторую половину операции "Спайгласс". Летом 1949 года я получил из Лондона телеграмму, которая отвлекла мое внимание на совсем другие дела. Мне предлагали пост представителя СИС в Соединенных Штатах Америки, где я должен был поддерживать связь с ЦРУ и ФБР. За этим назначением крылась одна важная причина. Сотрудничество между ЦРУ и СИС на уровне центральных организаций (хотя еще не на уровне периферийных подразделений) стало настолько тесным, что каждый работник разведки, намеченный для выдвижения на высокий руководящий пост, должен был ознакомиться с положением дел в американских спецслужбах. Мне потребовалось всего полчаса, чтобы принять это предложение.

Покидать Стамбул было грустно: это - красивый город; кроме того, приходилось бросать более чем наполовину сделанную работу. Но соблазн попасть в Америку был велик по двум причинам: во-первых, я снова попадал в ту среду, где формировалась политика разведывательных организаций, а во-вторых, я получал возможность познакомиться с американскими разведывательными службами. В то время я уже начал понимать, что эти службы имели большее значение, чем соответствующие английские организации. Я даже не стал дожидаться согласия Москвы, и дальнейшие события оправдали мое решение. Никто не выразил сомнения в неограниченных возможностях моего нового назначения. Было решено, что я уеду в Лондон в конце сентября и, пройдя месячную подготовку, в конце октября отправлюсь в Америку. Общий контроль за отношениями между СИС и американскими службами в Лондоне осуществлял Джек Истон, и именно от него я получил большую часть инструкций. Я высоко оценил, хотя и не без оговорок, его знание всех тонкостей англо-американских отношений. Однако диапазон этого сотрудничества был настолько широк, что вряд ли нашелся хоть один ответственный работник во всей службе, который не принимал в нем участия, и у каждого были какие-то личные интересы, связанные с моим назначением. Меня под разными предлогами приглашали на ленч в разные клубы. Беседы за кофе и портвейном касались целого ряда предметов, но одно было общим для всех моих "друзей" - желание совершить бесплатную поездку в Америку. Я не разочаровывал их. Чем больше

посетителей будет у меня в Вашингтоне, тем больше шпионов я буду знать, а это, в конце концов, было моей целью в жизни.

Из сжатых объяснений Истона стало ясно, что мой путь в Вашингтоне, вероятно, будет тернистым. Я должен был принять, дела от Питера Дуайера, который провел в Соединенных Штатах несколько лет. Я знал его как исключительно остроумного человека, но мне предстояло узнать о нем еще многое другое. Во время войны он сумел решить щекотливую задачу, установив близкие личные отношения со многими видными руководящими работниками ФБР. Благодаря этим отношениям, сохранившимся и после войны, представительство СИС в Вашингтоне отдавало предпочтение ФБР в ущерб (как думали некоторые) ЦРУ. Поскольку ФБР, следуя политике примадонны Гувера, проявляло ребяческую чувствительность ко всему, что касалось ЦРУ, Дуайеру было очень трудно сохранять одинаковое отношение к обеим организациям, не подвергаясь нападкам со стороны своих старых друзей, обвинивших его в двурушничестве.

Одной из моих новых задач было нарушить это равновесие. ЦРУ и СИС договорились сотрудничать по широкому кругу вопросов, что неизбежно означало более тесную повседневную связь с Центральным разведывательным управлением, чем СИС обычно имела с ФБР. Конечно, открыто признавать такое изменение политики было нельзя. Следовательно, моя задача заключалась в том, чтобы крепить связи с ЦРУ и ослабить их с ФБР, но так, чтобы последнее этого не заметило. Мне не потребовалось много времени на размышления, чтобы понять невыполнимость и абсурдность этой затеи. Единственно разумным курсом было сотрудничать с ЦРУ по вопросам, представляющим взаимный интерес, и не принимать близко к сердцу неизбежное раздражение сотрудников Гувера. Для этого мне не следовало показывать себя слишком умным, потому что расклад карт был не в мою пользу. Лучше прикидываться дурачком и извиняться за те ляпсусы, которые время от времени приходилось допускать в моем положении.

Инструктаж по вопросам контрразведки тоже вызвал у меня серьезное беспокойство. Его проводил со мной Морис Олдфилд, который сообщил факт первостепенной важности. Совместное англо-американское расследование разведывательной деятельности Советского Союза в США привело к следующему выводу: в 1944-1945 годах в английском посольстве в Вашингтоне, а также в атомном центре в Лос-Аламосе имела место утечка информации. Я ничего не знал о Лос-Аламосе. Но после быстрой проверки по списку сотрудников министерства иностранных дел за соответствующий период у меня почти не

осталось сомнений в отношении источника в английском посольстве.

К моему беспокойству примешивалось чувство облегчения. Дело в том, что еще в Стамбуле советский коллега задал вопрос, который не давал мне покоя несколько месяцев. Он спросил, не могу ли я как-нибудь выяснить, что предпринимают англичане в связи с одним делом, которое связано с английским посольством в Вашингтоне и которое вело ФБР. В то время я ничего не мог сделать, однако после беседы с Олдфилдом я, по-видимому, приблизился к самой сути вопроса. Через несколько дней это подтвердил мой русский коллега в Лондоне. Проверка в Центре не оставила у него сомнений в том, что информация из ФБР, о которой мы говорили в Стамбуле, и моя новая информация относятся к одному и тому же делу. Тщательное изучение документов на какое-то время несколько успокоило меня. Поскольку СИС формально не могла заниматься разведывательной работой в США, изучение фактов, ведущих к установлению источника утечки, находилось в руках ФБР. Надо сказать, оно проделало огромную работу, результатом которой явилось лишь колоссальное количество попусту исписанной бумаги. Ни сотрудникам ФБР, ни англичанам пока не пришло в голову, что в этом деле может быть замешан дипломат, причем дипломат довольно высокого ранга. Расследование было сосредоточено на недипломатическои персонале посольства, и особенно на тех, кто был принят на работу на месте, то есть уборщицах, дворниках, мелких служащих и т. д. Например, одной уборщице, у которой бабушка была латышка, был посвящен доклад в пятнадцать страниц, полный ненужных подробностей о ней самой, ее семье и друзьях, ее личной жизни и привычках. Это свидетельствовало об огромных ресурсах ФБР и о том, как бесполезно они расточались. Я пришел к выводу, что в срочных действиях необходимости нет, однако за делом надо постоянно следить. Во всяком случае, какие-то решительные меры обязательно нужно будет предпринять, прежде чем я покину Вашингтон. Одному богу известно, куда меня потом назначат.

Перед отъездом из Лондона меня вызвал шеф. Он был в превосходном настроении и развлекал меня рассказами о самых щекотливых случаях из области отношений между английской и американской разведками в годы войны. Эти рассказы оказались не просто праздными воспоминаниями. Шеф сообщил мне, что известие о моем назначении в Соединенные Штаты, по-видимому, расстроило Гувера. Я тогда считался довольно высокопоставленным сотрудником службы. На Дуайера (совершенно незаслуженно) смотрели иначе. Гувер подозревал,

что мое назначение предвещает нежелательную деятельность СИС в Соединенных Штатах. Чтобы рассеять его опасения шеф послал ему телеграмму, заверив, что не имеет намерения менять политику СИС. Мои обязанности ограничиваются вопросами связи с американскими службами. Шеф показал мне телеграмму и посмотрел на меня в упор. "Это, - сказал он, - мое официальное послание Гуверу. - И после короткой паузы добавил: - А неофициально... поговорим за ленчем у Уайта".

В конце сентября, когда моя подготовка была в основном закончена, я отплыл на пароходе "Карония". Проводы были запоминающимися. Первое, что я увидел на туманной платформе вокзала Ватерлоо, были огромные усы, а за ними показалась голова Осберта Ланкастера. Теперь я знал, что в дороге у меня будет хороший компаньон. Прежде чем мы отчалили, меня вызвали к телефону. Звонил Джек Истон. Он сообщил, что Дуайер только что телеграфировал о своей отставке. Причины этой отставки были для меня неясны. Наконец, в мою каюту внесли ящик шампанского с карточкой от одного богатого друга. Я начал чувствовать, что моя первая трансатлантическая поездка будет приятной.

Первую ошибку я совершил почти сразу же по прибытии в территориальные воды США. На катере лоцмана прибыл приветствовать меня представитель ФБР. Я угостил его бокалом шампанского, которое он без удовольствия потягивал, пока мы вели светский разговор. Позже я узнал, что сотрудники ФБР, почти все без исключения, гордились своей обособленностью и своими привычками, корни которых лежали в их простом происхождении. Один из первых высокопоставленных людей Гувера, с которым я познакомился в Вашингтоне, утверждал, например, что его дедушка был лавочником в Хоре-Крике в Миссури. Поэтому все они пили виски, а пиво - в качестве легкого напитка. В противоположность им сотрудники ЦРУ разыгрывали из себя космополитов. Они любили посмаковать абсент, а бургундское подавалось чуть выше комнатной температуры. Это не просто пустой разговор. Это одно из свидетельств глубокого различия в общественных взглядах двух организаций, что, по крайней мере, отчасти, является причиной трений в их отношениях.

Мой коллега из ФБР помог мне пройти формальности и устроил меня в отеле с видом на Центральный парк. На следующий день я сел в поезд на Пенсильвания-стейшн и отправился в Вашингтон. Сумах был еще в цвету и напомнил мне о чудесной осени - одном из немногих чудес Америки, которое американцы никогда не преувеличивают, потому что

преувеличить его просто невозможно.

Питер Дуайер встретил меня и за первым бокалом виски объяснил, что его отставка не связана с моим назначением и что он по личным соображениям давно хотел поселиться в Канаде, где его ждет хорошая должность в одном из государственных учреждений. Известие о моем назначении в Вашингтон определило время его переезда в Оттаву, Так что у нас сразу установились хорошие отношения. Он исключительно внимательно и с большим знанием дела ввел меня в курс политики Вашингтона. Не так легко связно рассказать о моей работе в Соединенных Штатах, чтобы дать ясное представление о тех делах, которыми я занимался. Они были слишком разнообразны и порой слишком расплывчаты, чтобы можно было объяснить их простыми словами. Одна лишь связь с ФБР, если заниматься ею как следует, заполнила бы все мое время. Это был период расцвета зловещей эры Маккарти. В то время возникли дела Хисса, Коплон, Фукса, Гоулда, Грингласа и мужественных супругов Розенберг, не говоря уже о других именах, которые до сих пор неизвестны. Связь с ЦРУ охватывала еще более широкое поле деятельности, начиная с серьезных попыток свергнуть один из восточноевропейских режимов и кончая такими вопросами, как использование немецких документов о генерале Власове. В любом деле, которое возникало, первой заботой было угодить одной стороне, не обидев другую. В дополнение к этому я должен был поддерживать связь с канадской службой безопасности и с отдельными лицами из министерства иностранных дел Канады, которые носились с идеей организации независимой канадской секретной службы.

С чего начать? Поскольку конец этого рассказа будет касаться главным образом ФБР, я посвящу начало ЦРУ. Когда я прибыл в США, во главе этой организации стоял адмирал Хилленкоттер (ЦРУ было создано в 1947 году на основе бывшего управления стратегических служб и Центральной разведывательной группы. Хилленкоттер возглавлял ЦРУ в 1947-1950 годах. - Прим. авт.), добродушный моряк, который вскоре уступил место генералу Беделлу Смиту, не оставив заметного следа в истории американской разведки. Больше всего мне приходилось иметь дело с управлением стратегических операций (УСО) и управлением координации политики (УКП). Говоря простым языком, УСО занималось сбором разведывательных данных, а УКП - подрывной деятельностью. Имелись также кое-какие дела с управлением планирования, связанным с именем Дика Хелмса (бывший директор ЦРУ. - Прим. авт.), не так давно сменившего адмирала Рейборна в качестве директора ЦРУ и быстро

рассорившегося с сенатом.

Движущей силой УСО в то время был Джим Энглтон. Он раньше служил в Лондоне и снискал мое уважение тем, что открыто отвергал англоманию, которая портила лицо молодого управления стратегических служб. Мы обычно завтракали с ним раз в неделю в отеле "Харвей", где он показывал, что безмерное усердие в работе было не единственным его пороком. Это был один из самых худых людей, каких я когда-либо встречал, и в то же время большой любитель поесть. Счастливчик Джим! После года совместных завтраков с Энглтоном я последовал совету знакомой пожилой дамы и перешел на диету, сбросив двенадцать килограммов за три месяца.

Наши отношения, я уверен, опирались на подлинно дружеское расположение обеих сторон. Но у каждого из нас были свои скрытые мотивы. Энглтон хотел перенести центр тяжести обменов между ЦРУ и СИС на представительство ЦРУ в Лондоне, которое было раз в десять больше, чем мое. Если бы ему это удалось, он сумел бы оказывать максимальное давление на центральный аппарат СИС, в то же время снизив до минимума вторжение СИС в его собственные дела. С точки зрения национальных интересов это было справедливо. Поддерживая со мной близкие отношения, он мог в большей степени держать меня под контролем. Я же со своей стороны охотно делал вид, что попался на его удочку. Чем больше было между нами открытого доверия, тем меньше он мог заподозрить тайные действия. Трудно сказать, кто больше выиграл в этой сложной игре, но у меня было одно большое преимущество: я знал, что он делает для ЦРУ, а он знал, что я делаю для СИС, но истинный характер моих интересов ему не был известен.

Хотя наши споры охватывали весь мир, они обычно заканчивались на Франции и Германии (если не начинались с них). Американцы были одержимы страхом перед коммунизмом во Франции, и я был поражен, какое огромное количество материалов из французских газет ежедневно поглощал Энглтон. Позже, когда сам Беделл Смит категорически отверг предложение англичан поделиться с французами незначительной секретной информацией о русских, мне стало ясно, что интерес Энглтона к Франции не был его личным увлечением. Беделл Смит заявил мне без обиняков, что не может доверить секретную информацию ни одному французскому чиновнику.

Германия внушала Энглтону меньше опасений. Эта страна интересовала его главным образом как база для операций против Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы. ЦРУ, не теряя времени, успело прибрать к рукам возглавляемый

генералом Геленом отдел абвера, работавший против СССР. Энглтон, наслаждаясь омарами в ресторане "Харвей", с пеной у рта защищал прошлую и настоящую деятельность организации Гелена.

У нас было и много других споров, связанных с Германией, поскольку и СИС и ЦРУ имели возможность развертывать свою деятельность на оккупированной территории. Секретные операции всех видов, включая и те, которые были направлены против германских властей, финансировались немцами в виде покрытия оккупационных расходов.

Было у нас немало стычек по поводу различных русских эмигрантских организаций, о чем будет сказано ниже. Шел разговор, например, о народном трудовом союзе (НТС), который не так давно приобрел печальную славу в связи с делом Джеральда Брука (английский гражданин, осужденный в Москве в 1965 году за шпионскую деятельность в нашей стране. - Прим. пер.); об украинских националистах Степана Бандеры - любимца англичан. ЦРУ, как и СИС, лезло из кожи вон, стремясь использовать наиболее перспективные эмигрантские группировки в таких же целях, в каких СИС использовала Жорданию. Несмотря на то, что англичане вели упорные арьергардные бои, пытаясь сохранить свои позиции в тех группировках, с которыми они давно сотрудничали, американцы все же постепенно вытесняли их из этой сферы деятельности. Доллар был слишком могущественным. Так, например, хотя англичане имели большие интересы в НТС, СИС была вынуждена по финансовым причинам передать руководство его деятельностью ЦРУ. Это было оформлено официальным соглашением между двумя службами, но дело англичанина Брука показывает, что СИС не пренебрегала тайными махинациями с НТС за спиной американцев. Такова этика секретной службы!

Помимо Энглтона моим коллегой в УСО был Билл Харви, начальник контрразведывательной секции. Раньше он работал в ФБР, но Гувер выгнал его за пьянство в служебное время. Когда я первый раз пригласил его обедать к себе домой, обнаружилось, что его привычки не изменились. Он заснул за кофе и так просидел, тихо похрапывая, до двенадцати часов ночи. Потом его увела жена со словами: "Ну пойдем, папочка, тебе уже пора в постель". Меня могут обвинить в том, что я взял недостойный тон. Согласен. Но, как будет видно ниже, Харви сыграл со мной очень неуместную шутку, а я не люблю оставлять провокации безнаказанными. Признавая обвинения в сильной предубежденности по отношению к Харви, я хочу лишь справедливости ради добавить, что он сотрудничал с СИС при

сооружении известного берлинского туннеля (туннель, построенный в 1955 году в Берлине английской и американской разведками для подслушивания советских линий связи. - Прим. авт.).

Как я уже сказал, управление координации политики занималось подрывной работой в мировом масштабе. Начальником управления был Фрэнк Уизнер, человек сравнительно молодой для такой ответственной работы, но начавший уже лысеть и отращивать солидное брюшко. Он любил высокопарный стиль, что производило неприятное впечатление. Я сопровождал миссию, которая была направлена в Лондон во главе с Уизнером для обсуждения с СИС вопросов, представлявших взаимный интерес. Когда дошли до проблем международного значения, министерство иностранных дел послало своих представителей для наблюдения за ходом обсуждения. На одной из встреч, на которой от министерства иностранных дел присутствовал Тони Рамболд, Уизнер стал распространяться на одну из своих излюбленных тем: необходимость маскировки источников секретных фондов, передаваемых внешне респектабельным организациям, в которых мы были заинтересованы. "Очень важно, - сказал он в своем обычном высокопарном стиле, - обеспечить открытое содействие лиц с известным всем доступом к имеющимся в их распоряжении богатствам". Рамболд начал что-то писать. Я заглянул через его плечо и увидел: "Лица с известным всем доступом к имеющимся в их распоряжении богатствам - богатые люди". Мои отношения с управлением координации политики были более активными, чем с УСО; в последнем меня интересовали лишь планы управления. Вскоре после моего прибытия в Вашингтон американское и английское правительства санкционировали в принципе проведение тайной операции, имевшей целью оторвать одну из восточноевропейских стран от социалистического блока. По ряду причин выбор пал на Албанию. Это было самое маленькое и самое слабое из социалистических государств. На юге оно граничит с Грецией, с которой Англия и США поддерживали союзнические отношения и которая формально еще находилась в состоянии войны с Албанией. Албания выглядела выгодно изолированной, и, кроме того, к ней был легкий доступ с Мальты по воздуху и морю. Учитывая возможность многочисленных осложнений политического характера в связи с этим проектом, государственный департамент и министерство иностранных дел настаивали на неослабном контроле за этой операцией с их стороны. Исполнение плана возлагалось на СИС и управление координации политики. Как американцы, так и англичане

поддерживали контакт с албанскими эмигрантскими группами, поэтому обе стороны взялись мобилизовать свои связи для осуществления контрреволюционного переворота. Англичане предоставляли Мальту как передовую базу для операции и небольшие суда, необходимые для заброски агентов. Американцы обеспечивали операцию денежными и материальными средствами, а также выделили аэродром Уиллус-филд в Ливии в качестве тыловой базы и пункта снабжения. Короля Идриса не посвятили в тайну - в то время он был только эмиром. В последующих длительных англо-американских спорах Мальта была нашим главным козырем. "Стоит нам задумать где-нибудь подрывную операцию, - признался мне однажды Уизнер, - как мы тут же обнаруживаем, что у англичан где-то поблизости есть остров".

Споры касались вопроса о политическом руководстве контрреволюцией. В то время эра Даллеса еще не наступила, и США опасались действовать открыто в поддержку крайне реакционных режимов. Поэтому государственный департамент стремился обставить контрреволюцию "демократическими" атрибутами. С этой целью он, опередив нас, заставил кучку албанских беженцев в Нью-Йорке образовать так называемый национальный комитет и избрать его главой некоего Хасана Дости. Дости был молодым юристом, который, согласно данным управления координации политики, имел безупречную репутацию демократа, хотя мне так и не удалось найти каких-либо доказательств справедливости этого утверждения. Несмотря на мои неоднократные просьбы, я не смог добиться встречи с Дости. Управлению координации политики, как мне сказали, приходилось обращаться с ним очень деликатно, так как он был очень пуглив. Хорош кандидат на роль руководителя!

Если национальный комитет в Нью-Йорке внушал сомнения, то английский кандидат в лидеры просто удручал меня. Это был вождь небольшого племени по имени Аббас Купи, старый друг Джулиана Эмери. Судя по фотографиям, этот человек носил бакенбарды и был вооружен до зубов - типичный продукт британского опекунства. Я не сомневался, что он был способен, подобно своим предкам, совершать налеты на невооруженные караваны или подстреливать исподтишка ошалевших от жары турецких солдат, устало бредущих через какое-нибудь ущелье. Но я никогда не разделял восторгов британского джентльмена при виде представителей дикого племени.

Короче говоря, если Дости был слабеньким молодым человеком, то Аббас Купи был старым негодяем. Бесконечные споры англичан и американцев о достоинствах обоих соперников

можно понять, если отбросить другие стороны дела и рассматривать его лишь как состязание, которое должно решить, кто - англичане или американцы - будет определять политику контрреволюционного правительства, если оно когда-либо образуется. Когда наконец и те и другие устали от споров и стали искать компромиссное решение, обнаружилось, что Дости и Купи под влиянием своих покровителей заняли настолько жесткую позицию, что ни одного из них нельзя было уговорить служить под началом другого.

Повседневный контроль за операцией был в руках комитета специальной политики, который собрался в Вашингтоне. Он состоял из четырех членов, представлявших государственный департамент, министерство иностранных дел, управление координации политики и СИС. Государственный департамент назначил в комитет Боба Джойса, компанейского парня, имевшего опыт в балканских делах; Эрл Джелико из английского посольства, тоже компанейский парень, представлял министерство иностранных дел; третьим компанейским парнем был Фрэнк Линдсей из управления координации политики и, наконец, четвертым членом комитета был я. Нетрудно представить, что благодаря такому составу наши встречи носили далеко не формальный характер. Линдсей задал тон, заявив на нашей первой встрече, что единственный албанец, которого он видел, висел вниз головой на параллельных брусьях. Даже в более серьезные моменты мы, англосаксы, не забывали, что наши агенты лишь недавно спустились с деревьев. Хотя я и сказал, что комитет специальной политики осуществлял контроль над операцией, мы никогда не могли действовать как свободные люди. Мое лондонское начальство не позволяло мне забывать обязательства СИС по отношению к Аббасу Купи, а за спиной моих начальников всегда маячила формула Бевина: "Я этого не потерплю", которую он применял, когда хотел что-нибудь запретить. Фрэнк Линдсей, несомненно, был тоже связан подобными ограничениями.

Пожалуй, даже удивительно, что в таких условиях операция все же началась. СИС удалось наконец высадить небольшую группу агентов на албанский берег с заданием проникнуть в глубь страны, собрать необходимые данные и, двигаясь к югу, уйти в Грецию. Англичане надеялись, что собранные агентами по пути сведения помогут впоследствии осуществить более широкие планы. Операция, разумеется, была безнадежной с самого начала. Агенты СИС смогли бы чего-нибудь добиться, только проникнув в города. Но города находились под неослабным контролем албанских властей. Поэтому, чтобы выжить, агентам приходилось

прятаться в горах, где они могли бы принести хоть какую-нибудь пользу, если бы страна была охвачена восстанием. Возможно, в основе нашей авантюры лежала именно невысказанная надежда на восстание. Точно так же, как в более поздние времена (когда пора бы было поумнеть), некоторые рассчитывали, что высадка диверсантов в заливе Кочинос зажжет пожар на Кубе.

В итоге несколько агентов все же сумели пробраться в Грецию, где их с величайшим трудом удалось вырвать из лап греческой службы безопасности, которая могла расстрелять их ни за грош. Информация, которую они принесли, была почти полностью негативной. По крайней мере, было ясно, что их нигде не встретили с распростертыми объятиями.

С течением времени операция была потихоньку забыта, не оказав сколько-нибудь заметного влияния на обстановку в Албании. Может быть, оказалось даже к лучшему для английского и американского правительств, что их попытка потерпела неудачу. В случае успеха они имели бы бесконечные хлопоты со своими новыми протеже, не говоря уже о серьезных трудностях с Грецией и Югославией, а возможно, и с Италией.

Столкновение политических интересов расстраивало также англо-американские планы большего потенциального значения, чем албанская авантюра, например планы проникновения в СССР и подрывной деятельности в самом Советском Союзе. Как СИС, так и ЦРУ имели своих соперничающих марионеток из Прибалтийских стран, чьи интересы были обычно непримиримыми. Я с удовольствием наблюдал, как эти борющиеся группировки из-за своей грызни то и дело попадали в тупик. В одном случае положение стало настолько серьезным, что эксперт СИС по североевропейским вопросам Гарри Карр был направлен в Вашингтон с отчаянной попыткой предотвратить скандал. Его миссия окончилась полным провалом: Карр и его коллеги из ЦРУ, с которыми он совещался, стали совершенно справедливо обвинять друг друга во лжи за столом переговоров.

Разногласия относительно Украины были еще более давними и такими же непримиримыми. Еще до войны СИС поддерживала контакт со Степаном Бандерой, украинским националистом профашистского толка. После войны это сотрудничество получило дальнейшее развитие. Но беда заключалась в том, что, хотя Бандера был порядочной "шишкой" в эмиграции, его утверждения о наличии у него множества сторонников в Советском Союзе никогда серьезно не проверялись; были только негативные примеры, то есть показывающие, что таких сторонников нет. Первая группа агентов, которую англичане снабдили радиопередатчиком и другими тайными средствами

связи, была направлена на Украину в 1949 году и - исчезла. В следующем году послали еще две группы, но о них также не было ни слуху, ни духу. Тем временем американцы начали серьезно сомневаться относительно полезности Бандеры Западу. Неудачи засланных англичанами групп, естественно, не рассеивали этих сомнений.

Нападки американцев на сотрудничество между Бандерой и СИС стали особенно резкими в 1950 году, и, работая в США, я потратил много времени на передачу язвительных посланий из Вашингтона в Лондон и обратно относительно сравнительных достоинств различных малоизвестных эмигрантских групп. ЦРУ выдвинуло три серьезных возражения против Бандеры как союзника. Его крайний национализм с фашистским оттенком являлся препятствием, мешавшим Западу вести подрывную работу в Советском Союзе с использованием лиц других национальностей, например русских. Утверждали также, что Бандера уходит корнями в старую эмиграцию и не имеет связей с новой, "более реалистичной" эмиграцией, с которой американцы усиленно заигрывали. Наконец, его прямо обвиняли в антиамериканских настроениях. Заявление англичан, что Бандера используется только в целях сбора разведывательной информации и что такое его использование не имеет какого-либо политического значения, было отвергнуто американцами. Последние возражали, что, каков бы ни был характер связи СИС с Бандерой, сам факт этой связи может поднять его престиж на Украине. Американцы высказали опасение, что любое усиление последователей Бандеры чревато опасностью раскола "движения сопротивления" на Украине, с которым вели работу они сами.

Слабость американской позиции заключалась в том, что она подкреплялась лишь голословными заявлениями и почти ничем другим. Результаты деятельности "более реалистичной" части эмиграции и "движения сопротивления" на Украине выглядели не менее плачевно, чем результаты сотрудничества между англичанами и Бандерой. Правда, ЦРУ заявляло, что зимой 1949/50 года оно приняло нескольких курьеров с Украины, однако низкопробное качество их "информации" скорее говорило о том, что это были бродяги, побывавшие в чужой стране.

В 1951 году, после нескольких лет упорной работы, ЦРУ все еще надеялось послать на Украину своего "политического" представителя с тремя помощниками для установления контакта с "движением сопротивления". ЦРУ наскребло даже резервную группу из четырех человек, чтобы послать ее в случае, если первая группа бесследно исчезнет.

Чтобы преодолеть англо-американские разногласия по

поводу Украины, ЦРУ настаивало на проведении широкой конференции с СИС. Эта конференция состоялась в Лондоне в апреле 1951 года. К моему удивлению, английская сторона заняла твердую позицию и наотрез отказалась выбросить Бандеру за борт. Все, что удалось достичь и что было принято с нескрываемым раздражением американской стороной, - это решение вновь рассмотреть упомянутый вопрос в текущем году в конце сезона, благоприятного для выброски парашютистов. Надеялись, что к тому времени в распоряжении сторон будет больше фактов. В течение месяца англичане выбросили три группы по шесть человек в каждой. Самолеты отправлялись с аэродрома на Кипре. Одна группа была сброшена на полпути между Львовом и Тернополем, другая - неподалеку от верховьев Прута, около Коломыи, и третья - в пределах Польши, около истоков Сана. Чтобы избежать дублирования и перекрытия районов, англичане и американцы обменивались точной информацией относительно времени и географических координат своих операций. Не знаю, что случилось с этими группами, но об этом, пожалуй, нетрудно догадаться.

Лет через восемь я прочел о загадочном убийстве Бандеры в Мюнхене в американской зоне оккупации Германии. Может быть, несмотря на смелые выступления англичан в его защиту, последнее слово в этом деле сказало ЦРУ.

Глава XI.
Гроза.

Когда я прибыл в Вашингтон, ФБР находилось в удрученном состоянии. В лице маленькой Джудит Коплон - талантливой молодой женщины, работавшей в министерстве юстиции, оно поймало добычу не по зубам. ФБР пыталось выдвинуть против нее обвинение в шпионаже. Когда было собрано достаточно доказательств, полученных главным образом путем незаконного подслушивания телефонных разговоров, Гувер санкционировал необходимые меры, и Коплон арестовали.

Ее поймали с поличным в тот самый момент, когда она передавала документы связнику, и дело казалось решенным. Однако в спешке ФБР забыло получить ордер на ее арест, в результате чего арест оказался незаконным. ФБР имеет право арестовывать без ордера лишь в тех случаях, когда есть достаточно оснований полагать, что подозреваемый намерен немедленно скрыться. Поскольку Коплон задержали на нью-йоркской улице, когда она шла от станции наземной железной дороги, откуда только что вышла, при самом богатом воображении трудно было обвинить ее в том, что она собиралась бежать.

Незаконность ареста была должным образом доказана на суде, но худшее для ФБР было впереди. Несмотря на то, что Коплон поймали с поличным, она решила бороться до конца. Она отказалась от услуг своего первого адвоката на том основании, что он занимал слишком примирительную позицию к обвинению. Он, видимо, ставил целью не оправдание, что казалось абсолютно безнадежным, а лишь смягчение приговора. Коплон с этим была не согласна. Взяв в помощь второго адвоката, она перешла в контратаку и начала изводить свидетелей ФБР. Она поставила их в такое положение, что они признались не только в подслушивании ее телефона, но также и в том, что подслушивали разговоры штаб-квартиры ООН. Судебный процесс начал наносить настолько серьезный ущерб ФБР в глазах общественного мнения, что Гувер тотчас же решил снять обвинение с Коплон. Характерно, что он нашел козла отпущения за свое поражение. Говарда Флитчера, главного свидетеля ФБР на суде, уволили, а Коплон выпустили на свободу. Это был триумф смелой женщины. С тех пор всякий раз, когда ее имя упоминалось в министерстве юстиции, к нему добавляли оскорбительные эпитеты.

Неудача ФБР в деле Коплон отнюдь не была исключением. Ее

даже нельзя назвать необычной. Я ничего не могу сказать о заслугах ФБР в борьбе с преступностью в США. С этой стороной его деятельности я не имел ничего общего. Но я был тесно связан с его контрразведывательной работой, а в этой области ФБР прославилось больше неудачами, чем успехами. Гувер не сумел поймать Маклина и Берджесса; он не поймал Фукса, и, если бы англичане не схватили Фукса и не сумели хитро сыграть на его чувствах, он не поймал бы и остальных; он не поймал Лонсдейла; в течение многих лет он не мог поймать Абеля и взял его лишь вследствие предательства Хаянена; он не поймал даже меня. Если и была когда-либо дутая репутация, то это репутация Гувера.

Но Гувер - великий политикан. Его грубые методы и беспощадное самовластие не то оружие, которое требуется для коварного мира разведки. Он находит им другое применение. Они дали Гуверу возможность собрать огромное количество сведений о личной жизни миллионов своих соотечественников. Это давно уже всем известно и приносит Гуверу богатые дивиденды из кармана американского налогоплательщика. В нашем мире мало людей, не имеющих какой-то личной тайны, которую они предпочли бы не ворошить. Секретные досье показывают, например, что у очень многих американских конгрессменов такое прошлое, в котором лучше не копаться. Отсюда значение тех материалов, которые держит в руках Гувер. Сам факт наличия огромных архивов ФБР удерживает многих от нападок на тоталитарную империю Гувера.

Я говорю о периоде Маккарти. Можно было бы подумать, что Гувер возмутится нарушением своей монополии со стороны сенатора, который утверждал, что он единолично раскрыл глубокое проникновение коммунистов в государственный департамент и другие органы правительства США. Ничего подобного. Гувер знал, что, стоит ему только раскрыть рот, и честолюбивые претензии Маккарти навсегда исчезнут. Но зачем ему это нужно? Подняв кампанию шпиономании в национальном масштабе, Маккарти создал условия, при которых ни один конгрессмен не смел возражать против увеличения ассигнований для ФБР. Но что Гувер в действительности думал о Маккарти, стало ясно при первой моей встрече с ним, когда я прямо спросил его об этом. Хмыкнув, Гувер сказал: "Я часто встречаю Джо на скачках, но он еще ни разу не угадал, какая лошадь победит".

Мой первый дом в Вашингтоне был недалеко от Коннектикут-авеню, почти напротив дома Микки Лэдда, помощника директора ФБР, отвечавшего за вопросы безопасности. Мне, казалось полезным пожить короткое время в преддверии логова льва, но только короткое время. Дом был небольшим, и я вскоре стал

подумывать о переезде в более просторную квартиру и на более безопасное расстояние от такого соседа. Наконец я устроился в полумиле от этого места на Небраска-авеню. Из сотрудников ФБР мне больше всего приходилось иметь дело с Лэддом, и я встречался с ним по несколько раз в неделю как в его служебном кабинете, так и дома. В прошлом он был одним из головорезов Гувера в Чикаго, "парнем, который всегда шел первым", когда надо было стрелять. Он и сейчас походил на головореза. Невысокого роста, коренастый, он, видимо, был крепким как кремень, пока не отрастил брюшко, толстые щеки, второй подбородок и не приобрел такой цвет лица, который предвещал апоплексический удар. У него не было никаких интеллектуальных интересов. Излюбленным его развлечением было проигрывание похабных пластинок женщинам, которые посещали его дом впервые. У него были и другие "ребяческие" черты, включая бессознательную жестокость. По самой объективной оценке, это был страшный человек, и, тем не менее, он начинал мне нравиться.

Лэдд, не теряя времени, заявил мне, что не одобряет моих тесных связей с ЦРУ. Космополитический дух этого учреждения, видимо, вызывал у него искреннее отвращение. "Чему их там учат, в ЦРУ? - начал он однажды вечером и сам ответил: - Как пользоваться ножом и вилкой и как жениться на богатых женщинах". Он также с большим подозрением относился к аристократическим традициям американского флота. Но, как я предвидел еще в Лондоне, мне удавалось с ним ладить при условии, что я не пытался казаться слишком умным и терпел его грубые насмешки в адрес моих "друзей" из ЦРУ. Впервые я убедился, насколько он может быть груб, к счастью, перед самым отъездом Питера Дуайера в Оттаву. Случилось так, что представитель МИ-5 в Вашингтоне Джоффри Патерсон и мы одновременно получили указание из Лондона выяснить один вопрос в ФБР. Патерсон попытался сделать это первым и потерпел неудачу. Ему было сказано, что это дело не касается Лондона. Когда мы с Дуайером прибыли вскоре после этого и подняли тот же самый вопрос, Лэдд встретил нас злобным взглядом. "Значит, вот какую игру вы ведете, - сказал он, положив сигару и заливаясь краской. - Приходит Джоффри, и я даю ему от ворот поворот. И что же после этого? После этого приходите вы двое и снова пытаетесь..." Затем последовала десятиминутная ругань, перед которой все наши протесты были бессильны. Его ярость была искренней, хотя никак не соответствовала значению того вопроса, который мы пришли обсудить. Его взбесило лишь то, что мы, как он думал, пытались сманеврировать. В его задачу входило

натравливать МИ-5 и СИС друг на друга и использовать в своих интересах всякие разногласия между нами, а теперь получилось, что мы объединились против него. Впрочем, в тот же вечер он позвонил мне и пригласил к себе выпить виски. Мы просидели до глубокой ночи. О неприятной утренней встрече не было сказано ни слова.

К нам продолжали поступать немногочисленные сообщения об утечке информации в посольстве. Помимо Дуайера, который вскоре уехал, лишь трое сотрудников английского посольства имели доступ к этим материалам: Патерсон, я и Вобби Маккензи - офицер службы безопасности посольства, мой старый коллега еще по пятой секции. В ФБР ими занимались Лэдд, Лишмен, являвшийся в то время начальником антикоммунистической секции, и Боб Лэмфер, симпатичный туповатый парень из Огайо, отвечавший за анализ материалов на американской стороне. СИС еще была далека от того, чтобы установить источник утечки в английском посольстве, но в течение зимы 1949/50 года кольцо начало сужаться вокруг источника в Лос-Аламосе. Оставалось сделать выбор между двумя выдающимися учеными-атомщиками - доктором Пейерлсом и доктором Фуксом. Дуайер оказал СИС последнюю услугу: проведя блестящий анализ всего того, что было известно об этих ученых, он решительно исключил из числа подозреваемых Пейерлса. После этого все безошибочно указывало на Фукса, который был английским гражданином немецкого происхождения.

Возникли обычные затруднения с доказательствами, которые не имели юридической силы, но Фукс, в отличие от Джудит Коплон, сам представил доказательства против себя. Вскоре, после того как Дуайер установил его как источник утечки в Лос-Аламосе, Фукса, работавшего в то время в Англии, арестовали и передали для допроса Джону Скардону из МИ-5. Скардон сумел настолько втереться к нему в доверие, что Фукс признался в своем участии в этом деле.

Жертвой дела Фукса пал еще один человек. Хотя Гувер ничего не сделал для разоблачения Фукса, он был полон решимости извлечь для себя максимум политического капитала. Для этого ему нужно было показать, что у него есть собственный материал, а такой материал можно было получить лишь в том случае, если его люди сами допросят арестованного. Он объявил о своем намерении послать в Лондон Лишмена для допроса Фукса его камере. Патерсон и я получили указание передать Гуверу, что об этом не может быть и речи. Фукс уже дал суда, и по закону никому не разрешалось проводить допросы, тем более представителям иностранной державы. Гувер был очень

раздражен и не склонен соблюдать британские законы. Он решил не отказываться от своего намерения. Лишмен был послан в Лондон со строгим приказом: либо увидеть Фукса, либо... Результат был "либо...". Когда я услышал о возвращении Лишмена и пришел в его шикарный, устланный коврами кабинет, в его кресле сидел уже кто-то другой. Самого Лишмена я нашел через несколько дверей по коридору в маленькой комнате, которую занимали четыре младших агента. Лишмен писал что-то на краешке стола. Бедняга был конченым человеком. Он посмотрел на меня так, будто я был виноват в этом. Такова была жизнь под Гувером.

Летом 1950 года я получил письмо от Гая Берджесса. "У меня есть сюрприз для тебя, - писал он. - Меня только что назначили в Вашингтон". Он просил, чтобы я пустил его на несколько дней к себе, пока он не найдет квартиру. Это была проблема. В обычных условиях было бы совершенно недопустимо, чтобы разведчики жили в одном помещении. Но условия были необычными. С самых первых дней наши карьеры переплетались. Я рекомендовал его советской разведке как возможного помощника. Позже он помог мне поступить в английскую секретную службу. В Испании он был моим связником. В 1940 году мы вместе работали в СИС. В 1948 году он нанес мне служебный визит в Турции. Поэтому наши близкие отношения были хорошо известны, и всякое серьезное расследование деятельности любого из нас, несомненно, раскрыло бы наши связи в прошлом. Казалось, что с профессиональной точки зрения не могло быть и речи, чтобы он остановился у меня. Но было другое соображение, которое склонило меня к тому, чтобы согласиться с предложением Берджесса. По архивным материалам я знал, что его дело было абсолютно чистым, так как с политической точки зрения против него не было никаких компрометирующих материалов. Но он как-то ухитрялся постоянно попадать во всякого рода скандальные переделки личного характера.

Один сотрудник министерства иностранных дел спустил его однажды с лестницы в клубе "Гаргойл", в результате чего он разбил себе голову. Были с ним хлопоты в Дублине и Танжере. Я подумал, что у него будет больше шансов остаться незаметным в Вашингтоне, если он поселится у меня, а не в холостяцкой квартире, где каждый вечер будет предоставлен самому себе. Едва я успел ответить Берджессу, как Маккензи показал мне письмо, полученное им от тогдашнего начальника отдела безопасности министерства иностранных дел Кэри-Фостера, предупреждавшего Маккензи о прибытии Берджесса. Кэри-Фостер считал, что удерживать его от чудачеств в большом посольстве

будет легче, чем в маленьком. Он перечислял все прошлые грехи Берджесса и в заключение написал, что худшее, может быть, еще впереди. "Что он имеет в виду под худшим?" - пробормотал Маккензи. Я сказал, что хорошо знаю Гая, что он остановится у меня и что я буду присматривать за ним. Он был очень доволен тем, что оказался еще кто-то, готовый разделить с ним ответственность.

В свете последующих событий мое решение согласиться с предложением Берджесса представляется серьезной ошибкой. Я много думал об этом в течение последних пятнадцати лет. Бесполезно оправдываться тем, что нельзя предвидеть, какой оборот примут события через несколько месяцев; меры безопасности должны предусматривать даже непредвиденные случаи. Но чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что мое решение поселить у себя Берджесса ускорило не больше, чем на несколько недель, те события, в результате которых я оказался в центре внимания публики. Эти события побудили Беделл-Смита энергичнее требовать в своем письме шефу моего отзыва из Вашингтона. Может быть, мне даже повезло в том, что подозрение на меня пало преждевременно в том смысле, что оно приняло определенную форму, прежде чем накопились достаточно веские доказательства для передачи моего дела в суд.

В связи с приездом Берджесса возникла проблема, решить которую самостоятельно я не мог. Я не знал, следует ли посвятить его в тайну дела об источнике утечки в английском посольстве (имеется в виду Маклин, который в описываемый период работал заведующим американским отделом министерства иностранных дел Великобритании и выполнял задание советской разведки. - Прим. пер.), расследование по которому все еще продолжалось. Решение ввести его в курс дела было принято после того, как я в одиночестве совершил две автомобильные поездка за пределы Вашингтона. Мои советские коллеги сказали мне, что, по имеющемуся мнению, посвящение Гая в этот вопрос может оказаться полезным. Поэтому я полностью ввел его в курс дела, подробно рассказав о всех деталях. В дальнейшем мы постоянно обсуждали этот вопрос. Трудность для меня заключалась в том, что за четырнадцать лет я видел Маклина лишь дважды, и то мельком. Я понятия не имел, где он живет и как живет, короче говоря, я не знал о нем практически ничего.

Теперь пора вернуться к делу и пояснить, в каком положении оно находилось. Ход дела внушал мне серьезное беспокойство. Оно было насыщено множеством неясных фактов, оценка которых могла строиться лишь на догадках. СИС получила с десяток

сообщений, касающихся источника утечки, в которых он фигурировал под псевдонимом "Гомер". Однако долгое время не удавалось установить его личность. ФБР продолжало посылать нам стопы бумаг об уборщицах посольства, и одновременно велось изучение нашего обслуживающего персонала. Для меня это остается самой необъяснимой чертой всего дела. Уже до этого имелись данные, что в министерство иностранных дел Великобритании проник какой-то агент. Правда, ничто не говорило о том, что имевшиеся сообщения относились к одному и тому же лицу. Даже и сейчас нет оснований так думать. Но если бы все-таки такое предположение сделали, особенно если бы старую информацию сопоставили с вашингтонскими данными, то, не теряя времени, начали бы расследование среди дипломатов, возможно, еще до моего появления в Вашингтоне.

Но еще более странной оказалась другая сторона дела. Я имел большое преимущество: с самого начала я знал почти наверняка, кто замешан в этом деле. Но даже если отбросить это преимущество, мне казалось совершенно очевидным из содержания сообщений, что дело касается не мелкого агента, который подбирает обрывки бумаг из корзин и случайные копирки. Некоторые из сообщений "Гомера" касались довольно сложных политических проблем, и о нем отзывались с уважением. Не могло быть сомнения, что речь идет о человеке, занимающем довольно высокое положение. Нежелание начинать расследование в соответствующем направлении можно объяснить лишь неким психологическим барьером, который упорно мешал заинтересованным лицам поверить, что уважаемый член их общества способен на такие вещи.

Существование такого барьера полностью подтвердилось комментариями, которые последовали за исчезновением Маклина и Берджесса, да и после моего побега. Вместо того чтобы признать очевидную правду, давались исключительно глупые объяснения.

Я понимал, что эта странная ситуация не может продолжаться вечно. Когда-нибудь кто-нибудь в Лондоне или Вашингтоне посмотрит на себя в зеркало, и его осенит догадка. Начнется изучение дипломатов, и рано или поздно дело прояснится. Главный вопрос заключался в том, когда наступит это "рано или поздно".

Из бесед с моими друзьями на встречах в окрестностях Вашингтона вытекали два основных положения.

Во-первых, обязательно предупредить Маклина, прежде чем он попадется в сети.

Во-вторых, желательно было, чтобы Маклин оставался на своем посту как можно дольше. После его побега сделали

успокоительное заявление, что он был лишь заведующим американским отделом министерства иностранных дел и, следовательно, не имел свободного доступа к особо важной информации. Но нелепо полагать, что опытный агент, занимающий важный пост в министерстве иностранных дел, имеет доступ только к тем бумагам, которые попадают к нему на стол в связи с его повседневными служебными обязанностями. Я уже рассказывал, как получил доступ к делам английских агентов в Советском Союзе, когда считалось, что я лишь гоняюсь за немецкими шпионами в Испании. Короче, наш долг заключался в том, чтобы доставить Маклина в безопасное место, но не раньше, чем это станет необходимо.

Было и еще два осложнения. Меня послали в Соединенные Штаты на два года, и поэтому я ждал замены осенью 1951 года. Я не имел представления о том, куда меня назначат впоследствии. Это мог быть Каир или Сингапур, то есть места, где я буду далек от дела Маклина. Нащупывая решение, мы пришли к выводу, что в интересах безопасности надо организовать спасение Маклина самое позднее к середине 1951 года.

Второе осложнение вытекало из положения Берджесса: в министерстве иностранных дел он чувствовал себя явно не в своей тарелке. У него не было ни соответствующего темперамента, ни нужных качеств для работы в этом учреждении. Одно время он подумывал об уходе и кое-что подготовил для себя на Флит-стрит (улица в Лондоне, где расположены редакции главных газет. - Прим. пер.). Такое настроение отражалось на его работе в министерстве иностранных дел, так что его уход мог превратиться в увольнение. Во всяком случае, он стремился назад в Англию.

Возникла идея объединить две задачи: возвращение Берджесса в Лондон и спасение Маклина. По возвращении Берджесса в Лондон из английского посольства в Вашингтоне ему, естественно, надо будет нанести визит заведующему американским отделом. Следовательно, он будет иметь хорошую возможность сообщить Маклину о намеченной операции по спасению. Он мог бы уйти в отставку в Вашингтоне и без всякого шума вернуться в Лондон, Однако показалось бы странным, если бы Маклин исчез вскоре после добровольного возвращения Берджесса в Лондон. Нужно было устроить дело так, чтобы его отправили в Англию независимо от его желания.

Эта идея очень понравилась Берджессу, и он осуществил ее самым простым способом. В течение одного дня его трижды задерживали за превышение скорости в штате Вирджиния, и губернатор реагировал на это именно так, как мы и

рассчитывали. Он послал в государственный департамент резкий протест по поводу вопиющего злоупотребления дипломатическими привилегиями. Протест был показан послу. Через несколько дней Берджессу с сожалением сообщили, что ему придется покинуть США.

Как только была установлена возможность использовать Берджесса в операции по спасению Маклина, большое внимание было уделено моему собственному положению. Несмотря на все предосторожности, могла вскрыться связь Берджесса с Маклином, и расследование его деятельности могло бросить тень на меня. Казалось, вряд ли тут можно было что-нибудь сделать, но я подумал, что мне удастся отвлечь от себя подозрение, если я сам сделаю положительный вклад в расследование дела об утечке информации в английском посольстве. До сих пор я держался в стороне, предоставив ФБР и МИ-5 делать все, что они могли. Теперь, когда уже вырисовывался план спасения, у меня не было причин не подтолкнуть расследование в нужном направлении.

С этой целью я написал докладную записку в Лондон, указав, что мы, возможно, зря тратим время на дотошное изучение обслуживающего персонала посольства. Я по памяти напомнил некоторые старые материалы, из которых следовало, что начальник отдела советской разведки по Западной Европе в середине 30-х годов завербовал одного молодого человека, который только что поступил в министерство иностранных дел. Этот молодой человек происходил из хорошей семьи и получил образование в Итоне и Оксфорде. Он оказывал помощь советскому разведчику по идейным соображениям, а не за деньги. Я порекомендовал сопоставить эти данные со сведениями о дипломатах, работавших в Вашингтоне в 1944-1945 годах, то есть в период, к которому относились сведения об утечке информации. Я получил ответ от Вивьена, в котором он заверял меня, что эта сторона дела тоже имеется в виду. Однако из материалов не было видно, что в этом направлении что-то делается, а ошеломляющая скорость, с которой начали развиваться последующие события, показала, что эта идея была относительно новой.

Сопоставление старых материалов с данными об утечке информации в посольстве позволило составить список из шести имен, который был прислан нам из Лондона с сообщением, что ведется интенсивное расследование. В списке были имена Роджера Мейкинса (председатель комиссии по атомной энергии. - Прим. авт.), Поля Гор-Бута (возглавлял английскую информационную службу в Америке. Впоследствии постоянный помощник министра иностранных дел. - Прим. авт.), Майкла

Райта и Дональда Маклина (можно было возразить, что Маклин не учился ни в Итоне, ни в Оксфорде, и он в самом деле не учился там, но МИ-5 не придала особого значения этой детали, считая, что, по мнению иностранцев, все молодые англичане из хороших семей должны учиться в Итоне и Оксфорде). Этот список доставил Бобби Маккензи одну из счастливейших минут в его жизни. Внимание Бобби привлек Гор-Бут. Почему? Он учился в Итоне и Оксфорде; он поступил в министерство иностранных дел в середине 30-х годов; он был знатоком классической литературы, и поэтому псевдоним "Гомер" вполне подходил к нему, а, кроме того, имя Гомер по-русски созвучно с именем Гор. Что касается убеждений, то Гор-Бут был христианином и трезвенником. Чего еще надо? Это была неплохая идея, и я надеялся, что она займет Лондон по крайней мере на несколько дней.

Берджесс собрал свой багаж и уехал. В последний вечер мы обедали в китайском ресторане, где в каждой кабине был репродуктор и играла музыка, которая помогала заглушать наши голоса. Шаг за шагом мы обсудили весь план. По прибытии в Лондон Берджесс должен был встретиться с советским другом и информировать его обо всем. После этого, приготовив лист бумаги с указанием времени и места встречи, он должен был нанести визит Маклину в его кабинете и передать ему этот листок. Затем ему предстояло прийти на эту встречу с Маклином и ввести его в курс дела. С этого момента я уже отключался от операции. Берджесс выглядел расстроенным, и я догадывался, что было у него на душе. Когда на следующее утро я привез его на станцию, моими последними словами, сказанными полушутя, были: "Смотри и сам не убеги".

Осенившая Маккензи идея в отношении Гор-Бута не произвела особого впечатления на МИ-5. Изучая свой короткий список, они искали человека из ряда вон выходящего, который меньше всего соответствовал обычному типу дипломата. Это был разумный метод, и в результате они поставили имя Маклина во главе списка. Он никогда не увлекался светскими развлечениями дипломатического корпуса и предпочитал общество независимых умов. В отличие от него все другие люди в списке удивительно соответствовали нормам своего круга. Сообщив нам свои выводы, МИ-5 информировала нас, что Маклином, вероятно, займутся, когда дело против него будет завершено. Тем временем ему будет закрыт доступ к некоторым документам министерства иностранных дел, а сам он будет взят под наблюдение. Два последних решения, принятые, видимо, с целью успокоить американцев, были неразумными. Но я не видел причин критиковать их. Я рассудил, что со временем они могут

сослужить мне хорошую службу в случае каких-либо неприятностей, и оказался прав.

Тем не менее, меня встревожила скорость, с которой развивалось дело, и на следующей встрече с советским коллегой я предупредил его, что надо торопиться. У меня оказался также предлог написать прямо Берджессу. Заведующий транспортом посольства дважды спрашивал меня, что делать с "линкольном" Берджесса, который тот оставил в гараже. Использовав этот предлог, я написал Берджессу, что, если он немедленно не примет мер, будет слишком поздно, потому что я отправлю его машину на свалку. Ничего другого я сделать уже не мог. Однажды рано утром мне позвонил по телефону Джоффри Патерсон и сообщил, что только что получил ужасно длинную телеграмму из Лондона с грифом "Весьма срочно". Он отпустил свою секретаршу на неделю в отпуск, а лично ему потребуется целый день, чтобы расшифровать телеграмму. Он просил прислать ему в помощь мою секретаршу. Я отдал необходимое распоряжение и присел, чтобы успокоиться. Это наверняка было то самое. Попался ли Маклин или успел скрыться? Мне не терпелось броситься в посольство и самому помочь в расшифровке телеграммы. Но, несомненно, было благоразумнее заняться своими обычными делами, будто ничего не случилось. Придя в посольство, я пошел в кабинет Патерсона. Он был бледен. "Ким, - прошептал он, - птичка улетела". Я изобразил на лице выражение ужаса (надеюсь, мне это удалось): "Какая птичка? Неужели Маклин?" "Да, - ответил он. - Но хуже того: Гай Берджесс бежал вместе с ним". Тут уж мой ужас был неподдельным...

Глава XII.
Испытание.

Бегство Берджесса вместе с Маклином поставило меня перед роковым решением. Еще в самом начале, когда мы обсуждали план побега Маклина, мои советские коллеги допускали, что какие-либо непредвиденные обстоятельства могут поставить меня в опасное положение. На этот случай мы разработали план побега для меня, и решение о введении его в действие я должен был принять сам в случае крайней необходимости. Было ясно, что исчезновение Берджесса вызывало такую необходимость, но была ли она крайней? Пришлось отложить решение на несколько часов, чтобы успеть сделать два срочных дела. Первое - освободиться от всего того, что могло скомпрометировать меня; и второе - прощупать настроение в ФБР, так как от этого могли зависеть детали моего побега. В первую очередь нужно было избавиться от некоторых вещей, связанных с моей работой, но я решил, что это подождет, так как показалось бы очень странным, если бы, услышав новость о Берджессе и Маклине, я сразу покинул бы посольство. Кроме того, телеграмма Патерсона давала мне благовидный предлог для того, чтобы безотлагательно прощупать ФБР. Телеграмма заканчивалась распоряжением информировать о ее содержании Лэдда. Патерсон, предвидя, что ему придется немало краснеть, к концу беседы попросил меня сопровождать его, видимо, на том основании, что два красных лица лучше, чем одно. Тот факт, что мое лицо было скорее серым, чем красным, не менял в принципе положения вещей.

Лэдд выслушал новость с удивительным спокойствием. Лукавые искорки в его глазах заставляли думать, что он, возможно, был даже доволен, что проклятые англичане сели в такую лужу. Но я догадался, что его спокойствие скрывает лишь личную озабоченность. Лэдд часто встречался с Берджессом и у меня дома и приглашал его к себе. Несмотря ни на что, они очень неплохо ладили. Оба обладали вспыльчивым характером и нередко обменивались оскорблениями. При первой встрече Берджесс набросился с нападками на коррупцию и подкуп, которые, как он утверждал, лишили всякого смысла автомобильные гонки в Индианаполисе. При этом он не преминул мимоходом обругать американский образ жизни в целом. Лэдду это явно понравилось. Он, видимо, никогда не слышал, чтобы чопорный англичанин разговаривал таким образом. В данной

критической ситуации он не был бы Лэддом, если бы не беспокоился о своих отношениях с Берджессом. Я решил, что личная заинтересованность Лэдда будет действовать в мою пользу. От него мы прошли к Лэмферу, который реагировал на новость вполне нормально. Мы обсудили побег дипломатов, и он в своей солидной, серьезной манере выдвинул несколько теорий, которые показали, что он был еще далек от истины. Покидая здание ФБР, я почувствовал значительное облегчение. Я допускал, что Лэдд и Лэмфер были хорошими актерами и одурачивали меня, но не было смысла сражаться с ветряными мельницами. Надо было действовать исходя из того, что ФБР еще ничего не знает.

Не исключалась возможность, что в любой момент МИ-5 может попросить ФБР взять меня под наблюдение. Она могла легко это сделать без моего ведома, использовав представителя ФБР в Лондоне для прямой связи с Вашингтоном. Но я все-таки чувствовал, что у меня будет несколько дней передышки. Трудно было представить, чтобы МИ-5 напустила на меня иностранную службу безопасности без предварительной консультации с МИ-6, а последняя, по моему мнению, подумала бы, прежде чем порочить репутацию одного из своих старших офицеров. Должен подчеркнуть, что все это были лишь мои догадки, которые остаются догадками до сего дня. Однако они подтвердились тем, что в течение нескольких дней меня никто не трогал.

Когда мы с Патерсоном вернулись в посольство, было уже за полдень, и я мог с полным правом сказать ему, что хочу сходить домой выпить рюмку виски. В своем гараже, который служил также кладовой, я взял садовую лопатку, засунул ее в портфель и спустился в подвал. Завернул фотоаппарат, треногу и другие принадлежности в непромокаемую материю и все это положил в машину. Я часто мысленно репетировал необходимые действия и выработал определенный порядок. У меня вошло в привычку выезжать на Грейт-Фолс, чтобы провести спокойных полчаса между визитами в ФБР и ЦРУ. По дороге я наметил место, подходящее для такого случая, в котором в настоящее время возникла необходимость. Я оставил машину на пустынном участке дороги, где слева нес свои воды Потомак, а справа стоял лес с высоким подлеском, достаточно густым для укрытия. Я прошел пару сотен ярдов через кустарник и принялся за работу. Через несколько минут я вышел из леса, поправляя брюки. Вернувшись домой, я некоторое время повозился еще в саду с лопаткой. Итак, что касается неодушевленных предметов, могущих скомпрометировать меня, то я был чист как агнец.

Теперь я мог уделить внимание проблеме побега. Поскольку в

течение последних недель я время от времени думал над этим вопросом, у меня к концу дня уже созрело решение остаться на месте. Я считал, что, пока имеются хоть какие-то шансы, мой долг - бороться до конца. Несомненно, мне придется на некоторое время прекратить всякую деятельность, а это время может затянуться и, разумеется, будет для меня тяжелым. Но зато, когда оно кончится, у меня вполне могут оказаться дальнейшие возможности для работы. События подтвердили мою правоту.

Проблема сводилась к оценке моих шансов уцелеть, если я останусь. Мне казалось, что их баланс складывается в значительной степени в мою пользу. Следует учесть, что я имел огромные преимущества перед людьми, подобными Фуксу, которые почти ничего не знали о разведывательной работе. Я же проработал в секретной службе одиннадцать лет, семь из них я занимал довольно высокое положение, а в течение восьми дет работал в тесном контакте с МИ-5, В продолжение восьми лет я поддерживал, хотя и нерегулярно, отношения с американскими секретными службами, а почти два года был тесно с ними связан. Я считал, что достаточно хорошо знаю противника, чтобы предвидеть в общих чертах те шаги, которые он, вероятно, предпримет. Я знал главное оружие противника - его архивы - и, кроме того, был знаком с теми ограничениями, которыми связывают его деятельность законы и формальности. Было также очевидно, что найдется много людей, которые занимают видное положение в Лондоне и которым очень захочется доказать мою невиновность. Они будут склонны истолковывать в мою пользу любые сомнения, а я со своей стороны должен создать как можно больше оснований для таких сомнений.

Какие известные мне доказательства могли быть выдвинуты против меня?

К ним можно отнести юношеские связи с левым движением в Кембридже. Об этом было широко известно, и потому не имело смысла что-либо скрывать. Однако я никогда не вступал в Англии в коммунистическую партию, и, конечно, будет трудно доказать по прошествии восемнадцати лет, что я был на нелегальной работе в Австрии, тем более что большей части моих венских друзей, к сожалению, наверное, уже нет в живых. Была также одна компрометирующая фраза в старых материалах о том, что ОГПУ послало в Испанию во время гражданской войны одного молодого английского журналиста. Но не имелось никаких подробностей, по которым можно было бы установить личность этого журналиста, а в то время многие молодые люди с Флит-стрит побывали в Испании. Не в мою пользу говорило также то, что поступить в разведку мне помог Берджесс. Но я уже решил обойти

этот факт, назвав имя одной известной дамы, которую можно было считать ответственной за мое привлечение в службу. Если она признает это, все будет хорошо. Если же будет отрицать, я буду настаивать и заявлю, что не назвал бы ее имени, если бы действительно не верил, что именно она привлекла меня в секретную службу.

Может, конечно, возникнуть крайне затруднительное положение, если служба безопасности установит, какие материалы я брал из архива, работая в центральном аппарате, так как это докажет, что мои интересы выходили далеко за пределы официальных обязанностей. Единственно возможный аргумент в мою защиту, а именно что я страстно интересовался службой самой по себе, будет малоубедительным. Впрочем, я знал, что книги учета выдачи документов периодически уничтожаются, и считал маловероятным, что они пережили массовую чистку ненужных бумаг, проводившуюся после войны. Был также ряд дел, которые я вел, окончившихся неудачно для СИС по так и не установленным причинам. Но каждую неудачу можно было бы объяснить, не раскрывая моей истинной роли; к тому же были два важных дела, которые, несмотря на все мои старания, окончились не так, как хотелось бы. Хотя удачные дела и не оправдывают меня полностью, но могут в какой-то мере снять с меня ответственность за неудачу в других случаях.

Действительно, трудная задача заключалась в том, чтобы объяснить мои отношения с Берджессом. У нас было очень мало общих интересов, очень мало общих друзей и разные вкусы. Главное, что нас связывало, - политические взгляды, и именно это нужно было постараться по возможности скрыть. В этом отношении до некоторой степени помогала география. Когда я был в Австрии, Берджесс был в Кембридже; когда я был в Испании, он был в Лондоне; большую часть войны он провел в Лондоне, а я был во Франции, Хэмпшире и Хартфордшире; потом я уехал в Турцию, и мы снова встретились лишь через год в Вашингтоне. Поэтому я мог показать, что между нами никогда не было по-настоящему близких отношений, что он был просто интересным, но случайным компаньоном. Даже тот факт, что он остановился в Вашингтоне в моей квартире, можно было превратить в преимущество: неужели я настолько глуп, чтобы афишировать свою связь с Берджессом, если бы между нами были какие-то тайные отношения!

Другая трудность заключалась в том, как выглядела моя карьера. Чем больше я думал, тем меньше мне это нравилось. Начиналась она с известной всем связи с левыми организациями в Кембридже и, возможно, известной коммунистической

деятельности в Вене; затем следовал полный "разрыв" с моими друзьями-коммунистами, за которым слишком быстро началась "дружба" с нацистами в Лондоне и Берлине; потом я из всех возможных мест выбрал франкистскую Испанию, чтобы сделать карьеру журналиста; далее поступление в секретную службу при помощи Берджесса и специализация на антисоветской и антикоммунистической работе; и, наконец, моя осведомленность о тех действиях, которые было намечено предпринять против Маклина, и его побег. Картина была жуткая. Я приходил к неизбежному заключению, что у меня нет надежды доказать свою невиновность.

Однако это заключение не слишком удручало меня. Основания для презумпции моей невиновности могли быть достаточными для сотрудников разведки, но их было недостаточно для юриста. Юристу необходимы улики. Цепь косвенных улик, которые могли быть выдвинуты против меня, была длинной, но, рассматривая каждое отдельное звено этой цепи, я полагал, что их можно разбить все по очереди; а если все звенья разбиты, что остается от цепи? Поэтому, несмотря на внешние неблагоприятные признаки, я считал, что у меня неплохие шансы. Следующая задача заключалась в том, чтобы, играя в открытую, начать сеять семена сомнений повсюду, где только возможно.

Последующие несколько дней дали мне для этого большие возможности. На работе у нас с Патерсоном только и было разговоров что о Маклине. Иногда к нам присоединялся Маккензи. Не думаю, что в то время Патерсон о чем-нибудь догадывался, но в Маккензи я был уверен меньше. Это был ленивый, но далеко не глупый человек, и временами мне казалось, что я ловлю в его взгляде подозрительность. Во время этих разговоров я старался сформулировать теорию, охватывающую все известные факты, и как можно крепче вбить ее в головы моих собеседников. В этом мне помогло неумное решение МИ-5, о котором я уже упоминал, - не допускать Маклина к некоторым документам и взять его под наблюдение. Взяв этот момент за начальный пункт, я воссоздал версию, которую, по крайней мере, было невозможно опровергнуть. Она заключалась в следующем.

Старые материалы свидетельствовали о том, что Маклин работал не меньше шестнадцати лет. Следовательно, он был опытным и компетентным агентом. Такой человек всегда настороже, и, естественно, он должен был быстро заметить, что некоторые документы от него стали скрывать. Это его встревожило. Несомненно, он сразу же должен был проверить, не

следят ли за ним, и поскольку за ним действительно следили, быстро это обнаружил. Эти открытия насторожили Маклина и поставили его перед дилеммой: цель слежки заключалась в том, чтобы поймать его в момент встречи с советским представителем, а без помощи советского друга его шансы на побег значительно уменьшались. Пока он размышлял, в дело вмешался сам господь бог: появился его старый друг Берджесс. (Я не собирался приводить доказательство того, что между Берджессом и Маклином существовала давнишняя связь, но тот факт, что они бежали вместе, придавал моему предположению достаточный вес.) Появление Берджесса, разумеется, разрешило проблему Маклина, поскольку все необходимые приготовления можно было сделать через Берджесса и его советского коллегу. Это подтверждалось тем, что именно Берджесс занимался такими делами, как, например, наем автомобиля. Но почему бежал сам Берджесс? Патерсону и Маккензи было ясно, что министерство иностранных дел больше не нуждалось в Берджессе и что его карьера идет к закату. Все сомнения рассеяли советские друзья, решив, что ему лучше удалиться со сцены, где его присутствие могло стать опасным для других.

Такова была моя версия, и я твердо придерживался ее. Ее преимущества заключались в том, что она основывалась на известных фактах и почти неопровержимых предположениях. Единственными людьми, которые могли ее опровергнуть, были те двое исчезнувших и я сам.

Я с удовольствием заметил, что эта версия оказалась вполне приемлемой для ФБР. Она понравилась и Лэдду, и Лэмферу. И сам Гувер в короткой беседе со мной ухватился за эту версию. В его глазах высшее достоинство ее заключалось в том, что всю вину можно было свалить на МИ-5. Не сомневаюсь, что он нажил на этом деле большой политический капитал как в Капитолии, так и в последующих сделках с МИ-5. Гувер одержал немного побед своими собственными силами, но он был не из тех людей, которые смотрят в зубы дареному коню.

В отношении ЦРУ положение было более неопределенным. Поскольку это дело являлось прерогативой ФБР, я не мог обсуждать все его тонкости с ЦРУ, не подвергаясь риску вызвать гнев Гувера и Лэдда, которых я всеми силами старался не сердить. Исходя из этого в своих беседах с сотрудниками ЦРУ я ограничивался общеизвестными деталями дела, которые искаженными и с запозданием появились в прессе. Я не боялся формалиста Даллеса; через несколько лет я был удивлен ошибкой президента Кеннеди, принявшего всерьез планы Даллеса по подготовке авантюры в заливе Кочинос. Другое дело Беделл

Смит. У него были холодные рыбьи глаза и мозг, подобный тончайшему прибору. При нашей первой встрече я представил ему на рассмотрение и отзыв документ из двадцати с лишним параграфов, касавшийся англо-американских военных планов. Он пробежал глазами по страницам и, отбросив документ в сторону, стал детально обсуждать со мной излагавшиеся в нем вопросы, безошибочно ссылаясь по памяти на номера параграфов. Я успевал за ним лишь потому, что вызубривал все утро документ наизусть. Тревожное чувство подсказывало мне, что Беделл Смит сумеет понять, что дважды два - четыре, а не пять. Прошло еще несколько томительных дней. Когда новость появилась в широкой прессе со всеми присущими ей прикрасами, я начал чувствовать себя неловко в обществе. На одном из приемов у посла жена какого-то сотрудника посольства одарила меня презрительным ледяным взглядом. Но Лондон зловеще молчал. Пришла лишь одна телеграмма, в которой говорилось: "есть основания полагать", что я знал Берджесса лично, и не могу ли я пролить свет на его поведение. Но я ожидал от самого шефа телеграмму с грифом "Срочно, расшифровать лично", предлагающую мне выехать в Лондон. Наконец вызов пришел, но в весьма любопытной, наводящей на размышление форме. В Вашингтон прилетал по текущим делам один сотрудник разведки, специализировавшийся на фабрикации дезинформационных материалов. Он нанес мне визит вежливости, во время которого вручил письмо от Джека Истона. Письмо было написано рукой Истона. В нем сообщалось, что вскоре я получу телеграмму с вызовом в Лондон в связи с делом Берджесса- Маклина. Очень важно, чтобы я быстро выполнил требования телеграммы. Хотя смысл этого сообщения был достаточно ясен, форма его поставила меня в тупик. Почему Истон предупреждал меня о предстоящем вызове и почему он написал письмо лично, если приказ так или иначе придет по обычным телеграфным каналам? Вообще в секретной службе часто возникают причины для необычных действий; возможно, была причина и в этом случае. Мне подумалось тогда, что, если бы я отказался от идеи побега, письмо Истона явилось бы для меня сигналом поскорее начать сборы в дорогу.

Через несколько дней пришла телеграмма. Я взял билет на следующий день и приготовился навсегда распрощаться с Вашингтоном. Встретился с Энглтоном, чтобы провести с ним часок в баре. Он, по-видимому, не понимал серьезности моего положения и попросил заняться некоторыми вопросами, представляющими общий интерес, когда я буду в Лондоне. Я даже не стал запоминать их. Затем я нанес визит Даллесу,

который попрощался со мной и пожелал удачи. Следующим в моем списке был Лэдд, с которым мы провели часть вечера. Он, видимо, был искренне озабочен моим затруднительным положением и посоветовал, как избежать неприятностей в Лондоне. Отчасти его озабоченность можно было объяснить Сознанием личной замешанности в деле Берджесса, но в то же время было искреннее чувство, за что я благодарен ему. Каким бы безжалостным ни был Лэдд, он все же был человеком.

Я прибыл в Лондон около полудня и сразу же стал участником весьма странного эпизода. Я вошел в автобус аэропорта и занял место у самой двери. Когда автобус заполнился, на подножке появился какой-то взволнованный тип. Он начал лихорадочно осматривать пассажиров. Посмотрел через мое левое плечо, потом через правое, попытался взглянуть через мою голову и наконец посмотрел мне прямо в лицо. Его физиономия выражала растерянность. Потом он исчез. Это был Бил Бремнер, занимавший довольно высокий пост в административном аппарате СИС. Я понял, кого он искал. Если бы я был от него на расстоянии двух ярдов, а не двух футов, он, конечно, сразу же заметил бы меня. Раньше меня никогда официально не встречали. Учитывая письмо Джека Истона и назначение в качестве "комиссии по встрече" офицера в ранге Бремнера, я не мог пожаловаться, что меня не предупредили. Пока автобус шел в Лондон, красные огни сверкали для меня очень ярко!

Я отправился на квартиру матери и после ленча позвонил Истону. В трубке явственно послышался вздох изумления. После паузы Истон спросил, где я нахожусь. Я сказал ему. Не слишком ли я устал, чтобы сразу прийти в Бродвей? Конечно нет. Иду. Дорогой я с удовольствием думал о том, какая поднялась паника, когда Бремнер сообщил, что я не прибыл. Истон выглядел растерянным, когда я вошел к нему в кабинет. Он сказал, что мой звонок удивил его, потому что он посылал Била Бремнера в аэропорт, чтобы помочь мне. Объяснение было неубедительным, и я почувствовал, что выиграл первый раунд. Он, конечно, не представлял никакой ценности, но чувство победы ободрило меня. Позже мне пришла в голову фантастическая мысль, что Бремнера послали в аэропорт отчасти для того, чтобы МИ-5 не обошла СИС, арестовав меня по прибытии. Дальнейшие события показали, что это предположение в общем было необоснованным, так что я упоминаю о нем шутки ради.

Истон сказал мне, что нас обоих с нетерпением ждет Дик Уайт. Мы поехали через парк к Леконфилд-хаус на Керзон-стрит, где располагалась штаб-квартира МИ-5. Это был первый из

многих допросов, хотя вначале пытались сделать вид, что это не допрос, а беседа. Истон сидел молча, пока Уайт задавал мне вопросы. Роль Истона, по-видимому, заключалась в том, чтобы следить за соблюдением правил справедливой игры. Можно представить, что у меня были некоторые опасения, а собеседники мои были несколько смущены. Я не мог считать Уайта близким другом, однако наши личные и служебные отношения были всегда превосходными, и он, несомненно, с удовольствием воспринял мое назначение вместо Каугилла. Он не умел притворяться, но старался, чтобы наша беседа протекала в дружеской форме. Он сказал, что нуждается в моей помощи: надо разобраться в этом ужасном деле Берджесса-Маклина. Я сообщил ему многое о прошлом Берджесса и свои впечатления о нем, проводя при этом линию, что представляется почти непостижимым, чтобы такой человек, как Берджесс, любивший быть на виду, а не прятаться, к тому же известный двоими неразумными поступками, мог оказаться иностранным и тем более советским разведчиком, от которого требуется самое строгое соблюдение правил конспирации. Я не рассчитывал, что это мнение будет сколько-нибудь убедительным в свете имеющихся фактов, но надеялся создать впечатление, что косвенно защищаюсь против невысказанного обвинения в том, что меня, опытного сотрудника контрразведки, Берджесс обвел вокруг пальца. В отношении Маклина я сказал, что ничего не знаю. Разумеется, я слышал о нем и, возможно, встречал его где-нибудь, но не мог вспомнить даже его лица. Поскольку с 1937 года я встречался с ним только дважды по полчаса, причем оба раза на конспиративной основе, я мог спокойно позволить себе это легкое искажение истины.

Я предложил коротко изложить на бумаге все то, что сказал. Я не исключал, что наша беседа записывалась на пленку, и поэтому хотел иметь письменную запись, чтобы исправить неточности, которые мог зафиксировать микрофон. Когда через несколько дней я пришел на второй допрос, Уайт бегло просмотрел мои записи, а затем перешел к тому, что интересовало его больше всего. Он сказал, что мы можем внести ясность в положение дела, если я расскажу ему о своих отношениях с Берджессом. При этом будет полезно подробно рассказать и о моей собственной карьере. Как было сказано в предыдущей главе, в моей карьере имели место некоторые сомнительные зигзаги, но я постарался объяснить их как можно лучше. При этом я нечаянно проговорился Уайту об одном обстоятельстве, в чем потом горько раскаивался. Однако со временем они наверняка раскопали бы эту деталь, и, может быть,

даже к лучшему, что вначале я сам рассказал о ней.

Вопрос касался моей поездки во франкистскую Испанию, которую я совершил еще до того, как "Таймс" послала меня туда в качестве своего корреспондента. По-видимому, МИ-5 не имела сведений об этой поездке и полагала, что "Таймс" отправила меня в Испанию прямо из своей редакции на Флит-стрит. Когда я рассказал об этом Уайту, он сразу же спросил меня, совершил ли я эту поездку за свой счет или нет. Это был коварный вопрос, поскольку я ездил по заданию советской разведки, которая и оплатила все расходы. Один взгляд на мой банковский счет за тот период показал бы, что у меня не было средств на прогулку по Испании. В этом эпизоде таилась еще одна опасность: дело в том, что мои финансы пополнялись через Берджесса. Я объяснил, что моя испанская поездка была попыткой пробиться в мир большой журналистики, на что я делал большую ставку, и поэтому продал все свои личные вещи (главным образом книги и пластинки), чтобы оплатить путешествие. Это было довольно правдоподобное объяснение. Причастность Берджесса к моим испанским приключениям так и не была вскрыта. Я заранее приготовил версию, но и без того мне предстояло объяснять слишком многое.

Когда я предложил записать нашу вторую беседу, Уайт согласился, но заметил при этом, чтобы я меньше писал о Берджессе и сосредоточил внимание на собственной карьере. Теперь почти все выплыло наружу, и я не удивился, когда меня вызвал шеф. Он сказал, что получил резкое письмо от Беделла Смита, которое исключает возможность моего возвращения в Вашингтон. Позже я узнал, что письмо было подготовлено Биллом Харви, жену которого Берджесс однажды сильно оскорбил на праздничном приеме в моем доме. Я извинился тогда за его поведение, и извинения будто бы приняли, поэтому было трудно понять, почему Билл затаил в душе злобу. Меньше всего я ждал этого от него. Второй вызов к шефу, когда он с видимым огорчением объяснил мне, что я должен подать в отставку, был простой формальностью. Он проявил великодушие, выдав мне вместо пенсии 4000 фунтов стерлингов. Однако моя тревога возросла, когда он тут же добавил, что не выплатит всю сумму сразу. Сейчас мне выдадут 2000 фунтов, а остальные будут выплачивать каждые полгода по 500 фунтов. Предлогом для рассрочки платежа было опасение, что я могу растратить деньги в необдуманных спекуляциях на бирже. Но поскольку я никогда в жизни не спекулировал, этот предлог выглядел наивным. Более вероятной причиной было стремление застраховаться на случай, если в течение этих трех лет меня упрячут в тюрьму.

Итак, я остался с двумя тысячами фунтов в кармане и черной

тучей над головой. Я провел лето в поисках жилья и наконец устроился в деревушке около Рикмен-суорта. Был уже ноябрь, когда мне позвонил шеф и попросил зайти к нему в десять часов утра следующего дня. Я ехал в Лондон прекрасным зимним утром, любуясь инеем, покрывшим изгороди. Шеф объяснил мне, что начато официальное расследование обстоятельств побега Берджесса и Маклина. Расследование возглавляет королевский советник Мильмо, который во время войны работал в МИ-5. Я должен был дать показания; шеф выразил надежду, что я не буду возражать. Упоминание имени Мильмо означало, что приближается кризис. Я знал Мильмо и слышал о нем. Этого опытного следователя МИ-5 обычно привлекала в особо важных случаях. Пока мы ехали с шефом через Сент-Джеймс-парк в Леконфилд-хаус, я готовился к большому испытанию, втайне надеясь, что выдержу допросы, основанные лишь на тех доказательствах, которые мне известны, какими бы трудными они ни были. Но я не мог быть уверен, что в руки Мильмо не попали новые доказательства, которые могут погубить меня.

По прибытии в Леконфилд-хаус меня представила начальнику юридического отдела МИ-5, а затем провели к Мильмо. Это был дородный мужчина с румяным круглым лицом. Слева от него сидел Артур Мартин, спокойный молодой человек, один из главных следователей по делу Маклина. В течение всего допроса он молча наблюдал за мной. Когда я выглянул в окно, он сделал пометку, когда покрутил пальцами, сделал другую. Сухо поздоровавшись, Мильмо перешел на официальный тон и попросил меня воздержаться от курения, поскольку это "судебное расследование".

Разумеется, это был вздор. У меня мелькнула мысль попросить у Мильмо официальное разрешение на допрос или заявить, что штаб-квартира МИ-5 является неподходящим местом для судебного расследования. Но это не соответствовало бы той роли, которую я решил играть, то есть роли бывшего сотрудника СИС, который так же, как и сам Мильмо, очень хочет помочь установить истину о Берджессе и Маклине. В течение почти трех часов я отвечал на вопросы или довольно мягко парировал их, позволяя себе слегка рассердиться лишь в тех случаях, когда делался прямой выпад против меня. Я знал, что бесполезно пытаться убедить в чем-то бывшего сотрудника контрразведки Мильмо, и поэтому видел свою задачу лишь в том, чтобы не делать признания, которого он требовал как юрист.

Я был слишком заинтересованной стороной в допросе, поэтому не могу высказать объективного мнения о профессиональных достоинствах Мильмо. Большая часть

вопросов была уже мне знакома, и мои ответы, подготовленные заранее, оставляли ему возможность лишь кричать. В начале допроса он обнаружил слабость своей позиции, обвинив меня в том, что я доверил Берджессу "личные конфиденциальные документы". Обвинение было настолько абсурдным, что мне не пришлось даже разыгрывать недоумение. Оказалось, во время обыска в квартире Берджесса после его побега был найден мой диплом из Кембриджа. Много лет назад я вложил этот бесполезный документ в книгу. Каждый мог бы сказать Мильмо, что Берджесс был неисправимым в одном деле: он одалживал книги как с разрешения хозяина, так и без такового. Цель обвинения заключалась в том, чтобы показать, что я сознательно принижаю степень своей близости с Берджессом. Это была попытка с негодными средствами, и она в значительной степени укрепила мою уверенность в исходе дела.

Однако Мильмо выложил по крайней мере два непредвиденных козыря, которые показали, что цепь косвенных улик против меня была длиннее, чем я предполагал. Через два дня после того, как информация по делу Волкова достигла Лондона, было отмечено значительное увеличение объема радиообмена по этому делу между Лондоном и Москвой, за которым последовало аналогичное увеличение обмена между Москвой и Стамбулом. Кроме того, вскоре после официального сообщения об утечке информации из посольства в Вашингтоне произошел такой же скачок в объеме радиообмена с Москвой. Взятые в сочетании с другими фактами, эти два момента были изобличающими. Но для меня в роли допрашиваемого они не составили проблемы. Когда Мильмо громовым голосом предложил мне объяснить эти совпадения, я просто ответил, что не могу объяснить их.

Я уже начал уставать, когда внезапно Мильмо сдался. Он попросил меня подождать несколько минут. Меня пригласили в соседнюю комнату; Мильмо исчез, и вместо него появился советник МИ-5 по юридическим вопросам. Он попросил меня сдать паспорт, сказав, что они могли и сами его взять, но что добровольные действия с моей стороны помогут избежать огласки. Я охотно согласился, так как мой план побега, разумеется, не предусматривал использования документов. Мое предложение послать паспорт тем же вечером заказным письмом было отвергнуто, так как считалось слишком рискованным. Со мной послали Джона Скардона, чтобы взять паспорт у меня дома. По дороге Скардон пытался читать мне проповеди о целесообразности пойти навстречу властям. Я испытывал слишком сильное облегчение, чтобы их слушать, но к этому

чувству примешивалось сознание предстоящих больших опасностей.

В течение последующих недель Скардон несколько раз приходил продолжать допрос. Он был исключительно любезен и отличался прямо-таки изысканными манерами, а его внимание к моим взглядам и поступкам даже льстило мне. Это был гораздо более опасный человек, чем неспособный Уайт или шумливый Мильмо. Воспоминание о том, что именно Скардон сумел войти в доверие к Фуксу (а это привело к гибельному исходу), помогало мне не поддаваться его вежливому подходу. Во время нашей первой долгой беседы я обнаружил две маленькие ловушки, которые он ловко и расчетливо подготовил для меня, и сумел избежать их. Не успел я поздравить себя, как мне в голову пришло, что он мог расставить и другие ловушки, которые я не заметил.

Но даже Скардон допускал ошибки. Один из допросов он начал с того, что попросил у меня письменную доверенность на проверку моих банковских счетов. Он мог получить на это законное разрешение независимо от моего согласия. Поэтому я не возражал, зная, что он не найдет в этих счетах никаких признаков незаконных вкладов, потому что их не существовало. Получив мою доверенность, он все же начал расспрашивать меня о моих финансах, и я использовал эту возможность, чтобы хоть как-то дезинформировать его.

Для этого у меня была серьезная цель. Я сумел найти благовидное объяснение для большинства сомнительных моментов в моей карьере, но не для всех. Поэтому там, где не помогала изобретательность, я мог лишь ссылаться на провалы в памяти. Я просто не мог вспомнить то или иное лицо, тот или иной случай. Расспросы о моих финансах предоставили мне возможность подтвердить свою плохую память. Если уж я не мог помнить свои финансовые операции, то вряд ли можно было ожидать, чтобы я припомнил все детали моей светской и профессиональной жизни.

После нескольких таких допросов Скардон перестал приходить ко мне. Он не сказал, удовлетворил ли его исход дела. Просто оно повисло в воздухе. Он был, конечно, убежден, что я скрываю почти все, что имело значение. Я бы многое отдал, чтобы взглянуть на его заключение. Не было сомнения в том, что улики против меня оказались внушительными, но они не были решающими. Однако еще один вызов в Бродвей показал мне, что я ошибаюсь. На этот раз меня допрашивали Синклер и Истон. Было неприятно бесстыдно лгать честному Синклеру; надеюсь, теперь он понимает, что, когда я лгал ему, я так же твердо

защищал свои принципы, как и он. Но дуэль с Истоном доставила мне удовольствие. У меня уже был опыт допросов с Уайтом, Мильмо и Скардоном, поэтому я шел по проторенной дорожке и не думал, что он преуспеет там, где они потерпели неудачу. Так оно и вышло.

Глава XIII.
Тучи рассеиваются.

В течение более чем двух лет меня не трогали, вернее сказать, сохранялось состояние вооруженного нейтралитета. Я не надеялся на то, что мое дело окончательно закрыто, хотя никаких обвинений против меня выдвинуто не было. Я даже сохранил дружеские отношения с некоторыми бывшими коллегами по МИ-5 и СИС. Это было тревожное время. Я располагал двумя тысячами фунтов и перспективой получить еще две и, кроме того, две-три тысячи в виде страховой премии. Надеяться на хорошую работу не приходилось, потому что, куда бы я ни обращался, первым вопросом было, почему я ушел с дипломатической службы. Лучшей возможностью для меня была, пожалуй, журналистика, и мои мысли обратились к Испании, где я начинал свою деятельность. Я был уверен, что сумею вскоре вновь встать на ноги, и полагал, что мой отъезд в Испанию укрепит позиции тех, у кого оставались сомнения в моей виновности. Вряд ли можно было найти другое место, которое в такой степени освобождало бы меня от всяких подозрений. Поэтому я написал письмо Скардону с просьбой вернуть мой паспорт. Он был прислан немедленно без всяких комментариев.

Мое пребывание в Испании было очень коротким. Я пробыл в Мадриде недели три, когда получил письмо с предложением работать в Сити. Жалованье было скромным, но соразмерным моему полному невежеству в коммерческих делах. В течение года я занимался торговлей, разъезжая ежедневно между Рикменсуортом и Ливерпуль-стрит. Я совершенно не подходил для этой работы и даже почувствовал облегчение, когда моя фирма оказалась на грани банкротства из-за опрометчивых действий транспортного отдела, с которым, к счастью, я не имел ничего общего. Хозяева мои только обрадовались, когда я уволился. Потом я зарабатывал на жизнь как свободный журналист. Это было очень трудное занятие, которое требовало большой способности к саморекламе, что никогда не было моей сильной стороной. Мое довольно серое существование несколько оживил любопытный эпизод, который начался с письма от одного консервативного члена парламента от округа Арундель и Харшем, пригласившего меня на чашку чая в палату общин. Объяснив мне, что его самого уволили из министерства иностранных дел, он чистосердечно признался, что ведет войну против министерства в целом и Антони Идена в частности. Его позиция, по его словам,

была неуязвимой, так как он представляет в парламенте один из самых надежных округов в стране, а местная организация консервативной партии пляшет под его дудку. Он слышал, что меня тоже уволили с дипломатической службы, и полагал, что я теперь должен испытывать чувство обиды. Он был бы очень благодарен, если бы я предоставил ему какой-либо материал, позволяющий облить грязью министерство иностранных дел. Он долго распространялся на эту тему, сопровождая взрывами смеха собственные остроты. Я ответил, что понимаю причины, побудившие руководство министерства иностранных дел потребовать моей отставки, и тут же удалился.

Несколько раз в течение этого периода я обдумывал план побега. План был разработан первоначально для американских условий и требовал лишь незначительных изменений. Надо было приспособить его к условиям Европы. В некоторых отношениях осуществить побег было даже проще из Лондона, чем из Вашингтона. Но каждый раз, когда я думал об этом, мне казалось, что крайней необходимости для побега нет. Наконец произошло событие, после которого я выбросил из головы эти мысли. Сложнейшими путями я получил сообщение от моих советских друзей, призывавшее меня не падать духом и предвещавшее возобновление в скором времени связи. Это коренным образом меняло дело. Я не был одинок. Приободрившись, я наблюдал, как собирается очередная буря. Она началась после якобы новых "открытий" по делу Берджесса и Маклина. Флит-стрит снова подняла шум о "третьем человеке", но на этот раз в прессу просочилось мое имя. Поразительно, что в условиях, когда пресса тратила сотни тысяч фунтов на выискивание пустяковых и ложных сведений об исчезнувших дипломатах, ей потребовалось четыре года, чтобы добраться до меня, и то благодаря чьей-то неосторожности. Один из моих друзей из СИС сказал мне, что эту утечку допустил старший офицер полиции, вышедший в отставку. Обоим нам он был известен как болтун. Объяснение казалось довольно правдоподобным, поскольку первыми новость узнали полицейские репортеры. В связи с поисками "третьего человека" "Дейли экспресс" упомянула об "офицере службы безопасности" из английского посольства в Вашингтоне, которому предложили уйти в отставку. Это было явной неточностью. Я никогда не был офицером службы безопасности, но догадка была довольно близкой, чтобы подготовить меня к возбуждению иска о клевете против первой газеты, которая упомянет мое имя.

Вскоре появился первый посетитель с Флит-стрит. Он позвонил мне из Лондона и попросил интервью. Я предложил ему изложить свои вопросы в письменной форме. Через два часа он

позвонил мне со станции, и я решил действовать с ним строго формально, Я заявил, что не скажу ничего, если он не даст мне письменную гарантию, что ни одно слово не будет напечатано без моего одобрения. Я объяснил, что большая часть моих сведений по делу Берджесса-Маклина исходит из официальных источников и что поэтому меня могут обвинить в нарушении закона о государственной тайне, если я буду обсуждать это дело. Позвонив своему редактору, корреспондент удалился с пустыми руками. Но после этого пресса перешла в наступление.

Я должен объяснить, что переехал из Хартфордшира в Суссекс и жил в Кроуборо, на полпути между Акфилдом и Эриджем. По счастливому совпадению я оказался не единственной достопримечательностью в этом округе. В Акфилде в то время жила принцесса Маргарет, а в Эридже - Питер Таунсенд. Репортеры занимались принцессой утром, а Таунсендом - после обеда, или наоборот. В обоих случаях они нападали на меня во время ленча. Это было удачно с двух точек зрения. Во-первых, тот факт, что корреспонденты надоедали мне так же, как и моим великосветским соседям, изменил местное общественное мнение в мою пользу. Мой садовник, здоровый малый, предложил мне проткнуть вилами любого репортера, на которого я укажу. Во-вторых, регулярность визитов репортеров позволила мне избегать их, для чего я просто перевел часы на три часа вперед. Я вставал в пять часов, завтракал в шесть, устраивал ленч в половине десятого, а когда корреспонденты собирались у моего дома, гулял в Эшдаунском лесу. Когда в три часа я возвращался, они уже исчезали. Эта система подвела меня лишь однажды. Одна дама из "Санди пикториал" пробралась в дом в субботу поздно вечером и попросила меня срочно прокомментировать "очень опасную для меня статью", написанную одним "моим другом". Статья должна была появиться на следующее утро. Я отказался читать ее, отказался комментировать и выставил даму из дома чуть ли не силой. На следующее утро я купил "Санди пикториал" и не нашел ни одного слова о себе. "Друг" струсил.

Когда обстановка накалилась, я связался с моими друзьями из СИС. Они убеждали меня не делать никаких заявлений, которые могли бы повредить делу. Правительство обещало провести дебаты по этому вопросу, и было очень важно не обострять обстановку. Они попросили меня, во-первых, согласиться на последний допрос, который проведут не сотрудники МИ-5, а двое моих бывших коллег по СИС, и, во-вторых, снова сдать паспорт. Я согласился на то и другое: сдал паспорт и дважды съездил в Лондон, чтобы ответить на вопросы.

Беседа шла по обычному руслу, что свидетельствовало об отсутствии каких-либо новых улик. Между тем тот факт, что я не пытался бежать в течение такого долгого времени, начал действовать в мою пользу. Постепенно старые следы терялись, и дело было достаточно темным, чтобы сбить с толку любого юриста.

Поскольку я находился в центре внимания, я отменил две встречи с моими советскими друзьями. Но когда наступил день третьей встречи, я решил, что они, вероятно, нуждаются в информации, а мне, конечно, требовалась поддержка. Это заняло целый день. Я выехал из Кроуборо рано утром, в Тонбридже оставил машину на стоянке и отправился поездом в Лондон. На пустынной платформе сел в поезд последним. Сошел на вокзале Ватерлоо и, как следует осмотревшись, поехал на метро до станции "Тотнем-Корт-Роуд". Выйдя из метро, купил шляпу и пальто и часа два бродил по улицам. Перекусив в баре, прибег к испытанному приему: купил билет в кино, занял место в заднем ряду и вышел из зала в середине сеанса. Я был уверен, что за мной нет слежки, но провел еще несколько часов, чтобы окончательно убедиться в этом. Бродил по районам, где никогда не бывал, ехал автобусом, потом снова шел. Через час или два после наступления темноты я отправился наконец к месту встречи. Говорить о том, что там произошло, не стоит. Новость я прочитал в метро. Взглянув через плечо соседа, увидел свое имя в заголовках газеты "Ивнинг стандард". Полковник Маркус Липтон, член парламента от Брикстона, спрашивал премьер-министра, намерен ли он продолжать скрывать сомнительную роль "третьего человека" - мистера Филби (25 октября 1955 года Маркус Липтон сделал запрос премьер-министру Антони Идену, намерен ли он назначить специальную комиссию для расследования обстоятельств исчезновения Берджесса и Маклина. Затем он спросил о деятельности "третьего человека" - Филби. Иден обещал открыть дебаты по этому вопросу, которые и состоялись 7 ноября 1955 года. В ходе дебатов министр иностранных дел Гарольд Макмиллан реабилитировал Филби. - Прим. ред.).

Первой моей реакцией было глубокое разочарование. Липтон пользовался привилегией члена парламента, и я не мог привлечь его к суду. Кроме того, он разбил мою мечту выбить большую сумму денег у одной из газет Бивербрука за клевету. Но пришлось подавить в себе досаду. Надо было действовать. Я временно поселился у матери в Дрейтон-гарденс и от нее позвонил друзьям из СИС: решил сказать им, что больше молчать не могу. Они согласились, что я должен когда-нибудь что-нибудь сказать, но опять убеждали отложить выступление в печати до окончания

дебатов в палате общин.

До дебатов оставалось двенадцать дней. Я отключил дверной звонок и запрятал телефон под гору подушек. Мать не разрешила мне снять дверной молоток исходя из того, что его все равно не слышно. Да это и не потребовалось, потому что репортеры за два дня выворотили его. Кухонное окно пришлось держать занавешенным и днем в ночью, потому что какой-то журналист, заглянувший в него с пожарной лестницы, напугал кухарку. Впрочем, она была храброй женщиной и отлично кормила нас в течение всей осады. Между тем я готовил свое заявление для прессы. Очень многое зависело от того, сумею ли я придать этому заявлению правильный тон. Если не заставлю Липтона взять свое заявление назад, у меня останется один выход - бежать.

Я ждал благоприятного исхода. Мне приходилось бывать на многих пресс-конференциях, и я знал, какой там царит беспорядок, когда все сразу задают вопросы. Для меня было важно сохранить контроль за ходом пресс-конференции хотя бы в течение получаса, чтобы сосредоточить внимание журналистов на заявлении Липтона и представить им абсурдность его чудовищных обвинений. А потом уже неважно, что меня будут спрашивать: все мои ответы были готовы. Простая логика привела меня к заключению, что обвинение Липтона беспочвенно. Я полагал, может быть ошибочно, что если бы он имея веские доказательства, то передал бы их соответствующим властям, вместо того чтобы предупреждать меня публичным выступлением в палате общин. И если бы власти получили такие веские доказательства от Липтона или от кого-нибудь еще, они бы уже приняли меры и арестовали меня. Следовательно, ни Липтон, ни кто-либо другой веских доказательств не имел. Решающим фактором в данной ситуации было бездействие службы безопасности, которая знала по этому делу в десять раз больше, чем публика с Флит-стрит. Поэтому мне нужно было опасаться не прессы, а службы безопасности.

Наступил день парламентских дебатов. Выступая от имени правительства, министр иностранных дел Гарольд Макмиллан сказал, что я исполнял служебные обязанности добросовестно и умело (что соответствовало действительности) и что нет никаких доказательств того, что я предал интересы страны (что буквально было тоже верно). Это заявление окрылило меня. Я снял с телефона подушки и попросил мать говорить всем, кто будет звонить, что смогу принять посетителей в одиннадцать часов утра следующего дня. В течение двадцати минут последовало с полдюжины звонков. Потом стало тихо. Я позвонил знакомому в СИС, чтобы предупредить его о моем предстоящем публичном

выступлении, затем лег спать и проспал девять часов.

Звонок у двери начал звонить в половине одиннадцатого, но, памятуя о необходимости сохранить контроль над ситуацией, я не торопился открывать дверь. Я сказал - в одиннадцать, значит, так и будет - в одиннадцать. Точно в назначенное время я открыл дверь и воскликнул: "Боже мой!" Я ждал с десяток посетителей, а увидел огромную очередь. Казалось невероятным, что все эти люди поместятся в гостиной, но они как-то поместились. Минут пять непрерывно сверкали блицы, потом фотографы исчезли. Когда все уселись, я попросил одного репортера, развалившегося в кресле, уступить место даме, которая жалась около дверей. Он вскочил как ужаленный, а женщина робко уселась. Это был удачный маневр: он помог мне с самого начала сохранить контроль над происходящим.

Об этой пресс-конференции в то время много писали на Западе. Я начал с того, что раздал отпечатанное заявление, в котором говорилось, что в некоторых вопросах я вынужден проявлять сдержанность в своих высказываниях, с тем чтобы соблюсти положения закона о государственной тайне. С этой оговоркой я готов отвечать на вопросы. В одном из первых вопросов был упомянут Липтон, и я ухватился за эту возможность. "А, Липтон, - сказал я, - это как раз подводит нас к самой сути дела". Затем я бросил вызов Липтону, предложив ему представить свои доказательства службе безопасности или повторить свое обвинение вне стен палаты общин. Минут через двадцать несколько журналистов вежливо извинились и поспешили к выходу. "Хорошо, - подумал я, - это, пожалуй, будет в вечерних газетах". Теперь мне стало легче, и я предложил задавать дальнейшие вопросы. Что я думаю о Берджессе? Выл ли я другом Маклина? Чем я объясняю их исчезновение? Где они? Каковы мои политические взгляды? Являюсь ли я "третьим человеком"? Отвечать было легко.

Примерно через час мы перешли в столовую, где было пиво и шерри (к счастью, число гостей сократилось). Репортеры стали относиться ко мне заметно дружественнее. Лишь представитель "Дейли экспресс" проявлял излишнее рвение, и поэтому на большинство его вопросов я злорадно отвечал: "Комментариев не будет!" Впоследствии я узнал, что он в течение одиннадцати лет работал над книгой по этому делу и (цитирую по книге Антони Перди "Берджесс и Маклин") "в течение пяти из них почти ничего другого не делал", поэтому я не виню его за назойливость. Я бы только посоветовал ему пройти двухнедельный курс ведения допроса у Скардона.

Уже прошло время моего ленча, когда ушел последний

посетитель. Сообщения о пресс-конференции в вечерних газетах не оставляли желать лучшего. Вызов Липтону был напечатан черным по белому точно теми же словами, в каких я его высказал. Утренние газеты, вышедшие на следующий день, в общем подтвердили благоприятное впечатление. Один хорошо относившийся ко мне репортер позвонил и поздравил с успешно проведенной пресс-конференцией. Теперь очередь была за Липтоном. В первый вечер Би-би-си сообщила, что он присутствовал на заседании палаты общин, но хранил молчание. На следующий вечер он сдался. Один парламентский репортер передал мне его точные слова и спросил, есть ли у меня какие-либо комментарии. Я попросил его перезвонить минут через пять. Я почувствовал такое облегчение, что в первое мгновение мне захотелось поздравить Липтона с благородным поступком, но решил, что он не заслуживает такого доброго отношения, и ограничился уклончивой формулировкой: "Я думаю, что полковник Липтон поступил правильно. Что касается меня, то инцидент исчерпан". Впервые за две недели я повел мать в местный бар.

Инцидент был действительно исчерпан и оставался таковым в течение семи лет. Пресса бросила меня, как раскаленный кирпич. В свете последующих событий легко обвинять Макмиллана, а вместе с ним и правительство в том, что они выдали мне свидетельство о благонадежности. Но это не их вина. Никто из правительства и особенно из службы безопасности не хотел делать публичное заявление в 1955 году. Доказательства были неубедительными. Нельзя было ни выдвинуть против меня формального обвинения, ни полностью меня оправдать. Им пришлось, тем не менее, открыто высказаться из-за шума, поднятого плохо информированной широкой прессой, а также из-за нелепой ошибки Маркуса Липтона. Особую ответственность за это необычайное фиаско несет пресса Бивербрука. Именно она из-за глупой враждебности Бивербрука к Идену и министерству иностранных дел начала и продолжала всю эту историю, несмотря на грубые просчеты. Было бы интересно сравнить расходы нашей дипломатической службы за рубежом с теми деньгами, которые "Дейли экспресс" потратила в поисках обрывков информации о деле Берджесса-Маклина. Но нет худа без добра. Я должен благодарить Бивербрука за семь лет спокойной жизни и за возможность продолжать дело, которому посвятил свою жизнь.

Несмотря на все эти драматические события, моя работа за рубежом в то время еще не закончилась. С 1956 по 1963 год я был на Ближнем Востоке. Западная пресса опубликовала множество

измышлений об этом периоде моей работы, но пока я оставлю их на совести авторов. Дело в том, что английской и американской спецслужбам удалось довольно точно воспроизвести картину моей деятельности лишь до 1955 года, а о дальнейшей моей работе им, по всем данным, ничего не известно. И помогать им в этом я не намерен. Придет время, когда можно будет написать другую книгу и рассказать в ней о других событиях. Во всяком случае, для советской разведки было небезынтересно знать о подрывной деятельности ЦРУ и СИС на Ближнем Востоке.

Приложение.

Интервью Кима Филби, данное английскому писателю и публицисту Филипу Найтли в Москве в январе 1988 года.

(Впервые опубликовано в лондонской газете "Санди таймс" в марте-апреле 1988 года). ОСТАВШИЙСЯ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ЗАГАДКОЙ.

"Телеграфируйте, пожалуйста, сможете ли приехать в Москву во второй половине января. Филби" - этой телеграммой из Советского Союза завершилась двадцатилетняя переписка между Кимом Филби и журналистом Филипом Найтли, который получил наконец возможность задать несколько вопросов самому, знаменитому разведчику послевоенного периода, ныне генералу КГБ. Публикуя интервью, данное Филби, Найтли дополняет его своими наблюдениями, стараясь представить выдающегося разведчика как противоречивую, но многогранную, чрезвычайно интересную личность.

Когда в 1964 году вышла в свет написанная на базе серии статей, опубликованных в газете "Санди таймс", моя книга под названием "Филби - шпион, который предал поколение", я направил моему герою экземпляр, подписанный мною и моими соавторами - Брюсом Пейджем и Дэвидом Лейчем. Филби прислал в ответ благодарственное письмо.

Это положило начало переписке, которая велась в течение двадцати лет. Она прерывалась лишь однажды, когда я привел в "Санди таймс" выдержку из его письма, свидетельствующую о критическом отношении Филби к книге "Атмосфера измены", разоблачавшей Энтони Бланта. Сам Филби не возражал против ссылок на него, хотя при встрече заметил: "...Если бы я знал, что вы собираетесь печатать мои высказывания, я бы уделил немного больше внимания стилю". Но руководители Филби из КГБ возражали против использования его личных писем, и наша переписка прервалась более чем на год.

Письма Филби написаны в непринужденном стиле, и чтение их нередко доставляло удовольствие. В 1979 году он пожаловался мне, что перебои с доставкой "Таймс" лишили его контактов с Англией: "Признаюсь, я ощущаю пустоту. Мне не хватает некрологов "Таймс", забавных писем, судебной хроники и кроссвордов (15-20-минутная гимнастика для ума за утренним чаем), а также информации и обзоров "Санди таймс" и менее претенциозных разделов литературного приложения "Таймс".

Прежде всего, мне не хватает новостей от лорда Чэлфонта о бегстве его закадычного друга (шаха Ирана) и о бедных

генералах, оставленных им на верную гибель. Насколько я помню, последние сообщения о нем (лорде) поступили из Мексики. Неудивительно, что Лопес Портильо (в то время мексиканский президент) огрызнулся на Джимми Картера".

Он продолжал интересоваться лордом Чэлфонтом, который писал для "Таймс" на военную тематику, когда газета стала поступать регулярно: "Что происходит с отделом внутренней жизни газеты? Если бы не кроссворды и не безумный Чэлфонт, который способен превратить наших "ястребов" в голубей мира, я бы уже отказался от газеты".

Казалось, его очень интересовала английская политическая хроника, особенно новости о Тэтчер; "...Как Вы себя чувствуете под властью этой шумной барышни из Грэнтхема? Да будет известно Би-би-си и другим средствам массовой информации, русские не называют ее "железной леди". Это давно забытая оплошность малоизвестного корреспондента из "Красной звезды".

Время от времени в его письмах встречались подробности о том, что он делает в Советском Союзе. "Возвратившись после нескольких недель пребывания за границей, я обнаружил устрашающую кипу входящих документов в моей папке". Выражение "за границей" интриговало. Имел ли в виду Филби страны социалистического блока? Или бывал в других местах? Если да, то где и в связи с чем? Когда в следующем письме он упомянул о "неделях, проведенных в солнечных краях" и о том, как потягивал виски с содовой и размельченным льдом, о месте его пребывания я, кажется, догадался.

Вскоре после этого я обедал вместе с бывшим генеральным директором СИС Морисом Олдфилдом и задал ему эти вопросы. "Нигде он не был, - ответил Олдфилд. - Знает, что мы будем читать его письма к вам, и хочет сыграть с нами злую шутку, хочет, чтобы мы бросились искать его повсюду, растрачивая впустую наши силы и средства. Ким всегда был мастером интриги".

Два года назад, узнав, что Филби болен, я направил ему предложение, если, конечно, это возможно, рассказать о своей жизни перед телевизионной камерой. Филби ответил отказом, заявив, что не выносит телевидения: "У меня снобистское отношение к тележурналистике и фотографиям. Жужжание камер и вид проводов, согнувшиеся в три погибели, снующие взад-вперед человечки - все это нарушает торжественность происходящего".

Я настаивал. Написал ему из Индии, что буду в Москве в начале ноября, и предложил встретиться. Ни ответа, ни встречи не последовало. Однако 25 ноября, уже будучи в Лондоне, я

получил от Филби письмо:

"Дорогой Найтли, Ваше письмо из Индии шло шесть недель, так что о возможности поговорить с Вами за бокалом вина я узнал слишком поздно.

Однако если Вы еще не передумали, я полагаю, мы сможем встретиться для настоящего разговора в не столь отдаленном будущем. Приглашение для Вас и Вашей жены приехать на несколько дней в Москву будет, вероятно, направлено в виде телеграммы. Напоминаю, что Вы должны приехать без телевизионной техники и магнитофонов. Только Ваша жена, Вы и Ваш блокнот - в таком порядке.

Осталось обговорить кое-какие детали. Я очень дорожу своим уединением и не хочу, чтобы, открыв на Ваш звонок дверь, обнаружил вместе с Вами весь журналистский корпус Москвы.

Кроме того, утечка информации о действительной цели Вашей поездки в Москву поставила бы под вопрос все предприятие.

Наконец, могу я поблагодарить Вас за терпение и любезность, с которыми Вы вели эту переписку?

Большой привет и мои наилучшие пожелания Вашей жене. Филби".

Когда пришла телеграмма с приглашением, я представил ее в советское посольство в Лондоне и быстро получил визу для себя и для жены.

Мы прибыли в Москву вечером 18 января и проследовали в гостиницу "Белград". Не прошло и 20 минут, как зазвонил телефон. Это был Филби. Он сказал, что если мы выйдем в холл гостиницы минут через 25, то там нас встретит его сосед.

Сосед оказался крупным, веселым человеком, одетым в черное кожаное пальто. Он-то и должен был сопровождать нас к Филби.

Последовала долгая и путаная езда по морозным улицам Москвы, закончившаяся в узкой, обледеневшей улочке, из которой, казалось, существовал лишь один выход. В солидном, довоенной постройки, жилом доме лифт оказался архаичным. "Как-то вечером два генерала, которых я принимал у себя, застряв, просидели в нем несколько часов", - шутил позднее Филби.

Остановились на шестом этаже перед обитой дверью. Владимир позвонил. Недолгая заминка, пока нас изучали в глазок, и вот уже Филби собственной персоной протягивает нам руку, улыбается, представляет свою жену, принимает у нас пальто, каждой клеточкой излучая очаровательное английское гостеприимство.

- Проходите, дорогой, - говорит он, провожая меня в гостиную. - Устраивайтесь поудобнее. Что будете пить?

Ким Филби живет в роскоши. Говорят, квартира у него одна из лучших в Москве. Некогда она принадлежала высокому должностному лицу из министерства иностранных дел. Вскоре после приезда Филби в Москву это должностное лицо переехало в новый дом, и КГБ предложил ее своему выдающемуся разведчику.

- Я сразу ухватился за нее, - рассказывал Филби. - Хоть она и расположена в центре Москвы, но здесь так тихо, будто ты за городом. Окна смотрят на восток, на запад и юго-запад, так что я целый день ловлю солнце.

Он не сказал, что квартира идеально расположена и с точки зрения безопасности: подъезд к дому затруднен, вход легко контролируется. В списках абонентов номер его телефона не значится, почта поступает через абонементный ящик на Главпочтамте. Обычно он забирал ее сам, но с тех пор как западный репортер, в течение двух дней следивший за его ящиком, подошел к Филби на улице, почту для него забирает жена.

Из большой прихожей коридор ведет в супружескую спальню, спальню для гостей, туалетную комнату, ванную, кухню и большую гостиную шириной почти во всю квартиру. Из гостиной виден просторный кабинет.

В кабинете стоит письменный стол, секретер, пара стульев и огромный холодильник. Турецкий ковер и шерстяной палас покрывают пол. На книжных полках, занимающих три стены, размещена библиотека Филби, насчитывающая 12 тысяч томов.

Специальная секция отведена для книг о шпионаже - как документальных, так и художественных. Среди документальных - "Охотник за шпионами" (по словам Филби, ее подарил ему Грэм Грин), "Человек, который хранил секреты: Ричард Хелмс и ЦРУ", "История британской секретной службы", "Совершенно секретно. Для ограниченного пользования", "Хранители лжи", "Атмосфера измены" и "Антология шпионских историй".

Из художественной литературы на эту тему Филби читает Алана Уилъямса (героем одной из его книг является сам Филби), Лена Лаптопа, Джона Ле Карре и Грэма Грина (у него собраны все книги Грина). Есть, несколько детективных романов Дика Фрэнсиса.

Над письменным столом висит большая фотография отца Кима Гарри Джона Бриджера Филби, известного арабиста, а под ней в аккуратненъкой рамке две страницы рукописи Филби-старшего, демонстрирующие его невероятно мелкий почерк. Здесь же висят две большие, фотографии Че Гевары.

Стол освещается старинной лампой. На столе привычные орудия труда писателя - портативная пишущая машинка, стаканчик, с карандашами и ручками, точилка для карандашей, календарь и несколько стопок бумаги, а рядом старые номера "Таймс" и свежий номер "Индепендент".

Кабинет - это то место, где Филби работает.

- Знаете, - говорит он, - со времени своего приезда я только дважды был на Лубянке: однажды читал там лекцию, а второй раз уж и не помню, по какому поводу.

В гостиной стоит прекрасный обеденный стол испанской работы, подаренный Филби его другом Томми Хэррисом, торговцем произведениями искусства и антикваріатом, который был следователем в МИ-5. В комнате стоит также небольшой диван, несколько кресел и горка для посуды, в которой выставлен прекрасный сервиз английского фарфора. Стены украшают несколько гравюр, шкуры животных и пара старинных пистолетов.

Филби платит за свою квартиру 80 рублей в месяц, включая отопление и электричество. Кроме того, у него есть дача за городом, на которой он живет летом.

Я спросил Филби, нет ли в его кабинете, где мы в основном вели беседы, подслушивающей аппаратуры. Он ответил:

- Не имею ни малейшего представления, да меня это и не интересует. Однако мне это кажется маловероятным. Нет смысла подслушивать, если вы только не собираетесь прослушивать магнитофонные записи или читать их отпечатанными на машинке. Для этого потребовалось бы огромное количество людей.

Мне стоило немалого труда убедить его показать свои награды. У него есть орден Ленина, Красного Знамени, Дружбы народов, Отечественной войны I степени, а также венгерские, болгарские и кубинские награды.

Орден Золотого меча (венгерский) наиболее эффектный (о том, как он выглядит, говорит само название), но Филби больше всего гордится орденом Ленина.

- Он соответствует одной из степеней Рыцарского ордена,- сказал мне он.

Во время нашей первой беседы за бокалом вина я отметил, что Филби хорошо выглядит для своих 76 лет. Я видел фотографии, сделанные членами его семьи два или три года назад, на которых он кажется очень больным - излишне полный, с одутловатым лицом, старше своих лет. Но сейчас передо мной сидел другой человек - подтянутый, энергичный, искрящийся юмором.

- Я прекрасно себя чувствую, - сказал он, - и это одна из причин, по которой я согласился с вами встретиться. Ходят слухи, зародившиеся почему-то в Канаде, о том, что КГБ меня покинул, что я нахожусь в стесненных обстоятельствах и стремлюсь вернуться в Великобританию. Я хочу, чтобы вы сами убедились, насколько это не соответствует действительности. А теперь не начать ли нам работать?

Я сказал, что предпочел бы отдохнуть вечером и начать работу завтра. Я был, видимо, прав.

- Хорошо, - согласился Филби и добавил: - Мне нравятся люди, которые умеют хорошо проводить время.

К серьезной работе мы приступили на следующий день. И, разумеется, сразу возникли проблемы. В какой степени то, что он сообщал мне, было просто человеческой исповедью, а в какой степени рассказом сотрудника, состоящего на службе у КГБ? Что из этих сведений было информацией, а что дезинформацией? Правда, Филби всячески старался убедить меня в том, что наша встреча не санкционирована КГБ.

- Им пришлось согласиться, - сказал Филби. - Они говорили, что если я хочу побеседовать, то почему бы не организовать встречу с Грэмом Грином. Однако я заметил, что Грин - мой бывший коллега по британской секретной службе и друг, а мне хотелось бы побеседовать с человеком нейтральным.

Многое из того, что рассказал мне Филби, нельзя проверить, не имея доступа к архивам СИС, МИ-5, ЦРУ, ФБР и КГБ, что представляется в высшей степени маловероятным, поэтому при чтении необходимо помнить о данном предупреждении. Но стоит ли вообще привлекать внимание к Филби? Зачем рекламировать человека, признавшего себя шпионом? А затем, что, не поняв мотивов и причин, побудивших Филби и ему подобных встать на этот путь, мы не извлечем никаких уроков.

И поскольку даже для такого специалиста по мистификациям, как Филби, оказалось невозможно в течение шести дней ничего не рассказать о себе, эти беседы позволяют составить наиболее полный портрет представителя английского истэблишмента, изменившего своей стране и своему классу и оставшегося до настоящего времени загадкой. О ДНЯХ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ИСЧЕЗНОВЕНИЮ.

Москва, 19 января 1988 года. Половина восьмого вечера. Ким Филби, одетый в старые серые брюки, клетчатую рубашку, светло-голубой свитер и комнатные туфли, приносит два хрустальных бокала для шампанского. Мы находимся в гостиной его просторной квартиры, где накрыт стол. На столе красная и черная икра, севрюга, семга, ветчина и шпроты, сельдь и огурцы, черный

и белый хлеб, холодный ростбиф, жареный картофель и египетские апельсины. Тарелки поставлены на салфетки, на которых изображены виды Лондона, включая по иронии судьбы башни лондонского Тауэра - традиционного места казни государственных преступников.

Из спиртных напитков имелись виски "Джонни Уокер", грузинское вино - красное и белое - и русское шампанское. Для тоста Филби выбрал шампанское.

- Сегодня двойной повод для торжества, - сказал он, наполняя бокалы. - Во-первых, вы единственный западный журналист, которого я пригласил к себе домой. Во-вторых, через несколько дней исполнится 25 лет, как я приехал в Советский Союз.

Бейрут, 23 января 1963 года. 19 часов 30 минут. Ким Филби, корреспондент газеты "Обсервер" и журнала "Экономист" по Ближнему Востоку, должен заехать за женой Элеонорой, чтобы отвезти ее на прием, который устраивает первый секретарь посольства Великобритании Глен Балфур Пол. Но раздается телефонный звонок, и ей сообщают, что вначале Филби зайдет на почту и отправит телеграмму, а с ней встретится на приеме.

Элеонора, которая привыкла к специфике журналистской работы мужа и знала о принадлежности Филби к разведывательной службе Великобритании, но не подозревала о его связях с КГБ, идет на прием одна. Филби на приеме так и не появился. На следующий день она получает письмо, в котором Филби сообщает, что ему необходимо отправиться в длительную поездку по репортерским делам. Жене он оставил 2000 фунтов стерлингов наличными.

Об исчезновении Филби сообщалось удивительно мало. Только 29 марта Эдвард Хит от имени министерства иностранных дел сделал заявление об этом. В начале июня британской разведке становится известно, что Филби в Москве, но английская общественность узнала о его местопребывании лишь 30 июня, когда газета "Известия" сообщила, что он попросил политического убежища в Советском Союзе.

Найтли: Расскажите о последних днях, предшествовавших вашему исчезновению. Почему вы скрылись? Вас предупредили?

Филби: Для того чтобы вы поняли, чем я занимался в Бейруте, придется вернуться в прошлое. После дела Берджесса-Маклина я был уволен из СИС. Для меня наступили довольно трудные времена - об этом поговорим позднее. Но у меня остались друзья, которые верили в мою невиновность. В конце концов Николас Эллиотт и Джордж Янг (мои коллеги по СИС) подыскали для меня работу в Бейруте. Там я должен был работать на СИС под прикрытием корреспондента по Ближнему Востоку

изданий "Обсервер" и "Экономист".

С газетой "Обсервер" возникло недоразумение. Эллиотт заверил меня, что обговорил с Дэвидом Астором (в то время редактор "Обсервер") мое прикрытие, но Астор позднее заявил, что ничего об этом не знал. Так что судите сами.

Однако настоящая проблема состояла вот в чем. В ноябре 1962 года я написал Астору, что хотел бы побывать дома. Мне необходимо было заняться решением ряда семейных проблем. Я спросил его, можно ли будет это сделать в июле. Он ответил, что это его вполне устроит и что я могу действовать в соответствии со своими планами.

Другими словами, в июле 1963 года я планировал быть в Лондоне, в пределах досягаемости для британского суда и секретных служб, если бы они вдруг захотели со мной разделаться. Однако руководство СИС решило направить Эллиотта в январе в Бейрут для личной встречи со мной.

Найтли: Возможно, Астор не сообщил СИС, что вы собираетесь приехать в июле? Он ведь отрицал, что был осведомлен о вашем прикрытии.

Филби: Конечно, все возможно. Но Астор никому не должен был этого говорить. К этому времени уже многие меня подозревали, поэтому сотрудники МИ-5 наверняка контролировали мою корреспонденцию. Должны были прочитать они и мое письмо Астору. Нет, тут что-то не так. СИС было известно, что я через несколько месяцев приеду в Лондон, и все-таки ее руководители приняли решение заняться мною в Бейруте. Вопрос - почему?

Эллиотт, близкий друг Филби, привез с собой веские доказательства его измены. Сотрудник КГБ Анатолий Голицын, перебежавший на Запад, в Хельсинки, в декабре 1961 года, предоставил информацию, наводившую на Филби. Но самые веские доказательства поступили от Флоры Соломон, старой приятельницы Филби, служившей в фирме "Маркс энд Спенсер". Во время своей поездки в Израиль в 1962 году она случайно встретилась с лордом Ротшильдом. Она была очень сердита на Филби за то, что он, по ее словам, посылал из Бейрута антиизраильские сообщения, поэтому рассказала Ротшильду о том, что Филби коммунист, что он пытался завербовать ее для "важной работы в защиту мира". Ротшильд, хорошо знавший Филби и служивший во время войны в МИ-5, организовал встречу Соломон с ее представителями. (Позднее с ней побеседовала израильская разведывательная служба Моссад.) В Бейруте Эллиотт ознакомил Филби с новыми доказательствами его вины и предложил освободить его от судебного преследования в обмен

на признание. Филби попросил предоставить ему время поразмыслить.

Найтли: Вы согласны с тем, что в конечном счете причиной вашего разоблачения послужили именно разоблачения Флоры Соломон, сделанные Виктору Ротшильду?

Филби: Да, и это оказалось до некоторой степени неожиданно. Я с детства знал Флору. Она была другом нашей семьи. Вновь я встретился с ней, когда вернулся из Вены. К этому времени я уже работал с русскими и в соответствии с инструкциями моего руководства создавал видимость, что симпатизирую фашистским идеалам. Иногда я замечал, как Флора искоса смотрит на меня, словно говоря, что прекрасно понимает, о чем я думаю. Видите ли, она твердо придерживалась левых убеждений, но позднее, став произраильски настроенной, она, очевидно, очень изменилась.

Найтли: Почему вы не согласились принять предложение Эллиотта, которое освободило бы вас от судебной ответственности?

Филби: Припять его не представлялось возможным. Мне было предложено рассказать все, что я знаю о КГБ, назвать лиц, все еще работавших в Великобритании. Эллиотт упомянул несколько имен, и некоторые очень встревожили меня. Стало очевидно, что соглашение может быть аннулировано в любой момент, если я откажусь назвать кого-либо. Пойти на такую сделку я не мог.

По моему мнению (а оно совпадает с мнением моего руководства в Москве), то обстоятельство, что встреча состоялась в Бейруте, а не в Лондоне и что мне было сделано заведомо неприемлемое предложение, свидетельствует о намерениях английских спецслужб подтолкнуть меня к побегу, ибо в это время британское правительство меньше всего хотело, чтобы я оказался в Лондоне, чтобы разразился скандал и состоялся сенсационный судебный процесс.

Имеются данные, которые дают основания полагать, что такое толкование событий правильно. С тех пор как Филби после бегства Берджесса и Маклина в 1951 году впервые попал под подозрение, СИС боролась за то, чтобы сохранить свои особые отношения с ЦРУ. Если бы Филби было разрешено вернуться в Великобританию, его бы арестовали и судили и СИС вынуждена была бы признать, что, уволив Филби по серьезному подозрению, впоследствии вновь приняла его на работу и послала в Бейрут. И, что еще хуже, сделала это, не проинформировав ЦРУ.

Более того, в этот период консервативное правительство Гарольда Макмиллана подверглось острой критике в связи с целой серией скандалов, связанных с безопасностью. В памяти

общественности было свежо дело Джорджа Блейка, сотрудника СИС, приговоренного к 42 годам тюремного заключения за шпионаж в пользу русских. 13 ноября 1962 года было объявлено о создании специального трибунала для расследования дела Джона Вэссела, занимавшегося шпионажем в стенах военно-морского министерства. В декабре была приговорена к двум годам тюремного заключения за передачу сведений своему любовнику - югославу старший сотрудник Центрального информационного управления. Дело Филби могло стать той последней каплей, которая решила бы судьбу подвергавшегося нападкам правительства.

Однако следует обратить внимание еще на одно обстоятельство в рассказе Филби о сделанном ему предложении. Он подчеркнул, что ряд имен подозреваемых, перечисленных Эллиоттом, встревожил его. Другими словами, британские службы в своих подозрениях в отношении этих людей не ошибались. Если это были агенты, позднее разоблаченные, как, например, Блант и Блейк, Филби, вероятно, не стал бы упоминать об этом факте. Но, упомянув о нем, он тем самым посеял подозрения, что из встревоживших его лиц не все были раскрыты и некоторые действуют до сих пор.

Найтли: Сообщалось, что Эллиотту не удалось заставить вас говорить, потому что вы были предупреждены о его прибытии и у вас было достаточно времени подготовиться к встрече. Некоторые утверждают, что предупреждение поступило от Холлиса (Роджер Холлис, бывший генеральный директор МИ-5, подозреваемый Питером Райтом и другими в том, что он хорошо законспирировавшийся советский агент).

Филби: Никакого предупреждения я не получал. Дело в том, что в течение 12 лет я готовился к подобной ситуации, так как знал: провал может произойти в любой момент. И когда этот день пришел, что мне оставалось делать? Говорили, что я колебался, но это неправда. Просто я задержался и немного выпил, чтобы показать окружающим, что ничего непредвиденного не произошло, и потратил немного времени, чтобы удостовериться, что пути для отступления по-прежнему надежны. А там - ищи ветра в поле. Как могли меня остановить? В Бейруте у меня были не только враги, но и друзья.

Найтли: Я встречал людей, которые говорили, что они могут простить вам политическую измену, но не личную. Что вы можете сказать о тех, кого оставили там, - о семье и друзьях, которые доверяли вам? Какие чувства вы испытывали по отношению к этим людям? Правда ли, что один человек написал вам из Бейрута: "Все это время вы, должно быть, исподтишка смеялись

над нами"?

Филби: Да, это написал американец Майлс Коупленд. Но это неверно. Я не смеялся над ними. Для меня всегда существовало как бы два плана - личный и политический. Когда они сталкивались, приходилось выбирать политику. Такое столкновение бывает очень болезненным. Мне не нравилось обманывать людей, особенно друзей, и вопреки бытующему у некоторых мнению я всегда очень переживал, когда вынужден был это делать. Но переживают и солдаты, если они порядочные люди, когда на войне им приходится убивать.

Найтли: Итак, вы уехали из Бейрута в Россию. Как вы это сделали? По морю или по суше?

Филби: Это вопросы оперативной деятельности КГБ, которые я не имею права обсуждать.

Тот факт, что британскому правительству потребовалось целых два месяца для того, чтобы сообщить об исчезновении Филби, и что о нем было объявлено не раньше начала июня, когда стало известно, что он находится в Москве, способствовал появлению многочисленных гипотез о маршруте его побега. Но его утверждение, что в январе этого года (почти наверняка 27 января) исполняется 25 лет с момента его прибытия, в Советский Союз, означает, что прибыл он туда через несколько дней после бегства из Бейрута, а не через несколько недель или месяцев. Вероятно, самая правильная версия лежит на поверхности. В ночь на 23 января в бейрутской гавани находилось советское грузовое судно, которому понадобилось не менее пяти дней, чтобы добраться до ближайшего советского порта на Черном море.

Найтли: Вас вывезли на советском грузовом судне?

Филби: Не имеет значения, как я добрался до Советского Союза. Это несущественно. Но я хочу, чтобы вы записали поточнее, что произошло по прибытии сюда. Представьте себе разгар зимы, пять часов утра, небольшой пограничный пост. Стол, несколько стульев, печка, которая топится углем. На печке кипит чайник, в воздухе плавает табачный дым. Меня ждут три или четыре милиционера и сотрудник госбезопасности, знающий английский. Его специально прислали из Москвы, чтобы встретить меня.

По завершении формальностей я извинился за свое прибытие. Сказал, что хотел остаться на Западе и продолжать работу, но попал в слишком затруднительное положение. Мой коллега из Москвы, должно быть, заметил, что я чересчур нервничаю. Он положил мне руку на плечо и произнес слова, которые я до сих пор помню: "Ким, ваша миссия закончена. В нашей службе существует правило: как только тобой начинает интересоваться

контрразведка - это начало конца. Нам известно, что британская контрразведка заинтересовалась вами в 1951 году. А сейчас год 1963-й - прошло 12 лет. Дорогой Ким, за что же вы извиняетесь?"

Найтли: Итак, вы, полковник КГБ, приехали домой, в Москву?

Филби: Да, и какое-то время все шло чудесно. Напряжение, которое я испытывал все эти годы, исчезло, я должен был проделать массу интересной работы - записать все, что мне было известно, все, что я пережил. Свои воспоминания и эмоции я излил на бумаге. На это у меня ушло что-то около трех лет. Теперь история моей жизни и деятельности в качестве сотрудника разведки хранится где-то в архивах КГБ. Это было действительно хорошее время, я прекрасно себя чувствовал, работа доставляла мне удовольствие.

Потом, примерно году в 1967-м, положение изменилось. Зарплату я получал регулярно, как и прежде, но работы становилось все меньше. Создавалось впечатление, что в КГБ не представляют, каковы мои потенциальные возможности. Я почувствовал разочарование, впал в депрессию, ужасно пил и, что еще хуже, начал сомневаться, правильно ли я поступил. Видите ли, я никогда ничего не принимал на веру.

По иронии судьбы (возможно, это типично для запутанного мира секретных служб) в то самое время, когда западные разведывательные агентства были обеспокоены тем, какую серьезную угрозу представляет собой находящийся в Москве Филби (ходили слухи, будто он руководит британским отделом КГБ), он пребывал в бездействии.

Найтли: Возможно, в КГБ считали, что к этому времени ваши знания устарели?

Филби: Бессмысленно вообще говорить, что знания в области разведки устаревают. Даже сегодня мое мнение по некоторым вопросам ценится весьма высоко у меня сохранился инстинкт, ощущение ситуации.

Найтли: А сомнения?

Филби: Сомнения - вещь ужасная. Благотворно повлияла на меня встреча с Грэмом Грином, произошедшая несколько лет назад. Впервые за долгие годы нашей дружбы мы смогли откровенно говорить друг с другом. Обсудили вопрос о сомнениях, имевший такое большое значение для нас обоих. О тех сомнениях, которые беспрестанно испытывали мы оба: он - как католик, я - как коммунист.

Пытаясь преодолеть это состояние, я начал путешествовать. Объехал весь Советский Союз, но мне не стало легче. Не знаю, как долго продолжались бы мои сомнения и депрессия, если бы в 1970 году все не начало меняться в лучшую сторону: я встретил

женщину, которую ждал всю жизнь - я встретил Руфу. КАК ВСЕ ЭТО НАЧИНАЛОСЬ.

Найтли: Когда вас завербовали русские? Кто конкретно вас вербовал? Расскажите о кембриджской шпионской группе.

Филби: Кембриджской группы не существовало. Это чепуха, выдуманная журналистами и авторами книг о шпионах. Я начал работать с русскими не в Кембридже. То же самое следует сказать о Берджессе и Бланте. В отношении Маклина я точно не знаю, но сомневаюсь в этом.

Теперь о том, как все это начиналось. Когда я был девятнадцатилетним студентом, я старался сформировать свои взгляды на жизнь. Внимательно осмотревшись, я пришел к простому выводу: богатым слишком долго чертовски хорошо живется, а бедным - чертовски плохо и пора все это менять.

Английские бедняки в то время считались фактически людьми низшего сорта. Я помню, как бабушка говорила мне: "Не играй с этими детьми. Они грязные, и ты можешь что-нибудь от них подцепить". И дело было не только в недостатке денег. Дело в том, что им недоставало еды. Я да сих пор горжусь тем, что внес свой вклад, чтобы помочь накормить участников голодного похода, когда они проходили через Кембридж.

Как только я пришел к выводу, что мир устроен чертовски несправедливо, передо мной встал вопрос о том, каким образом можно изменить создавшееся положение. Я заинтересовался проблемами социализма. К этому времени я уже был казначеем общества социалистов Кембриджского университета и выступал в поддержку лейбористов во время предвыборной кампании 1931 года.

Свою речь на предвыборных митингах Филби начинал словами: "Друзья мои, сердце Англии бьется не в дворцах и замках. Оно бьется на фабриках и фермах". Лейбористы потерпели тогда сокрушительное поражение, а премьер-министр Рамсей Макдональд вышел из партии, чтобы остаться на посту главы правительства, опирающегося на поддержку консерваторов и либералов. Этот шаг расценивался многими сторонниками лейбористской партии как предательство дела социализма.

Филби: Эти события заставили меня расстаться с иллюзиями, однако я полагал, что это скорее поражение британских левых сил, нежели поражение левых сил вообще. Поэтому, когда в Кембридже наступили каникулы, я отправился в путешествие по Европе, чтобы посмотреть, как обстоят дела у левых в других странах.

Их положение было столь же незавидным. В Германии подскочил уровень безработицы и с рабочим классом обращались

так же плохо. Социал-демократы не производили сильного впечатления. Как и лейбористы в Великобритании, они, кажется, в критические моменты замыкались в себе. Однако существовала прочная база левых сил - Советский Союз, и я полагал, что должен внести свою лепту в то, чтобы эта база продолжала существовать во что бы то ни стало.

В последний день моего пребывания в Кембридже летом 1933 года я решил стать коммунистом. Но я не знал, как это осуществить, поэтому обратился к преподавателю марксистской экономики Морису Доббу, которым восхищался. Добб дал мне рекомендательное письмо к коммунистической группе в Париже, действовавшей совершенно открыто. Они в свою очередь связали меня с нелегальным коммунистическим движением в Вене. В Австрии складывалась критическая ситуация, и нелегальным организациям были необходимы добровольцы. Я помогал вывозить из страны разыскиваемых полицией социалистов и коммунистов.

Рассказ Филби о его пребывании в Вене отличается от общепринятой версии. До настоящего времени считалось, что он жил в доме польского еврея Исраэля Кольмана, состоял в любовной связи с его дочерью Литци, на которой впоследствии женился, и именно ею был втянут в кровавую схватку двух идеологий - фашизма и коммунизма. Согласно общепринятой версии или Литци или венгерский коммунист Габор Петер завербовали Филби для работы на русскую разведку.

Филби: Моя деятельность в Австрии, видимо, привлекла внимание моих теперешних коллег, потому что сразу же по возвращении в Великобританию, весной 1934 года, со мной установили контакт и поинтересовались, не хочу ли я поступить на службу в советскую разведку. Это предложение я принял не колеблясь.

Найтли: Кто это был?

Филби: По оперативным соображениям я не назову его имени, однако замечу, что он не был русским, хотя и работал на русских. Он сказал мне, что восхищен моим решением. Вопрос состоял теперь в том, как наилучший образом меня использовать. Мне не нужно было отправляться в путь, чтобы погибать где-то на чужих поля сражений или писать военные корреспонденции в "Дейли уоркер". Меня ждали более важные битвы, которые предстояло выдержать, однако для этого требовалось проявить терпение. В течение последующих двух лет мне не давали практически никаких заданий - проверяли мою решимость.

Найтли: Вы знали Берджесса, Маклина и Бланта по Кембриджу - двое из них были вашими друзьями. Очевидно,

поэтому люди решили, что существовала некая кембриджская разведывательная группа?

Филби: Но я знаю, что Берджесс и Блант начали работать с русскими и не в Кембридже, а позже. Я не знал Маклина до войны, но сомневаюсь, чтобы он начал работать в Кембридже. Так что идея существования кембриджской группы не выдерживает критики, но она породила массу нелепостей.

Люди годами искали вербовщика. Если существовала разведывательная группа в Кембридже, то почему бы не быть ей в Оксфорде?

Неужели им никогда не приходило в голову, что кто-то, уже работавший с русскими, мог просто поговорить с другом, а затем порекомендовать его, как я в свое время рекомендовал Берджесса.

Если рассказ Филби правдив, то он дает ответ на один часто задававшийся вопрос; если советские чекисты столь активно действовали в Кембридже, то почему никто не заявлял: "Русские попытались завербовать меня, но я дал им отпор"? Теперь ответ будет таков: никто и не мог сказать, что его пытались завербовать русские спецслужбы, потому что тот, кто делал это, просто осторожно зондировал почву во время бесед. И если его предложение отвергали, то дружеские отношения не позволяли сообщить о случившемся. В заявлении Филби содержится намек на то, что он и был тем человеком, который рекомендовал не только Берджесса, но и остальных, однако это всего лишь догадка.

Найтли: Давайте внесем в этот вопрос ясность. Не существовало никакой кембриджской группы, никакой кембриджской ячейки Коминтерна? Потому что, если то, что вы говорите, верно, тогда вся охота за пятым человеком была напрасной тратой времени. Если не существовало ячейки Коминтерна, то откуда мог взяться пятый человек?

Ячейки Коминтерна обычно состояли из пяти членов. Филби, Блант, Берджесс и Маклин были выявлены, но возникал вопрос: кто пятый? Охота за ним продолжалась в течение тридцати лет.

Филби: Мы не были ячейкой Коминтерна. Мы начали работать по отдельности и действовали по отдельности. Связь с нами осуществлял Берджесс - единственный, кто знал всех.

Найтли: Значит, Берджесс был вашим руководителем?

Филби: Пусть будет так, если вам угодно.

Найтли: Но мне известно, что по крайней мере один бывший руководитель секретной службы считает, что вы достались КГБ по наследству от Коминтерна, где отвечали за работу ячейки "любителей, руководствовавшихся высокими идеями".

Филби: Никакой ячейки Коминтерна не существовало. А

"любителями" мы были только в том смысле, что нам не платили за нашу работу.

Найтли: Когда вы узнали, что Блант, Берджесс и Маклин тоже работают на русских?

Филби: Берджесс написал мне, кажется в 1934 году, о своем решении, и я поздравил его. С Маклином я встречался только один раз в 30-е годы. Потом я встретился с ним в 1940 году, когда вернулся из Франции. (Филби находился там в качестве военного корреспондента газеты "Таймс"). После падения Парижа я потерял контакт с русскими, и в Англии мне пришлось снова его устанавливать.

К этому времени я уже знал о работе Маклина, поэтому попросил его о помощи. Я встречался с ним дважды. В первый раз он, как и подобало, проявил осторожность: выслушал меня и назначил вторую встречу. На этой встрече он согласился оказать мне помощь.

Мне не было известно, что Блант работает на русских, до 1941 года, и, когда он однажды подошел ко мне, я ужасно перепугался. А он напрямик сказал: "Я знаю, чем вы занимаетесь. Что ж, я делаю то же самое". По какой-то причине он потерял связь и нуждался в помощи для ее восстановления. Я проверил сказанное им и сумел помочь ему.

Найтли: У меня сложилось впечатление, что вам ближе всего был Блант. Вы получали какие-нибудь известия от него после приезда в Москву?

Филби: Я был потрясен тем, как г-жа Тэтчер изобличила Бланта в парламенте. (В 1979 году премьер-министр подтвердила домыслы прессы о том, что Блант, бывший смотритель королевских картин, являлся советским агентом, в чем он покаялся в 1964 году и был освобожден от судебной ответственности.) Мне трудно понять, почему она это сделала. Руководство МИ-5, вероятно, пришло в ужас. Этот шаг привел к обратным результатам. Одним махом он перечеркнул смысл освобождения от судебной ответственности. Блант имел договоренность об иммунитете, которая, конечно же, предусматривала сохранение тайны. Английское правительство нарушило эту договоренность. Какой же агент поверит теперь тому, кто предложит ему освобождение от ответственности в обмен на сотрудничество?

Во всяком случае, вскоре после заявления г-жи Тэтчер в советское консульство в Лондоне зашел человек со свертком и спросил, нельзя ли переслать его Киму Филби в Москву. Он мог бы отправить сверток по почте - почтовые отправления с адресом "Филби, Москва" без труда до меня доходят. Однако он, думается,

хотел иметь твердую гарантию, что сверток дойдет до меня.

Открыв его, я обнаружил превосходную гравюру римской колонны, колонны того самого императора Марка Аврелия Антония, который воевал с германцами. Вон она висит на стене. Это похоже на Бланта. Я некоторое время раздумывал, стоит ли подтвердить получение, но множество причин не позволили мне это сделать. Я очень пожалел об этом, когда узнал о его кончине в 1983 году.

Найтли: А что известно о Джордже Блейке? (Еще один английский разведчик, который работал на русских. В 1961 году был приговорен к 42 годам тюремного заключения, но спустя пять лет совершил сенсационный побег из тюрьмы "Уормвуд скрабз" и был тайно вывезен в Москву.) Видитесь ли вы с ним?

Филби: Нечасто. У него другая работа. Правда, я получаю известия о нем. Его сыну уже семнадцать лет, у него светлая голова. В советских школах знания оцениваются по пятибалльной системе. Так вот сын Блейка учится только на "четыре" и "пять".

Найтли: Кто вызволил Блейка из тюрьмы?

Филби: Я не имею права рассказывать о побеге Блейка, потому что речь идет об оперативных вопросах.

Найтли: Нельзя сказать даже о том, кто организовал его побег? КГБ? ИРА? Активисты "Комитета ста"?

Филби (прерывая его): Вы забыли о СИС. Может, именно СИС причастна к его побегу.

Найтли: Почему? Чтобы сдержать свое первоначальное обещание, предусматривавшее легкий приговор в обмен на сотрудничество?

Филби: Все, что я могу сказать о побеге Блейка, так это то, что он сам приложил к этому немало усилий. Блейк сыграл в этом большую роль.

Найтли: Есть люди, которые утверждают, что однажды вы вернетесь на родину и окажется, что вы являлись двойным или тройным агентом и фактически все время работали на Англию.

Филби: Я никогда не был агентом-двойником. Я всегда оставался верен одной стороне - КГБ. В мою задачу входило проникнуть в разведывательную службу противника, то есть в СИС. Если бы моя задача предусматривала проникновение в министерство внутренних дел или в министерство иностранных дел, никто не назвал бы меня агентом-двойником.

Что же касается возвращения на родину, то нынешняя Англия для меня чужая страна. Здешняя жизнь - это моя жизнь, и переезжать я никуда не собираюсь. Это моя страна, которой я прослужил более 50 лет. Я хочу быть похороненным здесь. Я хочу, чтобы мои останки покоились там, где я работал.

Найтли: Итак, у вас никаких сомнений и никаких сожалений?

Филби: Никаких сомнений в том, какой вердикт будет вынесен историей. Никаких сожалений в том смысле, что никакая линия поведения не бывает абсолютно верной или абсолютно неверной. Поэтому, если вы попросите меня подвести итог собственной жизни, я скажу, что сделал больше хорошего, чем плохого. Возможно, многие не разделят моего мнения. ЕСЛИ БЫ НЕ БЕГСТВО БЕРДЖЕССА...

Найтли: В 1949 году вы получили важное назначение в Вашингтон в качестве британского офицера связи при ЦРУ и ФБР. Вас готовили на должность шефа СИС?

Филби: Планировалось, что Стюарт Мензис (бывший в то время шефом разведки) уйдет в отставку и передаст дела своему заместителю Джеку Истону лишь на короткое время. Тогда я попал бы в список ближайших кандидатов на должность шефа. Назначение на работу в Вашингтоне свидетельствовало о том, что я в этот список попал. Вряд ли я получил бы это назначение по той простой причине, что я не принадлежал к числу "хороших штабных работников" в отличие от Мензиса. Но у меня был верный шанс стать заместителем или помощником руководителя секретной службы.

Найтли: Итак, если бы не бегство Берджесса и Маклина в 1951 году, вы, советский агент, стали бы руководителем (или заместителем руководителя) британской разведки. Что не сработало?

Филби: Во всем виноват Берджесс, черт побери, и его решение бежать в Москву вместе с Маклином. Это навлекло на меня подозрения, поскольку он жил в Вашингтоне вместе со мной. Я считал, что будет лучше, если я смогу в определенной степени контролировать его.

Предполагалось, что он только поможет бежать Маклину из Лондона. Но у меня, должно быть, появилось предчувствие, поскольку перед его отъездом из Вашингтона в Лондон я сказал ему: "Смотри не убеги вместе с ним".

Найтли: Джон Эдгар Гувер, шеф ФБР, уже подозревал вас, не так ли? Он приказал прослушивать ваши разговоры с того момента, как вы прибыли в Вашингтон.

Филби: Удивительно, как много объявилось после моего прибытия в Москву в 1963 году людей, которые уверяют, что всегда подозревали меня. Некоторые рассказывают просто изумительные истории. Говорят, Мензис подозревал меня до того, как я отправился в Соединенные Штаты. Однако могу вас заверить, что если бы возникло хоть малейшее подозрение в моей политической благонадежности, то я бы никогда не получил

назначения в Вашингтон.

Гувер подозревал меня не больше, чем любого англичанина. Да, ФБР установило подслушивающую аппаратуру в моем доме. Мой предшественник Питер Двайер предупредил меня, что ФБР будет прослушивать мои телефонные разговоры первые три месяца точно так же, как оно прослушивало его телефон. Но ФБР ничего не узнало. Все рухнуло из-за бегства Берджесса вместе с Маклином в Москву.

Три года ФБР пыталось найти ключ к шифру, использовавшемуся русскими в радиопередачах, которые велись из советского консульства в Нью-Йорке на Москву в 1944-1945 годах. Весной 1949 года работа дала первые результаты: была получена информация о том, что в начале лета 1945 года в английском посольстве укрывался русский агент по кличке Гомер, занимавший достаточно высокое положение, чтобы иметь доступ к телеграфным посланиям, которыми обменивались Черчилль и Трумэн. Гомер передавал содержание этих посланий в Москву.

Работая в паре, ФБР и МИ-5 постепенно сужали круг подозреваемых, Филби как офицер связи о ФБР был осведомлен о начавшемся расследовании и понимал, что Маклин, он же Гомер, будет вскоре разоблачен. Он сообщил об этом в КГБ, и срочно был подготовлен план бегства Маклина.

Филби: Для КГБ это обернулось большими неприятностями. Мы могли сделать одно - разработать план, как выйти сухими из воды, если все рухнет. От заранее разработанного плана вывоза Маклина из Лондона пришлось отказаться, так как МИ-5 установила за ним наблюдение. В соответствии с новым планом Берджесс должен был согласовать все в Лондоне и побудить Маклина к уходу.

В четверг, 24 мая 1951 года, на встрече сотрудников СИС, МИ-5 и Форин оффис было решено обратиться к министру иностранных дел Герберту Моррисону за разрешением допросить Маклина в следующий понедельник. Моррисон подписал разрешение в пятницу. А поздно ночью Берджесс и Маклин пересекли пролив и начали свое долгое путешествие в Москву. Выбор времени бегства позволял властям полагать, что третий человек предупредил их о предстоящем допросе. Подозрения пали прежде всего на Филби, но Питер Райт и другие, считают, что это был Роджер Холлис.

Найтли: Итак, кто же их предупредил?

Филби: Не было никакого предупреждения, если не считать того, что я послал Берджессу записку, что охота на Гомера активизируется. Убегая, он в спешке оставил письмо в своей

квартире, и Бланту пришлось здорово покрутиться, чтобы добыть его раньше, чем оно попадет в чужие руки.

Найтли: Но они бежали в тот самый день, когда Моррисон подписал разрешение на проведение допроса.

Филби: Простое совпадение. Берджесс работал над планом в течение некоторого времени, и дата бегства была определена задолго до того, как Моррисон подписал разрешение. Незапланированным явилось лишь бегство самого Берджесса. Блант и я решили стоять до конца.

Найтли: Почему Берджесс бежал?

Филби: Он дошел до предела, был близок к нервному срыву, ближе, чем кто-либо предполагал. Его карьера в Англии закончилась, что делало его малополезным для КГБ. Мы все так беспокоились о Маклине, что не обращали внимания на Берджесса. А он был в состоянии сильного стресса.

Перед отъездом из Вашингтона Берджесс случайно встретился со своим американским знакомым Майклом Стрейтом, который знал о том, что он работает на русских, и угрожал выдать его сотрудникам безопасности.

Найтли: Итак, Берджесс не чувствовал себя способным стоить до конца, как вы и Блант?

Филби: Вероятно. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что не только бегство Берджесса, но и бегство Маклина было ошибкой. Я знал, какие улики имелись против Маклина, и был уверен, что на их основании его вину доказать будет невозможно. Он мог бы выкрутиться, пригрозив возбудить дело против Форин оффис. Они бы наверняка отступили. А затем, когда через пару лет все бы улеглось, он мог бы поехать в отпуск в Швейцарию и оттуда в Москву.

Найтли: Как жил Берджесс в Москве?

Филби: Он доставлял здесь руководителям определенные хлопоты. Они делали для него все, что могли, но он не успокаивался. В России он хотел заниматься одним - возглавлять английский отдел в КГБ. Но шансов получить эту работу из-за различных бюрократических препон и ряда других причин у него не было, и это его огорчало. Он и Маклин без дела слонялись по Москве, а журналисты преследовали их.

И вот было решено помочь им начать новую жизнь, отправить их в Куйбышев. Маклин получил преподавательскую работу и зажил нормально, а Берджесс по-прежнему катился вниз.

Через пару лет преподавательская работа Маклину наскучила и он направил Молотову письмо, в котором попросился в Москву. И Молотов подыскал ему работу в сфере внешней политики. На этом поприще Маклин преуспел, написал хорошую книгу

"Внешняя политика Великобритании после Суэца". Британская пресса по-прежнему проявляла к нему интерес. Когда г-жа Тэтчер нарушила соглашение с Блантом и рассказала обо всем парламенту, некоторые британские журналисты, аккредитованные в Москве, пытались взломать дверь Маклина. Потребовалось время, прежде чем сотрудники КГБ их выдворили.

Найтли: Берджессу так и не удалось приспособиться?

Филби: Нет. Он продолжал катиться по наклонной плоскости.

Найтли: Вы встречались с ним в Москве?

Филби: Нет. При жизни мне так и не удалось повидать его. Сотрудники КГБ делали так, чтобы мы не встречались во избежание взаимных упреков в случившемся. Жаль, что мы не повидались с ним перед его смертью. Он был неплохим другом.

Через три недели после исчезновения Берджесса и Маклина Филби отозвали из Вашингтона в Лондон. Против него не было улик, но тот факт, что он проживал в одном доме с Берджессом, по мнению некоторых американцев, его компрометировал. Филби пользовался репутацией первоклассного контрразведчика. Как же он мог жить вместе с советским агентом и ничего не заподозрить? К числу подозревавших Филби относился директор ЦРУ генерал Уолтер Беделл Смит.

Филби: Из всех западных разведчиков, с которыми мне довелось встречаться, Беделл Смит, несомненно, обладал самым острым умом. В свою бытность в Вашингтоне я получил из Лондона объемную справку о сотрудничестве ЦРУ и СИС в годы войны - страниц десять текста, отпечатанного через один интервал. Я штудировал ее целый день, чтобы аргументированно вести разговор о ней. Затем договорился с Беделлом Смитом о встрече.

Я передал ему справку, и он минут за 10 пробежал ее глазами. Я подумал было, что это предварительное ознакомление, а потом он назначит встречу для более глубокого обсуждения справки. Вместо этого он закончил чтение последней страницы, сказал: "В принципе хорошо. Но мне бы хотелось внести поправку в формулировку параграфа 24 в таком плане..." - и тут же предложил свой вариант. Всю проблему он уловил за считанные минуты. Таким образом, можете мне поверить, что я не очень-то стремился объяснять ему свои взаимоотношения с Берджессом.

Найтли: А что вы можете сказать о знаменитом Джеймсе Джезусе Энглтоне, высшем офицере контрразведки ЦРУ? Не подозревал ли он вас в течение какого-то времени?

Филби: Впервые я встретился с Энглтоном в 1943 году. Потом мы иногда встречались в обществе. Но затем его направили в

Италию, и я потерял с ним контакт. Но в Вашингтоне мы были довольно близки. Пожалуй, обедали раза три и разговаривали по телефону раза три-четыре в неделю.

Не думаю, чтобы у Энглтона возникли подозрения в отношении меня до бегства Берджесса и Маклина, но даже тогда он меня сразу не заподозрил. Он позвонил мне в тот день, когда я должен был возвращаться в Лондон, и назначил встречу. Мы немного поболтали, и он спросил, как долго я буду отсутствовать.

Когда я ответил, что приблизительно неделю, он попросил меня об одолжении - передать конверт главе представительства ЦРУ в Лондоне. Он сказал, что пропустил почту, а ему очень хотелось, чтобы конверт как можно скорее попал в Лондон. Невероятный поступок для человека, который тебя подозревает, не правда ли?.. Если, конечно, в конверте не лежал чистый лист бумаги. Вероятно, он начал подозревать меня после того, как мне не удалось вернуться в конце недели, как я пообещал.

В Лондоне руководители МИ-5 несколько раз беседовали с Филби, но поползновений уволить его до получения СИС письма от ЦРУ, подписанного генералом Беделлом Смитом, о том, что американцы не хотели бы видеть Филби в Вашингтоне, не предпринимали. Мензис, глава СИС, попросил Филби подать в отставку, предложив выплатить ему 4000 фунтов стерлингов.

Для Филби и КГБ это был, вероятно, момент величайшего разочарования. План сделать его главой британской разведки провалился. Уволенный из СИС, он больше не был нужен русским. Агент в изоляции! Но так ли это?

Филби никогда не был шпионом типа Джеймса Бонда. Хотя в начале войны он какое-то время преподавал методы саботажа и подрывной деятельности слушателям, подобранным СИС, его талант раскрылся по-настоящему в научном анализе информации. "Идеальным разведчиком, - говорил он, - является человек, который спокойно сидит дома и просто думает".

Так, во время войны его работа в интересах Британии заключалась в выяснении дальнейших планов немцев (помимо других источников он использовал сверхсекретные материалы, получаемые в результате дешифровки перехваченных немецких радиограмм) и обдумывании путей срыва этих планов, особенно на территории нейтральных Испании и Португалии.

Найтли: Как это происходило на практике?

Филби: Ну, например, в 1943 году я получил однажды дешифрованную радиограмму, в которой говорилось о том, что адмирал Канарис, глава немецкой разведки, намеревается посетить Испанию. Он собирался совершить поездку от Мадрида до Севильи с остановкой в городке под названием Мансанарес. Я

хорошо знал этот городок еще с времен гражданской войны в Испании и догадался, что единственным местом, где мог остановиться Канарис, была гостиница "Парадор".

Я направил Феликсу Каугиллу, своему непосредственному начальнику, меморандум, в котором предложил известить об этом Управление специальных операций на тот случай, если они захотят организовать операцию против Канариса. Насколько я знал "Парадор", подбросить пару гранат в спальню адмирала труда не составляло.

Каугилл одобрил мое предложение и направил мой меморандум начальнику СИС, которым в то время был Стюарт Мензис. Через пару дней Каугилл показал мне резолюцию: "Акции против адмирала не желательны".

Через некоторое время при встрече с Мензисом я напомнил о своем меморандуме. "Шеф, - сказал я, - меня озадачило ваше распоряжение по этому вопросу. Игра несомненно стоила свеч". Мензис улыбнулся в ответу "Мне всегда казалось, что мы сумеем использовать адмирала". Только позднее я узнал, что он поддерживал связь с Канарисом через посредников в Швеции.

Об этой истории можно рассказать больше, чем рассказал Филби. Немецкий народ не на все, 100 процентов поддерживал Гитлера. Существовал неформальный альянс политиков и военных, которые стремились предотвратить новый мировой конфликт и надеялись найти поддержку в Великобритании. Естественно, они должны были защищать себя и поэтому для контактов использовали секретные каналы.

Ни одно британское ведомство не стремилось к сделке с немцами с большим энтузиазмом, чем британская секретная служба. Она засыпала министерство иностранных дел сообщениями о разногласиях в Германии и высказывала мнение, что обстоятельства могут сложиться так, что появится шанс быстро положить конец войне. При поддержке СИС была выработана официальная линия - способствовать расколу в Германии, "а затем посмотреть, что произойдет".

По мнению СИС, британское правительство могло бы пойти на соглашение с немцами, даже не предусматривающее в качестве обязательного условия устранение Гитлера. Это объяснялось тем, что в СИС и в определенных кругах британского истэблишмента разделяли немецкую точку зрения, будто обе страны вели не "ту" войну, будто в "той" войне Германия и Великобритания должны были вместе воевать против Советского Союза. По мере продолжения войны эти группировки вынуждены были отойти на задний план, так как Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз объединились для борьбы с немецкой угрозой.

Однако, когда события на фронте начали складываться в пользу союзников, люди, выступавшие в Германии за сепаратный мир с Великобританией, возобновили попытки сближения с англичанами. Канарис был одним из них.

Великобритания, должно быть, ожидала этого, так как аналитик Стюарт Хэмпшир, временно работавший в СИС и специализировавшийся по Германии, и отдел СИС во главе с историком Хью Тревором-Роупером представили документ с разъяснением обстановки, при которой такие попытки окажутся вполне рациональными, и о предложением на этот раз отнестись к ним со всей серьезностью.

Такие попытки сближения почти наверное должны были осуществляться через нейтральные страны, включая Испанию и Португалию, которыми и занимался в СИС Филби.

Поэтому документ о положении в Германии, прежде чем его можно было направлять адресатам, в том числе американцам, предстояло одобрить Филби.

Будучи русским агентом, он сразу оценил грозящую опасность. Новоявленные "антинацисты" в Германии не хотели прекращать войны с Россией, Они стремились ликвидировать Гитлера, помириться с западными союзниками, а затем завершить вторжение в Советский Союз. Именно на этот случай русская разведывательная служба внедрила Филби в СИС. Его функции были абсолютно ясны. Он должен был использовать свое положение для того, чтобы помешать любому сговору с Германией, за исключением безоговорочной капитуляции. К счастью для Москвы, Филби пользовался достаточным влиянием, чтобы выполнить эту задачу. Он проинформировал руководство КГБ об этих тревожных событиях и решительно блокировал распространение "мирного документа", заявив, что он носил гипотетический характер.

Найтли: Итак, это была главная задача, которую вы выполняли во время войны? И вы информировали русских о любых попытках заключить сепаратный мир?

Филби: Действительно, Москва чаще всего задавала именно этот вопрос. Ее беспокоило, что война могла стать войной только против России. Но одна из причин моих действий в этом направлении заключалась в том, что полное поражение Германии было для меня делом принципа. Я ненавидел войну. Даже после того, как она закончилась, мне было трудно забыть, что наделали немцы. Долгое время я не мог заставить себя посетить Восточную Германию. Сейчас это позади. Я признал, что не все немцы виноваты в происшедшем.

Однако попытки заключить сепаратный мир продолжались.

Отто Ион, адвокат "Люфтганзы", действовавший от имени адмирала Канариса, в марте 1943 года установил контакт с агентом СИС в Лиссабоне и сообщил, что Канарис согласен провести встречу на высоком уровне. (Некоторые до сих пор утверждают, что такая встреча с Мензисом, начальником СИС, состоялась, но доказательств этому нет.)

И вновь о предложении встретиться стало известно Филби как начальнику иберийского отдела, и он взял на себя смелость ответить категоричным отказом, заявив, что исход войны будет определен силой оружия. Когда же Ион, продолжая упорствовать, сообщил о готовящемся с целью убийства Гитлера заговоре, это сообщение также попало к Филби, который не дал ему хода, квалифицировав как поступившее из "ненадежного" источника.

Найтли: Что вы можете сказать о Мензисе и Канарисе? Об Отто Ионе?

Филби: Ион был трудным человеком. Во время войны мы пытались использовать его как агента-двойника, но он постоянно менял хозяев. Что касается Мензиса, то я не уважал его как сотрудника разведки. У него было примитивное представление о разведке, но как человек он мне нравился. Конечно, мы принадлежали к совершенно разным кругам. Я был гуманитарий, он вращался среди военных.

Беда германских мирных предложений заключалась в том, что ставились такие условия, которые были бы уместны, если бы Германия выигрывала войну, а не проигрывала ее. Мы совершенно правильно отвергли предложения немцев, поэтому им пришлось и дальше действовать в одиночку...

Канарис принял участие в заговоре с целью убийства Гитлера и 9 апреля 1945 года был повешен. Отто Ион после войны стал начальником службы безопасности Западной Германии. В 50-е годы его имя замелькало в заголовках газет, когда он, оказавшись в Восточном Берлине, неожиданно выступил против Запада. Однако через год он бежал в Западный Берлин, где заявил, что коммунисты его похитили.

Роджер Холлис, генеральный директор МИ-5 в период с 1956 по 1965 год, умерший в 1973 году, был обвинен Питером Райтом и другими в том, что он является тайным агентом советской разведки.

Подозрения в отношении его возникли, когда Игорь Гузенко, шифровальщик посольства СССР в Оттаве, обратился к канадским властям с просьбой предоставить ему политическое убежище.

Информация, предоставленная Гузенко канадским властям, повлекла разоблачение нескольких советских агентов в Канаде и обвинение 20 канадцев в преступлениях, связанных со шпионской

деятельностью. Гузенко упомянул также псевдонимы двух британских шпионов, о которых он слышал: Алек и Элли. Алеком оказался Аллен Нанн Мэй, ученый из Кембриджа, а Элли - Кэй Уилшер, секретарь верховного комиссариата Великобритании в Оттаве.

Однако позднее Гузенко сообщил, что существовал еще один Элли, который работал в Великобритании. Этот Элли в отличие от первого давал более важную информацию. Гузенко слышал о втором Элли от своего коллеги.

С британским Элли связь поддерживалась только посредством сообщений, оставляемых в тайниках, одним из которых являлась трещина в надгробии. Работал он в "пятом МИ" (это могло означать МИ-5, где работал Холлис, или пятый отдел МИ-6, возглавляемый Филби) и в его родословной было "что-то русское".

Когда поступали телеграммы от Элли, в шифровальной комнате всегда присутствовала женщина, которая читала расшифрованные сообщения и в случае необходимости относила их непосредственно Сталину.

С годами Гузенко менял что-то в своем рассказе, несколько раз с уверенностью заявляя, что Элли работал в МИ-5, в других случаях он был менее уверен и признавал вполне вероятным, что Элли работал в контрразведке СИС. В некоторых интервью он заявлял, что полагает, будто Роджер Холлис и есть Элли. Но в одном из своих последних интервью перед смертью, последовавшей в 1982 году, Гузенко сообщил, что Элли, скорее всего, Чарльз Эллио, офицер СИС австралийского происхождения, имевший русскую жену.

Питер Райт и его сторонники были уверены, что Элли - это Холлис. Однако большая часть признаков в равной степени указывали на Филби или на Энтони Бланта. Существовала также вероятность, что Гузенко, разочаровавшись, что первый Элли оказался столь мелкой фигурой, чтобы повысить собственное значение, выдумал второго Элли. В любом случае, несмотря на большое количество времени, затраченного на решение этой задачи, личность второго Элли так и не была установлена.

Найтли: Вы можете пролить свет на дело Холлиса?

Филби: Честное слово, не могу. Такой вопрос не входит в мою компетенцию. Могу сказать одно: я знал его не очень хорошо, но действительно знал. И потому версия Гузенко кажется мне невероятной. Я думал, что он честный, хотя немного скучный англичанин.

Найтли: Вы знали что-либо о Гузенко и истории с Элли?

Филби: Конечно. Первые сведения о Гузенко и Элли

поступили от Стивенсона (сэр Уильям Стивенсон, "неустрашимый" канадец, глава британской координационной разведывательной службы в Нью-Йорке вовремя войны). Шеф СИС вызвал меня и спросил, каково мое мнение обо всей этой истории. Я заявил, что это очень важно.

Некоторым утешением послужили поступившие позднее сообщения, что Гузенко чуть не довел до банкротства полицию безопасности, когда он познакомился с прелестями капиталистической системы и ему понравилось заказывать товары по почте. Он имел обыкновение заказывать из каталогов различные товары длительного пользования независимо от того, нужны они ему были или нет, а счета посылал полиции безопасности. Его подвал был, наверное, заполнен нераспечатанными телевизорами и подобными вещами.

Элли же остался загадкой, и она, вероятно, никогда не будет разгадана. Элли появляется в телеграмме Гузенко, но ни до этого, ни после о нем не упоминается. Сотрудник или агент не всегда знает свой собственный псевдоним, но, насколько мне известно, я не Элли. Установить личность Элли пытались многие сотрудники британских спецслужб. Помню, однажды Блант и я находились в кабинете Холлиса. Холлис и я беседовали, а Блант лениво листал какой-то отчет. В разговоре возникла пауза, и вдруг Холлис повернулся к Бланту и воскликнул: "О, Элли!"

Блант и глазом не моргнул. Он продолжал перелистывать страницы, как будто ничего не произошло. И Холлис в свою очередь возобновил беседу со мной, будто и не прерывался.

Виктор Ротшильд испробовал однажды на мне подобный прием. В 1946 году он сказал мне, что решил сохранить копию картотеки МИ-5 на некоторых лиц, которые впоследствии, по его мнению, могли бы представить угрозу с точки зрения обеспечения безопасности.

Найтли (перебивает): Он имел в виду коммунистов?

Филби: Не знаю. Затем Ротшильд спросил: "А как давно являетесь членом партии вы, Ким?" Я удивился: "Я, Виктор?" И Ротшильд сказал: "Это была маленькая шутка. Я ее пробую на каждом". Я НЕ ИСПЫТЫВАЮ СОЖАЛЕНИЯ.

В ноябре 1952 года Кима Филби вызвали в штаб-квартиру МИ-5 для "дачи показаний в связи с бегством Берджесса и Маклина". Расследование велось неофициально. Это была своего рода инсценировка, затеянная с целью выяснить, какие улики имеются против Филби, и посмотреть, нельзя ли заманить его в ловушку и инкриминировать что-то. Обвинителем выступал королевский адвокат Милъмо, по прозвищу Забулдыга, кавалер Рыцарского ордена, приобретший во время второй мировой войны

репутацию лучшего следователя МИ-5.

Филби: Это расследование не было фарсом, как это представлялось некоторым. Возьмите, например, заявление Джона Ле Карре в предисловии к вашей книге. Он пишет: "Хороший следователь никогда не конкретизирует свои обвинения, никогда не раскрывает того, что ему известно, никогда не позволяет подозреваемому почувствовать себя в безопасности и считать, что он может рассчитывать на моральную поддержку коллег, никогда не ведет допроса в присутствии сочувствующей подследственному аудитории".

Все это верно. Но меня не сопровождали мои коллеги, меня не допрашивали в присутствии сочувствующей мне аудитории. Я имел дело со следователем Мильмо, хорошо зарекомендовавшим себя во время войны, и его помощником из МИ-5. Оба были враждебно настроены по отношению ко мне.

Необходимо понять необычность ситуации. В течение 11 лет я работал непосредственно в этой системе, занимаясь главным образом вопросами контрразведки. Я тщательно изучал архивы. Мне были известны все приемы следствия. Так как же мог Мильмо скрыть, в чем собирается обвинить меня, если я заранее предвидел возможные обвинения? Как он мог раскопать факты, которые не были мне известны?

Действительно, один или два раза он сумел озадачить меня, но это было не столь существенно.

Были и серьезные улики. Например, та, что связана с Кривицким (генерал Вальтер Кривицкий, оставшийся за границей в 1946 году, будто бы заявил, что во время гражданской войны русские направили в Испанию молодого английского журналиста). В действительности Кривицкий сказал, что Москва направила молодого английского журналиста в Испанию во время гражданской войны, чтобы убить Франко. Поэтому, обличая меня, Мильмо прокричал: "Вас послали в Испанию, чтобы убить Франко, не так ли?" И я возразил: "Неужели вы серьезно считаете, что русские выбрали бы меня для убийства Франко, а не тех, кого использовать было гораздо проще?" Абсурдность данного предположения была очевидна всем присутствовавшим.

Однако на некоторые вопросы я ответить не мог.

Мильмо, например, заявил, что, когда я отправился в Стамбул по делу Волкова, было отмечено увеличение радиообмена между советским посольством в Лондоне и Москвой, а также между Москвой и Стамбулом. Он спросил меня, какова причина. И я ответил просто: "Откуда мне знать?"

Можно поспорить относительно того, правы ли были руководители службы, столкнув меня с Мильмо. Они должны

были знать, что я хорошо подготовлен к такому испытанию. Неизвестно только было, выдержат ли мои нервы. Они, вероятно, надеялись: я сломаюсь от громоподобного голоса Мильмо, остальное же довершат беседы со Скардоном. (Уильям Скардон, знаменитый следователь МИ-5, разоблачил замешанного в атомном шпионаже Клауса Фукса.) К счастью, выдержка мне не изменила, как я и предполагал. Но если бы изменила, власти были бы вознаграждены.

Найтли: По окончании этих допросов вы оказались не у дел. Что вы предприняли?

Филби: Главная проблема заключалась в том, чтобы заработать на жизнь. Снова податься в журналистику? Когда-то я уже занимался ею в Испании, поэтому решил поехать туда. В течение пяти недель я пытался работать, но мало преуспел. Потом один мой друг из Сити предложил мне работу в своем экспортно-импортном агентстве. Мы импортировали из Испании фрукты и овощи, продавали Соединенным Штатам касторовое масло и так далее. Но через год он обанкротился... Потом была неудачная попытка написать книгу. Андре Дрейч предложил мне написать о своей работе в британской разведке. Но цензура тогда была более строгой, чем сейчас, поэтому книга наверняка получилась бы беззубой. После нескольких попыток я понял, что не смогу ничего написать, и вернул аванс в размере 500 фунтов стерлингов. Этих денег у меня не было. 250 центов одолжил мне старый друг Томми Хэррис, остальные я собрал по знакомым.

Помощь пришла с совершенно неожиданной стороны - от директора ФБР Эдгара Гувера. Гувер был поражен, что британское правительство в своей Белой книге 1955 года о побеге Берджесса и Маклина не сочло нужным упомянуть о подозрительной роли Филби, и организовал в британской и американской прессе публикации, в которых назвал Филби "третьим человеком".

Но Гувер не учел антимаккартистских настроений в Великобритании, в свете которых Филби выглядел жертвой гонений. Не мог он также знать о неприязни, которую испытывали ко всему миру секретных служб министр иностранных дел Гарольд Макмиллан и его советники. (Секретарь Макмиллана лорд Эгремонт считал разведку пустой тратой времени и денег и говорил, что, будь его воля, он показывал бы русским протоколы заседаний кабинета два раза в неделю, чтобы "предотвратить все это искусственное и опасное гадание на кофейной гуще".) Сам Макмиллан считал, что дело Филби - это результат столкновений между СИС и МИ-5, которые следовало уладить самим, поэтому он согласился в обмен на реорганизацию СИС и "общую чистку" выступить в палате общин с

заявлением, фактически снимающим с Филби все подозрения.

Это заявление способствовало укреплению мнения, что Филби - оскорбленный герой, пострадавший от МИ-5. Его старые друзья в СИС, не теряя времени, подыскали ему место сотрудника резидентуры в Бейруте, продлив, таким образом, его карьеру в КГБ на восемь ценных лет. И только в 1963 году, после побега Филби, стало ясно, что подозрения американцев на его счет были обоснованны.

Найтли: Давайте еще раз взглянем на вашу жизнь. Поступили бы вы так же, если бы пришлось повторить все снова?

Филби: Непременно.

Найтли: И вы ни о чем не жалеете?

Филби: Об утрате дружеских связей. Томми Хэррис и кое-кто из близких друзей, должно быть, очень сердятся на меня, и совершенно справедливо. С профессиональной точки зрения я мог бы сработать лучше. Я совершал ошибки - дело Берджесса было одной и дорого платил за них.

Найтли: И вы не испытываете никаких угрызений совести по поводу гибели людей, которой вы способствовали? Например, албанская операция? (Филби координировал совместную операцию ЦРУ и СИС по внедрению в конце 40-х-начале 50-х годов агентов в Албании в целях поднятия там мятежа. Филби сообщил об этой операции КГБ, и агентов после приземления переловили и расстреляли.)

Филби: Сожалений возникать не должно. Да, я сыграл определенную роль в срыве разработанного Западом плана по организации кровавой бойни на Балканах. Но те, кто задумал и спланировал эту операцию, также, как и я, допускали возможность кровопролития в политических целях.

Агенты, которых они направили в Албанию, были вооружены и преисполнены решимости осуществлять акты саботажа и убийства. Поэтому я не испытываю сожаления, что способствовал их уничтожению, - они знали, на что идут. Не забывайте, что ранее я также был замешан в ликвидации значительного числа гитлеровцев, внеся таким образом свой скромный вклад в победу над фашизмом.

Найтли: И вы не чувствуете никакой вины из-за отсутствия у вас патриотизма?

Филби: Патриотизм - это сложное чувство. Русские очень любят свою страну, но в течение долгих лет многие эмигрировали и начали новую жизнь за границей, хотя им недостает России. Между прочим, я думаю, что следовало бы разрешить свободный выезд из Советского Союза. Мне кажется, власти были бы удивлены тем, как мало советских граждан захотело бы выехать

из страны и как много захотели бы позднее вернуться. Но это только мое личное мнение. Миллионы людей сражаются и умирают за свою страну, однако миллионы эмигрируют в поисках новой родины. Я сам потомок эмигрантов. Мои предки приехали из Дании. Когда я думаю о патриотизме, то меня озадачивают слова г-жи Тэтчер: "Я страстно люблю свою страну". О какой стране она говорит? О Финчле и Далидже? Или о Ливерпуле и Глазго? Тревор-Роупер (лорд Дейкр, историк) написал, что, по его мнению, я не нанес Англии никакого вреда. С моей точки зрения, это безусловно верно, но я был удивлен и тронут, что это верно и с его точки зрения, точки зрения правоверного тори.

Найтли: А как насчет точки зрения Малькольма Маггериджа?

Филби: Он выдвинул сумасшедшую гипотезу, заключающуюся в том, что я всегда был настроен пронацистски и переметнулся, когда осознал, что немцы на пороге поражения. Маггеридж идет против течения. Первая статья, которую он написал обо мне после моего отъезда в Москву, была довольно дружелюбной. Но другие делали то же самое. Поэтому он решил, что самый подходящий момент перейти на противоположные позиции. Много лет назад я предвидел, что он придет к католической церкви. Но с ним было интересно общаться, и я все еще чувствую к нему симпатию. Если увидите его, передайте ему от меня привет.

Найтли: Итак, Англия для вас уже ничего не значит?

Филби: О, мне бы очень хотелось съездить туда, повидать своих внуков. Но если бы мне предоставили только один шанс, я предпочел бы побывать во Франции. Там я пережил очень счастливое время. Ну а нынешняя Англия для меня чужая страна...

Мой дом здесь, и хотя здешняя жизнь имеет свои трудности, я не променяю этого дома ни на какой другой. Мне доставляет удовольствие резкая смена времен года и даже поиск дефицитных товаров.

Одним из достоинств советской социальной системы является жизнь за наличные. Здесь нет кредита, но нет и постоянного залезания в долги. Одному богу известно, что произойдет с западной экономикой, если вдруг потребуется уплатить все личные долги.

Найтли: Но ведь здесь вы принадлежите к категории привилегированных граждан как генерал КГБ?

Филби: Строго говоря, в КГБ нет военных званий, но я действительно пользуюсь привилегиями генерала. Хотя по-настоящему ценю только одну из них - первоклассное и очень быстрое медицинское обслуживание. Я знаю, что этого не должно

быть, что такая привилегия должна стать правом каждого, но, честно говоря, в случае болезни мне было бы очень трудно отказаться от нее.

Найтли: Как у вас со здоровьем?

Филби: У меня аритмия, и по этому поводу я лежал в госпитале. Мне сказали, что если я буду следить за собой, беречься от сквозняков и остерегаться поднимать тяжести, то буду в полном порядке еще несколько лет.

Вернемся к вопросу о моем положении. Как вам известно, пребывание мое в нынешнем качестве имеет некоторые минусы. Сразу же после приезда ко мне приставили офицера КГБ, который несет ответственность за мою безопасность. Вопрос о поездках и путешествиях нужно было согласовывать с ним. Я сказал, что в этом нет необходимости. И тогда меня спросили: "Каковы, по вашему мнению, шансы, что западная разведка не замышляет что-то против вас?" Я ответил: "О, один из тысячи". На это мне возразили: "С этим мы не можем согласиться". Поэтому офицер безопасности постоянно при мне, и с него спросят, если со мной что-нибудь случится.

Он, например, поднял шум в связи с моей поездкой на Кубу. Он исключил воздушное путешествие из-за того, что по какой-либо причине можно изменить маршрут или совершить незапланированную посадку. Поэтому мы отправились на Кубу на русском торговом судне и прекрасно провели время. Мы шли через Ла-Манш и, будь хорошая видимость, могли бы, разглядеть мою старую приготовительную школу в Истборне.

Найтли: На Кубе вы встречались с Кастро?

Филби: Нет. Были встречи только с кубинскими коллегами, которые задали мне очень много работы.

Найтли: Давайте вернемся на минуточку к Англии? Ведь должно же быть что-то, по чему вы скучаете.

Филби: По горчице Коулманз и соусу фирмы "Ли энд Перринз".

Найтли: И все же вы стремитесь быть в курсе всего, что происходит в Англии?

Филби: Я получаю "Таймс" через контору в Ноттинг-Хилле. Однако газета поступает нерегулярно и иногда приходит настолько помятой, что перед чтением мне приходится проглаживать ее утюгом.

Кроме того, что я читаю "Таймс" и "Санди таймс" и несколько журналов, я часто слушаю Би-би-си. Иногда я ловлю передачи "Внутреннего вещания", но прием не всегда хорош и часто выступает какой-то ужасный парень, который передает не менее ужасную музыку и все говорит, говорит, говорит...

У меня пунктик в отношении современной музыки. Я тоскую по тем дням, когда в машинах не было приемников. Я в ужасе от того, что эта варварская музыка докатилась до Советского Союза. Знаете, единственным местом, где можно укрыться от ужасающего грохота современной музыки, является Сибирь. Берете с собой палатку, еду, располагаетесь на лоне дикой природы и - слушаете тишину.

Вы, вероятно, слышали о случившихся здесь беспорядках. Они произошли главным образом по вине молодых хулиганов, обалдевших от рок-музыки.

Найтли: На вашей книжной полке я видел "Охотника за шпионами". Что вы думаете об этой книге?

Филби: Я не был знаком с Райтом, хотя он утверждает, что однажды встречался со мной. Я бы удивился, если бы его рассказ о заговоре МИ-5 с целью свергнуть правительство Вильсона соответствовал действительности. Если бы такое произошло, то генеральные директора обеих служб не могли бы не узнать о нем и немедленно бы его подавили.

Найтли: Что вы думаете о Ле Карре?

Филби: Я прочитал все его книги. Первые была превосходны, но последующие оказались слишком сложны для меня. Сейчас его книги сложнее любой разведывательной операции, в которой я когда-либо принимал участие.

Найтли: А как насчет вашей собственной книги ("Моя тайная война", опубликованная на русском языке в 1980 году)? Какова ее судьба?

Филби: Книга имела большой успех. Она была распродана за несколько дней и позже не переиздавалась. Книга имела также очень большой успех в Чехословакии и принесла мне доход в кронах. Мы ездили в Чехословакию, чтобы потратить эти деньги, и нам там оказали весьма радушный прием.

Затем книга была опубликована в Болгарии, и там произошло примерно то же. Выгода заключалась в том, что теперь мы можем ездить за границу два раза в год - скажем, летом совершить поездку в Болгарию, а зимой еще куда-нибудь.

Найтли: А как насчет новой книги?

Филби: Мне больше нечего сказать. Может, остались кое-какие технические детали, но материалы о них хранятся в архивах. Я устал от всей этой истории, с меня довольно. Естественно, она по-прежнему вызывает острый интерес у британской прессы, которая постоянно требует от своих корреспондентов, чтобы они взяли у меня интервью.

Найтли: Как вы оцениваете отношения Советского Союза с Западом в настоящее время?

Филби: На Западе часто говорят, что Советский Союз стремится доминировать в мире. Я же не могу вспомнить ни одного случая, когда кто-нибудь из советских лидеров говорил об этом. Юджин Ростоу предостерегает не спешить с ратификацией договора о РСМД. По его мнению, Западу следует подождать полгода, чтобы убедиться в том, что слова Горбачева не расходятся с делом и что за ними он не скрывает свою истинную цель - установление контроля над Западной Европой, Китаем и Японией.

Смешно слышать подобное от такого умного человека, как Юджин Ростоу. Его высказывания - просто абсурд. У нас достаточно собственных проблем, чтобы обременять себя другими.

Найтли: А как же Афганистан?

Филби: Моего совета по Афганистану не спрашивали. Если бы спросили, я бы не посоветовал вмешиваться в его внутренние дела по чисто историческим соображениям. Я бы сказал: посмотрите, что произошло там с англичанами. Не вмешивайтесь в дела афганцев.

Но и вы должны попытаться понять нашу точку зрения. Мы ладили с королем и его преемником. Афганцы это знают. Потом произошла революция 1977 года. Ее называли коммунистической, однако в действительности во главе ее стояли две соперничающие группировки. Мы оказывали им экономическую помощь и помощь оружием.

В 1979 году в Москву приезжал президент страны Нур Мухаммед Тараки, которому был оказан торжественный прием. Он вернулся на родину, и его убили. Это положило начало периоду неопределенности. Как нам следовало поступить, чтобы ликвидировать раскол между двумя группировками и нормализовать обстановку в стране?

Мы решили ввести в Афганистан войска и держать его под контролем в течение некоторого времени до восстановления там порядка. Я не знаю, действительно ли приглашали нас туда для этой цели, однако в Кабуле несомненно были элементы, которые этого хотели. Кроме того, существовали более чем серьезные подозрения в отношении Амина, заигрывавшего с американцами.

В любом случае мы не могли терпеть американцев на пороге нашего дома. Вы можете возразить, что американцы уже расположились у порога нашего дома - в Турции. Все правильно, но мы не хотели их видеть у порога нашего дома еще и в Афганистане. И конечно, неизвестно, что бы произошло, если бы мы не ввели в Афганистан свои войска.

Сейчас мы стремимся как можно скорее вывести их оттуда, не

ставя под удар наших друзей. Нам нужна абсолютная честность в решении этого важного вопроса.

Найтли: Есть вопросы, которые мы не затронули?

Филби: Есть. Я хочу обратить ваше внимание на одно обстоятельство. В вашей книге написано: "У Филби нет дома, нет женщины, нет убеждений". Вы видели мою квартиру и можете составить мнение о ней. И если слово "дом" вы употребили не в буквальном смысле, то вокруг этой квартиры раскинулся самый большой дом в мире, дом, площадь которого составляет более 8 миллионов квадратных миль. Нет женщины? Вы познакомились с ней. Многие мужчины позавидовали бы моему браку с такой женщиной, как Руфа. Нет убеждений? Ну уж бросьте! Только глупец станет отрицать наличие у меня убеждений.